

МИР

№7 1926

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Изд-во
«П.П.Сойкин»
ЛЕНИНГРАД СТРЕМЯННАЯ 8

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
«НИГИЛИЙ», — фантастический роман Р. Эйхакера; перевод Анны Бонди; иллюстрации М. Мизернюка	1
«МИШЕНЬ», — рассказ М. Зуева, с иллюстрациями	41
«РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ»	51
«БИОТРАНСФОРМАТОР», — рассказ Гр. Ямского, с иллюстр.	53
АМЕРИКАНСКИЕ «ЧАСЫ ДОСУГА». — В погоне за долларами, — очерк, с иллюстрациями	67
«НА ДАЛЕКИХ ОКРАИНАХ»: «ТАЙНА ЦЕЙСКОГО ЛЕДНИКА»: рассказ В. М. Гамалея, с иллюстрациями	71
«ПЕРЕПЛЕТЕННЫЕ СЛОВА». — Решение задачи № 5	77
«НЕСЛЫХАННАЯ КРЫСОЛОВКА», — рассказ Клода Фаррера, с иллюстрациями	79
«НАРОДНАЯ ЗАДАЧА» — № 29	85
«ЗА РАБОТОЙ»: — «ВУЛКАНИЗИРОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК», — рассказ П. Орловца, с иллюстрациями	87
«ФЕРМА С ПРИМАНКОЙ», — рассказ Р. Элиота, с иллюстрациями	101
«ПЕРЕПЛЕТЕННЫЕ СЛОВА». — Задача № 6	109
«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ». — Откровения науки и чуда техники:	
«ЧУДЕСА ОКЕАНА», — статья проф. П. Ю. Шмидта	111
Самое горячее пламя, — с иллюстрациями	117
Огонь под водой, — с иллюстрациями	118
Прадел трактора, — с иллюстрациями	119
7-я часть света	120
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК	на 3-й стр. обложки.

Обложка художника М. Мизернюка.

Содержание I части романа „Нигилий“.

(См. № 6-й журнала „Мир Приключений“)

Весь мир был встревожен и заинтересован громадины метеором. Наиболее значительная часть его упала в океан и там начали происходить необыкновенные явления: вода точно подвинулась и образовала гору, с которой стекала во все стороны. Из-за этого водного столба сильно отклонилась компасная стрелка, изменилась температура и барометрическое давление. Остальные куски метеора упали в Японии и, по международному решению, были отданы для исследования заинтересованному немецкому ученому д-ру Веригту, который в Вомбее построил целый „город Веригта“ специально для изучения болта. Тайнственная материя, заключавшаяся в нем, должна привести к познанию сущности всех вещей и раскрыть загадки творения.

Странная красавица, которую все называют повелительницей идюсов, неограниченно богата и могущественна, надеется властвовать над миром, завладеет разгадкой тайны болта. Она создает сильную организацию, выкрадывает обложку камня, влияет профессора Кахлина и других ученых, инспирирует инженера Думаску, не желающего подчиниться ей, и всеми силами стремится помешать д-ру Веригту, который работает со своим любимым ассистентом д-ром Нателем и его женой леди Мабель. Испанец дон Эбро — их верный страж.

Действие развертывается в экзотической Индии и, наряду с описаниями замечательной лаборатории и любопытных химических и электрических опытов с метеором, перед читателем проходят колоритные картины жизни туземцев, факиров и погов.

Первая часть романа заканчивается блестящим описанием гонимой шумиля и переключается на произведения во всем мире, когда д-р Веригт опубликовал свое сообщение о первом опыте с болтом. Тайна его еще не вполне открыта, но ученый уже добился многого и все человечество волнуется в предожидании долгих пелель.

НИГИЛИИ

Фантастический роман Р. Эйхакера

Научная идея М. Фалиера

Перевод Анны Бонди

Научное предисловие проф. Н. А. Морозова

Иллюстрации М. Мизернюка

(Начало см. № 6).

VII.

Сам Верндт молчал. Инженера мало заботили результаты его сообщения. Он отмечал только суждения значительнейших людей, о которых ему ежедневно сообщала Мабель. Для всего остального мира он стал невидим и недоступен. Целыми днями сидел он, запершись в своей индусской комнате, делал заметки и вычисления. Ел он за своим письменным столом торопливо, молча, погруженный в мысли. На десятый день он позвал Нагеля.

Взгляд Верндта был ясен, лицо оживлено. Он подал своему адъютанту руку.

— Вы, ведь, хорошо знаете меня, дорогой Нагель, по нашей совместной работе для спасения Германии. Надеюсь, я не должен извиняться за свое продолжительное молчание.

— Можно войти?—послышалось за дверью. Из-за занавеси показалась очаровательная головка Мабель.

Верндт встал навстречу, протянув ей руки.

— Вы начинали нас беспокоить, уважаемый учитель. Но я вижу по вашему взгляду, что...

— ... что я подвинулся вперед, да! Мрак медленно рассеивается. Совершенно ясные явления говорят, что мы на правильном пути.— А где Думаску?

— Он был болен. Я хотел вам доложить, но не решался вас беспокоить. Первые дни после нашего опыта он был нервнее обычного. Я приписывал это пережитому волнению. Но я нашел его совершенно обессиленным, когда пришел к нему по делу на третий день. Он полулежал в кресле, как мертвый, с открытым ртом и свисающими по обе стороны руками. Только грудь его поднималась неровными, конвульсивными толчками. Глаза его страшно закатывались, так что из-за полуопущенных век неприятно виднелись белки. Я сейчас же послал за доктором...

— Одну минуту! — торопливо прервал его Верндт. Вы наверно помните, что глаза его были белые?

— Тогда еще, да! Но его состояние уже изменилось, когда я пришел с врачом. Вместо голубой радужной оболочки на белом глазном яблоке, таращился вокруг зрачка огненно-красный ободок на ярко-желтом фоне.

Верндт сделал себе короткую пометку.

— Он производил жуткое впечатление. Европейец-врач, очевидно, растерялся. Он заявил, что это неизвестная еще до сих пор болезнь и что она должна стоять в связи с метеором.

— Правильно! — кивнул головой Верндт, — пожалуйста, продолжайте.

— Мы дали ему полный покой. Часов в двенадцать ночи раздался его крик, потом снова наступила тишина. Потом опять послышался его голос. Он был в бреду. Врач дежурил возле его кровати. На следующее утро он был заметно бодрее. Неприятная краснота глаз побледнела. Он потребовал книг. С невероятной быстротой поглощал их содержание, потом бросал в сторону драгоценные тома. Он с отвратительной жадностью, точно животное, поглощал еду, которую мы ему приносили. Находился в состоянии дикого, невероятного раздражения. Знаменитый немецкий окулист, доктор Хейлзам, к которому мы обратились за советом по радиопону, сказал, что, по его мнению, большой получил повреждение во время опыта с метеором. Ему кажется, что это результаты излучений метеора, которым Думаску подвергся вследствие повреждения своих глазных стекол или какой-либо неосторожности. Он заявил, что мы должны быть готовы к тяжелой болезни. Я тем более удивился, когда больной пришел ко мне на следующий день рано утром. Сюда, в этот дом. Я нашел, что его тон и манеры очень изменились. Вообще же он был совершенно здоров. Его первым вопросом было, прежде, чем я успел с ним поздороваться:

— Господин доктор, как попал я в Бенарес?

— Ага! — невольно вырвалось у Верндта.

У него, очевидно, было свое особое мнение обо всем услышанном.

— Дальше, пожалуйста! — сказал он коротко.

— Я, конечно, был не мало удивлен. И чем дальше он говорил, тем больше я удивлялся. Он смотрел на меня, как на незнакомого. — Вы доктор Нагель, неправда ли? — спросил он. Мне так и сказали. — Но, позвольте, перебил я его. — Мы же знаем друг друга уже несколько недель! — Думаску был поражен. — Как? Недель? — Что-то так заставляло его размышлять, что лоб его покрылся глубокими морщинами. Выражение его лица было болезненно, точно он мучительно старался что-то вспомнить. — Недели? Недели? повторял он. Он положил руку на лоб и так вопросительно и страдающе смотрел на меня, что мне стало его жаль. Чтобы отвлечь его, я протянул ему мой портсигар. — Вы курите? — спокойно спросил я его. В то же мгновение Думаску сделал какой-то звериный прыжок. Глаза его были широко открыты, ноздри трепетали. Потом взгляд его сразу стал ясным и спокойным.

— Стойте! — произнес Верндт. — Пожалуйста, будьте теперь точны. Что сказал он потом?

— Я совершенно ясно вижу перед собою всю эту сцену. — Лицо его изменилось, точно в приступе злобы. — Женщина! — закричал он, — эта ужасная женщина! ах, теперь мне все ясно... все ясно...! — Не успел я ему задать вопроса, как он, точно обезумев, выбежал из комнаты. С тех пор он бесследно исчез из Бенареса. Его поведение показалось мне таким загадочным, мое старое подозрение, что он обманом...

Верндт сделал отрицательное движение.

— Нет. Эти происшествия сходятся с моими предположениями, как члены одного тела. Наш метеор постоянно дает новые загадки и разгадки.

— Метеор? Действительно, метеор?—удивленно спросил Нагель.—Метеор играл роль и в поведении Думаску?

— Да, мой молодой друг. Метеор, очевидно, поглощает лучи... Не только электричество, тепло и свет... Но об этом после... То, что произошло с Думаску, имеет большее значение. Одно совершенно ясно: человек был загипнотизирован, а теперь освобожден от гипноза. И в этом для него большая опасность...

VIII.

Вальтер Верндт в последний раз проверил новое вентиляционное устройство в помещении лаборатории. Взглядами, полными ожидания, смотрели на него Нагель и Мабель. Они откинули назад головные уборы своих скафандров и на лицах их отражалось радостное ожидание. Инженер был серьезен.

— Фрау Мабель, — сердечно произнес он, — вы взяли на себя задачу быть моим живым дневником. Поэтому я и просил вас присутствовать сегодня при моих опытах. Постарайтесь твердо удержать все в памяти. Твердо и определенно, как написанное. Вы принимали большое участие в том, чего мы добились за последние недели. Поэтому, я только коротко коснусь того, что было сделано до сих пор. За время после первого опыта мы точно определили количество и качество каждого элемента, найденного в метеоре. С громадной точностью! Все, происшедшее до сих пор, послужило к изучению химических веществ, из которых состоит метеор. Но до сих пор еще не удалось повлиять каким-либо способом на эволюцию незнакомого вещества. Ни один химический реактив не действовал на него. Тут может быть только одно объяснение: таинственная материя не есть элемент в смысле химического начала Дальтона, но является материей, состоящей из ультраатомных частей, — быть может, это сама первичная материя. Об огромном значении этого факта я скажу позднее. Нет ничего особенно нового в том, что превращение этой материи не удалось химическим способом. Мы знаем, что известные изменения в материи, происходящие в атомах — я напому элементы радий и торий, — никоим образом не поддаются химическому воздействию. Химия может действовать только на перегруппировку атомов в молекулах, может разлагать и соединять атомы, менять соединения. Но она не в силах производить изменений внутри атомов. То, что мы хотим испробовать сегодня, — уже не химия в общепринятом смысле, это ультрахимия. Ей принадлежит будущее! И ее главный закон, который вы сегодня услышите от меня, гласит: корпускулы ¹⁾ могут соединяться только с корпускулами. Только из первичной стадии может рождаться всякое начало.

Инженер сделал продолжительную паузу. Его орлиные глаза победно сверкали. Грудь высоко поднималась.

— Задача, значит, в том, чтобы расщеплять атомы в корпускулы, а из корпускул создавать новые атомы. Мне уже удалось раз с помощью вашего супруга, фрау Мабель, отделить части атомов и с помощью неизвестной до сих пор электрической энергии, существование которой пока еще является нашей тайной, добыть из таллия золото и платину. Но до сих пор нам удавалось только искусственно превращать одни

Инженер Вальтер
Верндт.

¹⁾ Корпускула — первичное тельце. (Прим. перев.).

элементы в другие, а не создавать атомы из первичных корпускул. Метеор или, вернее говоря, его загадочная сердцевина, ведет нас дальше. Я хочу попробовать разделять тем же способом атомы на корпускулы и вернуться, таким образом, обратно к акту творения.

Нагель не мог дальше сдерживаться. Он схватил обеими руками руку Верндта. Он понимал лучше, чем Мабель, значение простых слов Верндта. Инженер серьезно продолжал:

— Вы понимали меня до сих пор, фрау Мабель?

— Совершенно.

— Так я продолжаю. Сегодняшний опыт — лишь проба. Я предназначил небольшой остаток нашего меньшего камня на то, чтобы сделать пробный опыт при наименьшей трате нужных для этого веществ. Меня заставляет прибегнуть к этому то, что мы за последние недели истратили весь оставшийся камень и теперь у нас имеется только самый большой обломок. Если опыт будет удачен, мы сделаем его до конца с большим обломком.

Он указал на различные чашки.

— Вы видите здесь незначительные количества радия, урана, полония, тория, актиния и других сильно радиоактивных элементов. На том столе вы видите пробы химически-чистого основного вещества всех остальных элементов. Мы будем изучать действие нового элемента и его эманаций на 80 известных элементах. На третьем столе вы увидите бесчисленные химические соединения, избранные мною для изучения действия атомов и молекул. Этим всем заканчиваются наши главные приготовления. Мы снова употребим плавильную печь, чтобы расплавить и превратить метеор в пар. Кроме того, я употребляю еще сегодня и мои электрические токи.

— Ваши *W* токи?—взволнованно перебила его Мабель.

Он утвердительно кивнул головой.

— О, как я счастлива присутствовать вместе с вами на этом зрелище человеческого могущества.

— Вы уже видели мою динамо и рядом с ней аккумулятор. Вот рычаг мотора. Как вам уже говорил ваш супруг, я получаю мою колоссальную электрическую энергию из воздуха, принимая давление солнечной энергии с помощью высоких мачт и проволочных сеток. Падение солнечной энергии,—употребляя выражение, принятое при работах с водной силой,—я ловлю на мой первый мотор...

Он нажал книзу рычаг. Тотчас же раздалось такое жужжание, точно на крышу лаборатории налетела туча пчел. Верндт отпустил рычаг.

— Мои сильнейшие динамо стоят глубоко под землей, в прочно-построенных подвалах. Эти кабели здесь, конечно, не выдержали бы миллионы ампер. Передача происходит при помощи колес включающего ток аппарата, который вы видите снаружи. Прошу вас обратить теперь внимание на измеритель. Эта стрелка показывает вольты, а та амперы. Эта красная стрелка прибора и показывает мне, когда достигнуто напряжение, могущее направить главную силу на машины под землей.

Дом снова зажужжал. Жужжание скоро перешло в рев. Указатель измерительного аппарата поднимался со стремительной быстротой. Сто-тысячные мчались друг за другом без перерыва.

— Миллион вольт!—взволнованно сказала пораженная Мабель.

Верндт выключил.

— Я довожу ток до двух миллионов. Это напряжение, достаточное для опыта. Вы потом увидите все это в полном действии. Вам ясен принцип? Вы понимаете?

Мабель смотрела на него блестящими глазами.

— Понимаю, учитель, что мой муж вас обожает. Я тоже должна....—добавила она, слегка краснея.

Инженер почти мечтательно смотрел мимо нее.

— Я только продолжаю то, что начали другие... Но пора приступать и к опыту! Опустите, пожалуйста, ваши капюшоны и следуйте за мной в стальной шкаф.

Он крепко закрыл дверь и изнутри стал нагревать печь. Эволюция метеора была такая же точно, как и при первом опыте. Почти при той же температуре он расплавился и меняющиеся спектры стали показывать быстрое испарение отдельных веществ. Все шло тем же путем до момента, когда блестящая масса вдруг успокоилась. Тогда Верндт медленно нажал книзу ручку, которая управляла его электрическими токами. В то же мгновение, когда от нажатия пальца электрический ток пробежал через проводник, вокруг пламенеющей печи начался настоящий ад. Оглушительный треск наполнил зал. Под землей пробежал глухой рокот. Снизу, сверху, со всех сторон сверкали желтые, белые, зеленые искры. С купола, со стен, со всех острых или угловатых предметов летели язычки пламени. Они шипели, мигали, скатывались в клубки, рассыпались на тысячи громовых ударов. Страшная гроза действовала даже на нервы людей, сидевших в душном стальном шкафу.

— Безопасно!—старался Верндт перекричать бурю, чтобы успокоить Мабель.—Только страшно на вид. Но теперь внимание... теперь начинается.

Поворотом рычага он вдруг сконцентрировал огромные энергии своих молний на крошечном остатке обломка метеора.

Мабель слегка вздрогнула, хотя страх и был ей обычно чужд. Она знала, что вещество сейчас напитывается электричеством, как вампир, что оно заряжается до последней возможности, что миллионы вольт все сильнее и сильнее штурмуют его. И при знакомых основных химических веществах такое невероятное накаливание электричеством должно было дать самые неожиданные результаты. Насколько страшнее должен был воздействовать неизвестный, жуткий демон на тигеле! Его молекулы должны были быть сотрясены, атомы поколеблены, ионы, электроны—растревожены до последней степени.

Взгляд Мабель с немым вопросом невольно обратился на инженера, стоявшего рядом с ней. Вальтер Верндт пристально смотрел в подзорную трубу. Рука лежала на рычаге вентилятора, готовая каждое мгновение нажать на него.

— 8.000 градусов,—прочел Нагель на измерителе.

Масса метеора испарялась с невероятной силой. Верндт быстрым движением установил рычаг на наибольшую быстроту.

— Следите за радием!—проревел он, с трудом заглушая шум. Голос его замер в адском грохоте снаружи их клетки.

Все напряженно смотрели—на стол посередине. Молнии длиной в метр проносились по залу. Над столом стоял ослепительный блеск, трепещущая дуга, похожая на северное сияние, но в тысячу раз ярче.

Вдруг Верндт, а за ним и остальные, радостно вскрикнули. Над столом появилась радужная лента. Она поднималась из крошечных, драгоценных чашек и прорезала воздух точно танцующая, сверкающая полоса, постоянно меняя цвета. Глазам представилась чудесная игра красок. И все же глаза всех напряженно были устремлены на образцы в чашках.

— Они дрожат, они дрожат!—удивленно воскликнула Мабель.— Они изменяются... падают...

Д-р Нагель.

Нагель плотно прижался к увеличительному стеклу.

— Превращение элементов,—застонал он, точно под тяжестью кошмара.

Верндт не двигался. Опьяненным взором следил он за тем, как воспроизводилось чудо из начального творения мира... первый распад атомов на начала всего сотворенного...

Радий превратился в одно мгновение в нитон и гелий и распался в бесконечной последовательности на свои составные части. Из фосфора родился алюминий, из алюминия—натрий, из кремния—магний, из титана явился скандий, из марганца—ванадий, из неона—кислород, из кислорода углерод, из талия—олово—из ртути же родилось чистое золото... Каждый элемент совершенно ясно распался на части нисшего атомного веса. И в конце концов не осталось ничего из всех химических элементов. В спектре же продолжала светиться зеленая полоса геакорония и на ультрахроматических пластинках вырисовывались таинственные спектральные линии...

И снова воцарился полный мрак. Снова стала расти температура в стальном шкафу. Верндт быстрым движением повернул рычаг налево книзу. С тихим треском раскрылся в куполе вентилятор. С резким свистом вырвался газ через отверстие на воздух. Во мрак ворвался ослепительный свет и клубящийся светлый туман окутал стены помещения.

Верндт глубоко вздохнул и долго сидел молча. Потом откинул, наконец, головной убор скафандра. В глазах его был мечтательный блеск.

— Чудо превращения—вот что мы получили!—сказал он медленно, с благоговением.—Мы дожили до мечты алхимиков, которая до сих пор была недоступна ни одному человеку. Смерть атома, как начала всего сущего... И все же мне пришлось прервать, не дождавшись конца, не дождавшись рождения первичной материи. Обломок камня в тигеле был для этого слишком мал.

— А когда же мы возьмемся за главный, большой осколок?—взволнованно спросил Нагель.

— Я расщеплю его через пять дней. Он уничтожит меня или... откроет тайну изначального творения мира!

IX.

— Рубины! Рубины! Купите мои красные рубины! Самые красивые во всем мире! Хризобериллы, топазы, счастливый камень, сверкающий и ясный, как солнце! Александрит, миссис, мадам,—большой, как голова змеи. Сапфиры, камни красоты, синие, как глаза прекрасной Мадонны. Купите! До смешного дешево! Шлифованные в Ратнапуре, счастливые, роскошные камни!.. Вот здесь, прекрасная синьора!

Фрау Мабель, улыбаясь, прошла мимо стола магометанина. В дорогих чашках сверкали великолепно отшлифованные драгоценные камни.

— Берилл для синьора!—кричал танцевавший на месте торговец. С тысячу ужимок вертелся он возле дон Эбро.

С неизбежным высокомерием смотрел испанец на все эти богатства. Он принимал, как дань почтения, всю эту сутолоку базара, крики продавцов, торг покупателей. Каждый здесь должен был знать его, дон Эбро. Гордо, точно повелитель всех этих индусских рабов, нес он в руках маленькие пакетики, высоко поднимая голову, с бесстрастным лицом, с танцующей поступью. Яркие ковры лежали на земле, спускались со столов и стен. Продавцы фруктов сидели на корточках перед корзинами, полными бананов, фиников и фиг. Одна к другой теснились лавки, а между ними примостились столы торговцев божками тысячи видов, тысячи култов.

С нескрываемым восхищением впитывала в себя Мабель всю эту яркую картину. Суета базара развлекала ее в долгие часы одиночества. Муж проводил все дни в городе Верндта. Вслед прекрасной женщине смотрели глаза иностранцев; крики торговцев: „Сеннора... сеннора!“—раздавались со всех сторон. В ее спутнике узнавали испанца. Дон Эбро никого не удостоивал взглядом. Ему казалось, что он разворачивает под ногами своей госпожи ковер из своего звучного имени, полученного им от бесконечной линии предков. Линия эта была так длинна, что он сам даже не находил ее конца.

Мабель отослала дон Эбро вперед и медленно пошла домой. Среди всей этой дневной суеты она была задумчива, и мысли ее были далеко. Она завернула в улицу, ведущую к кварталу Вальтера Верндта. Проход был затруднен кучкой людей. Посреди дороги сидел один из бесчисленных фокусников и старался привлечь публику. С поразительной быстротой выкрикивал он свои разговоры для людей и змей, точно торговец, зазывающий европейцев на базаре, бессмысленно мешая слова и цифры на всех языках.

— One... two... three... four... five ¹⁾—резко выкрикивал он. В то же мгновение он бросил перед собою палку и поднял ее с земли в виде шипящей змеи. Страшно вращая глазами, втыкал он себе в руки и ноги кинжалы и вытаскивал далеко из орбит глаза. Заметив красивую женщину, он сел поперек дороги и поднял над тюрбаном зернышко мангового дерева.

— Манго... зерно... мангового дерева!.. вырастет дерево!.. un, deux, trois... хейс, миа хен...—кричал он, подпрыгивая. Он разгреб землю ногтями, похожими на когти, и положил в ямку зерно мангового дерева.

— Волшебство, волшебство, чудо, сенсация!—Вырастет дерево... одна секунда... one... two... three...

Он высоко подбросил худыми, грязными руками платок, потом аккурратно разложил его над ямкой.

— Брама, Вишну, Кришна,—бормотал он, точно заклинание. Потом поднял платок... На земле стояло очаровательное манговое дерево.

— Вот дорого!.. Вот дорого!..—с усердием крикнул он, освобождая для Мабель проход. Она торопливо прошла мимо. Любопытство людей было ей неприятно. Она торопливо вошла в сад, окружавший виллу. У входа в дом стояла фигура. При ее появлении фигура быстро пошла ей навстречу. Это был индус из класса слуг. Он поднял руку ко лбу и молча, по обычаю, ждал, чтобы Мабель задала ему вопрос.

— Вы ищете меня?

— Миссис Нагель?

— Это я.

— Саиб... город волшебника... там несчастье...

Она вся задрожала.

— Мой муж?.. Говорите же... что случилось?

— Саиб... взрыв... он ранен... скорее... ехать!..

К сердцу Мабель горячей волной прилила кровь. Мысли ее закружились в вихре.

— Где?.. где?..—застонала она.

— Я свезу... автомобиль ждет... миссис следует за мной!—произнес индус.

Фрау
Мабель.

¹⁾ Раз... два... три... четыре... пять.

С заискивающим жестом указал он на выход в задней части сада. Из-за кустов показался силуэт изящного автомобиля.

— Скорей... скорей! Саиб ждет!

Едва переводя дыхание, бросилась она к автомобилю. Индус то-ропливо захлопнул за Мабель дверцу и вскочил на свое сидение. С бешеной быстротой помчался автомобиль по улицам. Мабель так была погружена в свои мысли и так охвачена беспокойством, что не обращала внимания на места, которые они проезжали. В состоянии ужаса, в котором она находилась, минуты казались ей бесконечными. Совершенно незнакомые дома и сады мчались мимо окон. Была ли это дорога в город Вальтера Верндта? Знал ли шоффер дорогу? Он, наверно, ошибался...

Она хотела спросить и нажала звонок. Но в эту минуту автомобиль обогнул большой круг и остановился перед открытыми воротами какого-то дома.

— Саибу доктора... там... в доме... в комнате...—сказал индус, пока еще Мабель не успела выйти из автомобиля.

Вся потрясенная, сошла она на землю и последовала за слугой в дом. Индус толкнул дверь. Точно видение, оказалась перед ней роскошная комната.

— Саиб... саиб... сейчас...—бормотал слуга. Потом за ним быстро закрылась дверь.

Мабель удивленно огляделась. Комната была небольшая, но богато убранная. Драгоценные ковры покрывали пол и шелковые шали украшали стены. В глубине комнаты, на широких диванах были разбросаны пышные подушки. Ей казалось, что она слышит приближающиеся шаги и голоса. Но это было обманом слуха. Она взглянула на часы, но цифры расплывались перед ее глазами. Нервно подошла она к окну, от окна к двери, опять к окну. Они были закрыты решетками и до половины затянута материей.

— Почему ее заставляют ждать? Где ее муж? Что привело его в этот чужой дом? Жив ли он еще?—Бесконечные минуты превращались в душившую ее цепь.

— Господи боже мой!—застонала она. Ужасный удар слишком неожиданно свалился на нее. Неизвестность терзала ее мозг. Где же был этот слуга? Почему ее не провели к умирающему мужу?

Дикие фигуры индусских божеств наступали на нее с насмешливыми, страшными гримасами. Почему эта поспешность сначала, а теперь бесконечное ожидание? Кто был этот слуга? Кто послал его за ней? Где она теперь? Только бы получить ответ на эти вопросы, только бы кончилась эта неизвестность!..

Она невольно нажала ручку двери и отскочила, точно от удара. Дверь была заперта... Застыв от ужаса, неподвижно стояла Мабель, охваченная вихрем мыслей. Дверь заперта?.. Взгляд ее упал на окна. На железные решетки. В плену? У кого? Где? Для чего? Что хотели от нее?

Предупреждения о торговцах женщинами... похищение ради выкупа... тысячи мыслей мчались в ее мозгу. Ее обманули... без сомнения придумали повод. Так значит все было ложью? Она почувствовала невыразимую радость, но сомнения сразу подавили ее. Что хотели с ней сделать? Что случится?

У нее так дрожали от волнения ноги, что она должна была сесть. Мабель напрягла все силы, чтобы собрать мысли. Час протекал в безотрадном ожидании. Ведь должна же была открыться эта дверь! Ведь должен же кто-нибудь войти, наконец... будь это хоть враг...

Тихое жужжание заставило ее прислушаться. Ответ от окна падал на висевший посреди потолка фонарь. Только теперь заметила она его

оригинальный вид. Он был составлен из бесчисленных зеркал и имел форму призмы. Она удивленно разглядывала его. Не было сомнения,

Молнии длиной в метр пронеслись по залу. Над столом стоял ослепительный блеск, трещащая дуга, похожая на северное сияние.

что жужжание исходило от него. Лучи света плясали на поверхности зеркал—фонарь медленно повернулся, потом стал все быстрее вертеться кругом... Смотри на него, у Мабель слегка закружилась голова... Глаза мигали от его блеска, а он мчался теперь в круговом движении точно вентилятор. Очертания зеркал исчезли... растаяли в этом блеске... фонарь превратился в какую-то ленту из звезд...

Она хотела отвести взгляд, но сверкающий круг удерживал ее глаза, точно на привязи. Они все снова и снова должны были проделывать этот круг вместе с фонарем, вверх и вниз, вверх и вниз, все снова и снова, без остановки, неудержимо. Свинцовая тяжесть стала сковывать ее веки. Верчение наверху не прекращалось ни на секунду. Веки становились все тяжелее... невыносимо... напрасно старалась она бороться.. ведь, она должна ждать, не должна засыпать... но она так устала... устала... у...ста...ла...

С мучительным вздохом упала она на шелковые подушки... Уста...ла... спать... только спать... спать...

В замке бесшумно повернулся ключ. Дверь комнаты осторожно отворилась.—Она уже спит, госпожа!—послышался заглушенный голос.

Быстрыми шагами прошел в комнату мужчина. Его худая фигура была закутана в зеленый бурнус. Шея его была неестественно длинная и отвратительно обросла волосами, выражение лица было пугающе-дикое. Горбатый нос и колючие глаза делали его похожим на коршуна. Длинными костлявыми пальцами провел он по лбу спящей. От затылка, по голове, к вискам...

— Ты будешь спрашивать, госпожа?—оглянулся он назад.

Повелительница индусов медленно приблизилась. Ее прекрасное лицо странно изменилось. Скрестив ноги, она села на диван против спящей.

— Мабель!—произнесла она тихо. И еще раз:—Мабель!

— Да?—послышалось вопросительно.

— Тебя зовут Мабель. Ты слышишь мой голос...

— Я слышу...

— Я твоя госпожа. Ты должна меня слушать...

— Ты моя госпожа...

— Ты должна мне отвечать на вопросы!

— Отвечать...—произнес сонный голос.

Индуска бросила торжествующий взгляд на человека, похожего на коршуна, и продолжала угрожающе:

— Ты умрешь, если солжешь...

— Умрешь... солжешь...

— Ты будешь говорить только правду...

— Да...

Индуска перевела дыхание.

— Ты знаешь тайну метеора?

— Мабель молчала.

— Отвечай!—крикнула индуска. Глаза коршуна успокаивающе посмотрели на нее.

— Она ответит. Позволь мне спросить, госпожа. Ты знаешь тайну метеора?

— Нет,—последовал нерешительный ответ.

Индус смутился.

— Ты знаешь, какие открытия сделал до сих пор Вальтер Верндт?

— Да.—Ответ звучал совершенно твердо.

На лице человека, похожего на коршуна, появилось неприятное выражение торжества.

— Ты все твердо запомнила?

- Совершенно твердо.
- Ты могла бы продиктовать все совершенно точно?
- Слово в слово!
- Диктуй! Я—Вальтер Верндт. Я проверю тебя.

Улыбка гордости появилась на лице Мабель. Легко и уверенно потекла ее речь. Первый опыт совершенно ясно вставал перед ней: неподвижный обломок метеора, его таяние, выпарение, мрак, повышение температуры, взрыв. Все, что Верндт ей показывал, все его открытия постепенно разворачивались в ее передаче, точно красочная сказка. Мабель передавала все с улыбкой, легко и в то же время серьезно...

Голова коршуна впилась глазами в ее лоб, точно випера. Болтавшая Мабель давно замолкла. Повелительница индусов с нескрываемым волнением шагала по комнате.

- Плод созрел!—сказала она глубоким, почти ликующим голосом. Голова коршуна задвигала волосатой шеей.

- Женщина сказала все, что знает. Она может теперь исчезнуть?.. Индуска повернулась к нему резким движением.

— Нет еще! Ее смерть была бы предупреждением для Вальтера Верндта. Цель—он, а не эта женщина.

Он согнулся.

— Ты права, госпожа. Он не должен знать. Я отвезу ее в ее сад и заставлю ее там проснуться...

Она постояла некоторое время в нерешительности.

— Пусть будет так!—решила она, наконец.—Но позаботься о том, чтобы она не знала ничего, что произошло.

— Я отниму у нее всякое воспоминание. Она проснется в парке, и будет думать, что неожиданно заснула там после обеда.

— Торопись!

Жадный взгляд упал на красоту беззащитной жертвы. Он с подострастной покорностью отступил к дверям.

— А потом... когда моя задача будет выполнена?... Когда ты будешь победительницей и этот Верндт?..

Он сделал жест, точно душил кого-то. Его глаза коршуна точно нацелились на жертву.

— Тогда эта женщина?..

Она нетерпеливо топнула ногой.

— Сначала Вальтер Верндт. Потом делай, что хочешь... я дарю ее тебе. Убирайся! Исполни свои обязанности!

Х.

Настал великий день последнего опыта. Вальтер Верндт стоял еще в своем белом лабораторном халате перед столом для опытов и внимательно рассматривал, надев особенного устройства предохранительные очки, маленькое реактивное стеклышко, которое он держал в правой руке.

Нагель слушал его с благоговением.

— Нельзя себе представить, что эта маленькая зеленая штучка величиной с горошинку в этой маленькой трубке может производить такое неслыханное действие!

Верндт глубоко погрузился в мысли.

— Нам удалось добиться одного крошечного испытания этого страшного вещества. Но мы почти достигли разгадки. Через полчаса мы оба сделаем решительный шаг: расщепление большего, главного осколка метеора. Он должен дать нам, по человеческим расчетам, количество вещества в чистом виде, которое сделает нас способными

к великим вещам. К великим делам, которые не снятся еще человеческому мозгу. Но об этом после!...

Он вложил стеклянную трубочку в платиновый чехол и опустил ее во внутренний карман кожаной куртки.

— Вы приготовили все элементы, как и при первом опыте?

— Все наше достояние: 56 грамм радия, тория и других радиоактивных элементов.

— А осколок метеора?

— Лежит в целости на подъемной площадке.

— Отлично.

Нагель, хорошо узнавший учителя за бесчисленные часы совместной работы, понял его горделивое волнение по необычному блеску его лучистых глаз. Ничто больше не выдавало волнения Верндта. Черты его бронзового лица были спокойны. Действительно ли этот человек стоял теперь лицом к лицу со своей судьбой? Десятитысячная часть секунды должна была решить вечные вопросы...

Зажужжал радифон. Верндт приблизил к уху маленький аппарат.

— Строительный отдел сообщает, что все уже готово. Мы, следовательно, можем закрывать вентилятор в куполе и при наивысшем давлении.

Нагель был поражен.

— Закрывать вентилятор при наивысшем давлении? Но, ведь, тогда может быть та же опасность, что и в первый раз?

Инженер покачал головой.

— Нет, теперь дело обстоит немного иначе, чем тогда. Я лучше покажу вам это на маленькой модели, которую сделал. Чтобы достигнуть результатов, нам придется действовать на этот раз в обратном порядке. Пожалуйста, зайдите со мною в маленькую комнатку—модель. Лучше, чтобы вы знали все подробности прежде, чем мы начнем.

Он прошел наискось зал и открыл небольшую дверь. В то же мгновение перед ним отскочила и бросилась к окну темная фигура. Но было слишком поздно. Нагель сделал прыжок, как тигр, и так крепко схватил незнакомца за руку, что тот тихо вскрикнул.

— Стой, голубчик! — разразился Нагель. — Прежде, чем вылететь отсюда, дай себя рассмотреть при лунном свете!

На него смотрело испуганное, бледное лицо. Седая борода человека тряслась.

— Профессор Кахин! — воскликнул пораженный Верндт. Он с удивлением узнал в ворвавшемся к нему человеке брюссельского коллегу, с которым он был уже много лет знаком по конгрессам. — Пожалуйста, отпустите его, Нагель! Могу я попросить у вас объяснения, господин профессор, как вы попали в это помещение, в которое не допускается никто? Странные обстоятельства, в которых мы очутились, принуждают меня...

Он удивленно перервал свою речь. Бельгиец стоял, злобно глядя на землю. Теперь глаза его широко раскрылись от испуга. Он указывал рукой, весь дрожа, туда, где стоял Нагель.

— Не надо! Не надо! — закричал он вдруг.

Глухой звук заставил Верндта вздрогнуть. Ему показалось, что он услышал стон Нагеля. Он вопросительно оглянулся. В то же мгновение он почувствовал острую боль в глазах. Точно молотки застучали в них... Он взмахнул руками... в колышавшемся мраке — и провалился в бесконечное ничто...

XI.

Глазам было больно от огненного круга. Круг сверкающих точек вертелся, как огненное колесо,—медленно, потом скорее, скорее... потом движение замедлялось и ускорялось снова с болезненным колотьем в глазах... В непрерывающейся, бесконечной последовательности. Точки выросли и превращались в шары, раскаленные изнутри огненным жаром. Точно цепь, все снова возобновлявшаяся... Они выросли и сверкали огненными цифрами и буквами. Больно было читать пляшущие слова. Мо-ле-ку-ла... молекула—гласили буквы. Слово раздувалось, точно блестящий пузырь. Потом оно лопнуло и распалось на бесчисленные точки. Они снова стали разрастаться в кровавые капли. Снова появились буквы, причинявшие такую боль... А-т-о-м... Снова раздулось и лопнуло слово атом... Ослепительно сверкали ионы и корпускулы и в секунду превращались в шары. И снова атомы и красные молекулы вертелись... вертелись... Огненная точка вдруг превращалась в шар, в палящее солнце, в море пламени...—Ах!—тихо застонал он.

Вальтер Верндт открыл глаза. С трудом, с болью, медленно приходя в себя. Взгляд его упал на грязную плоскость над головой, на обломки серых камней. Он, очевидно, лежал на полу низкого подвала.

Он принужден был надолго закрыть глаза, так больно ему было от света. Но он все же заставил себя поднять свинцовые веки. Ему казалось, что его сетчатую оболочку режут раскаленными осколками стекла... Он медленно собирался с мыслями. Прежде всего, он стал соображать, где он может находиться. Но это утомляло его. Он снова погрузился в дремоту...

Он, должно быть, уже давно смотрел на потолок над головой!... Кружение огненных точек и горение глаз прекратилось. Но мысли его все еще были под каким-то гнетом. Где он? Как попал он сюда? Он хотел встать, но руки его оказались крепко связанными за спиной. Ему не удавалось освободить их, несмотря на все усилия. Вдруг он понял: он связан. Он теперь ясно ощущал боль от веревок. Связан? Как это произошло? Воспоминание все еще не хотело приходить на помощь. Тотчас же снова начала болезненно ныть голова. Кого спросить? Неужели он один? Ему, наконец, удалось медленно, медленно повернуться на бок. Ему стало дурно, но он овладел собой.

— Эй!— пробормотал он заплетающимся языком. И еще раз:—Эй!
Звук его слов больно ударил ему в виски. С другого конца помещения послышалось радостное восклицание:

— Учитель!

Мгновение все было тихо. Что это такое?... Голос ему казался знакомым.

— Учитель!—раздалось громче, настойчиво и встревоженно.

— Да!—ответил он.—Кто говорит со мной?

— Вы живы! Вы живы!—в голосе было ликование.—Это я, Вернер Нагель,—как вы себя чувствуете, милый, дорогой учитель?

Волна радости залила мозг Верндта. На мгновение мысли его замерли. Потом он испытал чувство, будто перед ним разрывались туманные завесы.

— Мне понемногу становится лучше,—ответил Верндт. Он болезненно напряг всю силу воли, чтобы проснуться.—Где мы? Как мы попали в эту комнату?

Нагель перекатился к нему, точно круглый тюк.

— Мы были в нашей лаборатории и поймали человека, которого вы, повидимому, знали...

— Пойдите!— произнес Верндт.—Теперь я припоминаю. Я думал, что это был сон, от которого я только что проснулся. Это был профессор Кахин, не правда ли?

— Вы его так назвали.

— Но дальше я ничего не помню...

— Нас сшибли с ног. Очевидно, сначала меня, потом вас. Или обоих одновременно. Иначе я бы увидел, а я ничего не знаю.

— Я припоминаю. Кахин стоял, как окаменелый, черты его лица исказились... Потом я почувствовал удар. Очевидно, был еще один человек, которого мы не заметили...

— Да, настоящий великан. Черноволосый, атлетического сложения. Я видел его только в течение одного мгновения. Потом комната уж заплясала вокруг меня...

— Значит враги, преступники!..— Мы находимся сейчас в городе Верндта?

— Нет. Нас куда-то увезли. Меня ударили, должно быть, не так сильно, как вас. Я очнулся от толчка и услышал голоса. К моему счастью, я мог только слегка приоткрыть глаза. Меня выносили из аэроплана. Я притворился мертвым и только старался замечать все из под опущенных век. Аэроплан, привезший нас, стоял на холме, над городом, который я, в своем положении, мог разглядеть только отчасти. Я увидел виллы среди кокосовых пальм и манговых деревьев. Дальше стояла мечеть и вокруг нея жалкие деревянные хижины индусов, а когда меня подняли, я увидел море. Нас несли через роскошный парк. Я заметил дерево, гигантские ветви которого свисали почти до земли. Под ним стояла каменная скамейка, на которой были вырезаны солнце, луна и корова...

— Знаки парсов. Солнце, луна, вода, огонь и священная корова. Эти знаки и море говорят, что мы в Бомбее. Что же было дальше?

— Нас понесли по ровному месту. Мне пришлось на время закрыть глаза. Мне казалось, что за мной наблюдают. Когда я снова осторожно приоткрыл веки, мы оказались на каменном мосту. Перед нами поднимались не особенно высокие, но закругленные, как бы в гигантском цирке, белоснежные стены. Я не заметил ни одного окна. Нас пронесли в низкую дверь. Потом мне, к сожалению, накинули на голову платок. Я почувствовал отвратительную вонь, но ничего не мог видеть. Когда же с меня сняли платок, мы оба уже лежали в этом подвале.

Верндт подумал мгновение.

— Вы не узнали строения, в которое нас внесли?

— Мне казалось, что я уже где-то должен был его видеть. В действительности или на картинке.

— Да, это жуткое место, куда нас привезли...

— Как? Вы знаете, где мы находимся?

— Я, по крайней мере, думаю, что знаю. Ваше описание указывает на сооружение парсов, в котором погребают их мертвецов.

Он вдруг замолчал. За дверью послышался шум. Со скрипом повернулся тяжелый ключ. Дверь подалась. На пороге стояла стройная фигура женщины редкой красоты. За ней следовал мужчина ужасающей наружности. На длинной волосатой шее сидела тощая голова с диким лицом. Горбатый нос выступал, как клюв. Лохматые брови торчали над колючими, горящими глазами. Это было лицо коршуна, нацелившегося на добычу.

Женщина остановилась на мгновение. Потом быстро подошла к лежащим. Она встретилась взглядом с инженером.

— Ах!— удивленно вырвалось у нее. Жесткая усмешка скользнула по ее лицу. Она посмотрела на Верндта с жадностью и с любопытством,

точно желая запомнить его черты. Ее спутник осмотрел веревки, связывавшие жертв. Она равнодушно следила за ним. Потом вдруг вся вспыхнула.

— Я просила однажды великого исследователя и могучего ученого отдать мне свое могущество, чтобы делить со мной мое. Он был слишком горд, этот саиб, и предпочел лечь у моих ног, как пленник.

Она ждала ответа, но Вернд гордо молчал. Ее лицо слегка покраснело от возмущения.

— Он мог-бы жить, как бог. Теперь же, не успев достигнуть цели, он сойдет в вечное молчание. И другие dokonчат его дело и будут всем обладать.

Она снова подождала ответа, но на губах Верндта была насмешливая улыбка.

— Говори!—топнула она ногой.

Глаза Верндта вдруг стали жестки, как сталь.

— Если ты хочешь, чтобы я говорил, развяжи сначала наши веревки. Или ты побоишься тогда разговаривать с нами?

Она думала недолго.

— Оссун!—резко приказала она своему желтолицому спутнику. В каждой руке у нее блеснул револьвер.

— Слуга коршунов развяжет ваши веревки. Но не мечтайте ни о каком бегстве. При малейшем подозрительном движении в вас попадет пуля.

— Ах, я вижу, что ты женщина! Ты не жалеешь слов.

— Молчи!—крикнула она.

Человек с головой коршуна развязал ученым руки и ноги. Вальтер Верндт встал и потер себе тело. Кровообращение медленно восстанавлилось. Индуска смотрела на профессора с молчаливым интересом. Ее удивительные, сверкающие глаза скользили по бронзовому лицу и атлетической фигуре врага. Инженер так старательно занимался массажем, точно загадочной повелительницы Индии здесь и не было вовсе.

— Саиб, почему ты противишься своему счастью?—послышалось почти сердечным, просительным тоном.

Он взглянул на нее. С удивлением и вопросом.

— Почему ты не хочешь поделиться со мной своими познаниями и приобрести власть над людьми?—спросила она еще раз.

Он выпрямился и стал выше ее на голову.

— Наши взгляды разделяет пропасть,—медленно сказал он.—Для тебя знание только средство к власти, к порабощению тебе подобных. Я—изучаю науку, чтобы дарить людям новые открытия. Я иду к цели, как друг человечества, ты же—как враг. Я служу науке жизнью и моими исследованиями. Ты же хочешь, чтобы наука служила тебе. Разве мы можем понять друг друга?

Она жестко рассмеялась.

— Служить человечеству? Я должна служить человечеству? Что такое это человечество? Стадо баранов, дураков и негодяев. Их жизнь не имела бы оправдания, если бы эти отбросы не были бы нам рабами, не служили бы нам и не умирали бы для нас. Человечество!

— А ты разве не человек?

Она гордо выпрямилась.

— Есть избранные, вновь рожденные, которым Брама назначил носить человеческое тело, как одежду. Я—избранная, ты—тоже! Я изучала твою карму, вопрошала много ночей. Твоя судьба скрещивается с моей. У тебя могущественная звезда. Я должна буду служить тебе, если ты не захочешь служить мне. Я должна тебя уничтожить, иначе ты уничтожишь меня. Ты должен меня любить, или я должна молиться

на тебя. Такова наша судьба. Освобождение возможно для нас только в союзе. Наши звезды рассыпятся в прах, если мы расстанемся.

На ее прекрасном лице было мягкое, почти нежное выражение.

— Ты великий иог, Вальтер Верндт, ты избранник Браммы. Повелительница Индии никогда еще ни о чем не просила. Сегодня она просит тебя. Служи мне, чтобы я тебе служила. Раздели со мной мое могущество, чтобы я разделила с тобой твое. Взгляни, я сложила оружие и протягиваю тебе руки молящей женщины.

— Господа!—в ужасе остановил ее коршун. Но она не слушала его. Она почти умоляюще схватила руки Верндта и ее прекрасное лицо осветилось каким то внутренним огнем. Инженер сочувственно посмотрел на нее.

— Ты блуждаешь на ложном пути, женщина! Я служу и тебе, служа человечеству. Через несколько недель, быть может,—дней, ты вместе со всем человечеством узнаешь разгадку тайны.

Она оттолкнула его руки сильным движением и смотрела на него, точно не понимая его слов.

— Ты никому не откроешь тайны! Повелительница Индии просила тебя... предлагала тебе свою любовь... и ты дерзаешь преступить приказание Браммы и враждебно расстаться со мной?

— Преступлением было бы исполнить твое желание. Метеор принадлежит всему миру, а не мне или тебе.

— Так он будет принадлежать только мне!

— Я через несколько недель сообщу человечеству разгадку...

— Через несколько часов твои кости будут белеть на песке!

Она снова схватила револьверы.

— Оссун,—коротко приказала она. Ее лицо исказилось от ненависти.—Стражу!

Он подошел к двери и сделал знак. Шесть индусов гигантского роста вбежали и бросились на землю перед своей госпожей.

— Связать руки!—приказала она. Трое индусов бросились на Нагеля и Верндта и связали им руки. Те не сопротивлялись.

— На верх!—указала женщина.

Их повели бесконечным корридором, постепенно поднимавшимся кверху. Наконец они дошли до двери, выходящей на веранду, заделанную решетками. Отсюда открывался вид на широкую арену. Три большие террасы из белоснежного камня, сверкавшего на солнце, спускались кругами, как в цирке. Каждый из внутренних кругов был меньше предыдущего. Во многих местах каждой из трех арен видны были продолговатые углубления—и больше ничего. На голом камне сидели, нахорлившись, фантастические птицы... гигантские птицы, с отвратительными, длинными шеями.

По знаку, стража удалилась.

Нагель с интересом смотрел на эту безнадежную, наводящую ужас, картину. Точно город мертвых, где исчезла всякая жизнь.

— Ты знаешь, где вы находитесь?—спросила индуска Верндта. Он спокойно смотрел на нее.

— Да, Малабар Хиль. В Башнях Молчания.

Ах!—удивленно вырвалось у нее.

Нагель щелкнул языком, точно отгадал, наконец, загадку.

— Так вот, что это было! А я никак не мог вспомнить, где это я видел этот старый каменный ящик. Я, ведь, должен был видеть его в альбоме Бомбея.

Повелительница индусов злобно спросила его.

— Так ты, значит, знаешь, что вас ждет?

Нагель приветливо улыбнулся ей.

— Конечно, прекрасная женщина. Ты, прежде всего, снимешь с нас эти грязные веревки, потом хорошенько накормишь нас, потому что я страшно хочу есть. А потом ты привезешь нас обратно в Бенарес на аэроплане...

Лицо ее изменилось, точно от удара хлыста, рука сжала револьвер. Но она тотчас же овладела собой.

— Ты хочешь меня раздражить, чтобы скорее умереть. Ты знаешь, где ты сейчас, но ты никогда не видел внутренности этого здания. Оно называется Башнями Молчания. Парсы приносят сюда своих мертвецов и отдают их голодным коршунам, чтобы трупы не оскверняли священные стихии—землю, воду, огонь и воздух...

— Славные птицы!—спокойно кивнул Нагель в сторону арены.

Человек с головой коршуна злобно посмотрел на него. Индуска проговорила:

— Они ждут вас!

У стены, под ними, заскрипел песок. Железная дверь с шумом хлопнулась. Два смуглых человека несли длинные носилки. Их сопровождали еще два индуса в перчатках и с длинными баграми в руках. По знаку, носильщики опустили ношу на песок. Одним движением откинули они с носилок холст, закрывавший их. На носилках лежало белое, безжизненное тело мужчины. Верндт невольно вздрогнул. Он узнал покойника.

— Думаску!—удивленно воскликнул Нагель,—Думаску умер?

Индуска злобно кивнула головой.

— Да, Думаску! Какая-то неизвестная сила освободила его от моей власти. Сумасшедший явился в Бенарес, чтобы убить меня. Пусть несет наказание за это!

— Он не умер?

— Нет. Только одурманен...

Нагель стал серьезен.

— И ты хочешь...?

Она молча отвернулась. Лицо ее точно окаменело. Носильщики снова подняли носилки и несли их по песку к противоположной стене. Они остановились перед одним из углублений. Сопровождавшие их подняли багры, неприятно блеснувшие на солнце. Быстрым движением опустили они на Думаску. Его белое тело поднялось на воздух, потом неподвижно легло в продолговатой открытой могиле. Люди торопливо ушли, не оглядываясь.

— Сатана!—заскрипел зубами Верндт,—Ты не сделаешь этого!

Она не отвечала... С тамариндовых деревьев медленно поднялись, шурша крыльями, птицы. Тяжело хлопали крылья, отбрасывая широкие тени, длинные шеи были вытянуты вперед, отвратительные головы склонились к земле...

— Славные птицы!—насмешливо повторила индуска, взглянув на коршунов. В Нагеле закипела кровь. Он, как сумасшедший, стал разрывать свои веревки. Они только разрезали его тело до крови. Человек с головой коршуна, как в тисках, сжимал руки Верндта.

Страшные птицы описывали круги по цирку, с каждой спиралью приближаясь к жертве. Медленно, медленно опускались они на белеющее тело. 15 метров... 10... 5... 3... 2... 1... И вдруг с резкими криками по отвесной линии упали они на свою добычу.

В черном клубке отвратительных птиц долгие минуты продолжалась борьба. Взмахивали крылья, высоко поднимались тучи пыли...

Взгляды всех впились в открытую могилу на арене... и вдруг Верндт закрыл глаза... Душу раздирающий крик резко прозвучал в воздухе... Предсмертный крик человека... жуткий, ужасный крик, потрясаю-

щий нервы... Потом последовал ответ на него: пронзительное карканье, звуки чего-то разрывающегося, ломающегося, захлебывающееся чавканье...

Нагель в ужасе закрыл глаза. Верндт стоял бледный и неподвижный, узкое лицо его было точно отлито из бронзы. Человек с головой коршуна крепко держал сзади его руки. Коршуны все еще боролись на песке... все еще, без конца... Жуть становилась почти невыносимой. Минуты казались пленникам вечностью.

Наконец, над могилой поднялись большие тени,—сначала один, за ним другие, покачиваясь на огромных крыльях, медленно стали улетать коршуны.

— ...6, —7, —8, —10,...—считал Нагель. Он недоверчиво раскрыл глаза. Точно просыпаясь от сна. Какая-то страшная сила приковывала его глаза к арене. Все новые и новые коршуны, насытившись, слетали на стены. Жгучий песок вокруг одинокой могилы сверкал, разрытый в борьбе... Тела Думаску нигде не было видно. Кое-где вокруг могилы лежали белые, лишенные мяса, блестящие на солнце, кости. Вокруг них вились вороны...

Индушка прислонилась к решетке. Она наблюдала, прищутив глаза, за впечатлением, произведенным всей этой сценой на пленников. По ее знаку, Оссун выпустил руки Верндта. Он не удостоил ее ни одним взглядом. Только мускулы его лица нервно двигались. Нагель едва сдерживал злобу, на висках его надулись жилы.

Индушка одним движением очутилась лицом к лицу с ними.

— Вы видели, что вас ожидает? Я предлагаю тебе еще раз выбор, Вальтер Верндт. Служи мне и открой мне одной тайну, или же разделите участь этого сумасшедшего, осмелившегося послушаться меня. Ваша жизнь теперь в моих руках.

Верндт снова высоко поднял голову. Его орлиный взгляд заставил женщину побледнеть и опустить глаза.

— Наша жизнь не зависит от низких убийц. Если бы целью моей жизни была судьба, которую ты мне предлагаешь, то задача моя не стояла бы ни одного моего вздоха.

Она бросилась на него, как разъяренный зверь.

— Сумасшедший! Теперь.. теперь... ты еще упрямисься! Гляди на этих коршунов! Они ждут вас. Один мой знак—и вас уведут в подвал, откуда вы выйдете только для смерти.

Он с молчаливым презрением повернулся к ней спиной. Такой ответ вывел ее окончательно из себя.

— Вон!—закричала она в бешенстве.—К коршунам его!

Ее слова кончились криком. Вдруг Нагель, наклонив вперед голову, бросился на Оссуну. Парс отлетел назад, точно мячик. Его волосатые руки в ужасе старались ухватиться за чтонибудь. Потом, перевернувшись в воздухе, он слетел вниз, в цирк, и лежал там без движения.

Нагель так рвал свои веревки, что жилы на его руках надулись.

— Животное! Теперь тебя..!—дико хрипел он,—теперь тебя... только освобожу руку!...

Но больше ему ничего не удалось сделать. Четверо чернокожих ворвались в дверь и оттолкнули его из всех сил вниз.

Верндт спокойно вошел в подвал.

Нагель прислонился к стене, тяжело дыша.

С нечеловеческим усилием вытащил он окровавленную руку из разрезывавших ее веревок. Он прыгнул на индушку, как кошка. Быстрым движением вырвал он у нее из-за пояса кинжал. Чернокожий слуга бросился между ними. Сталь вонзилась ему глубоко в грудь. Когда На-

Страшные птицы собирались к своей добыче...

гель поднял взгляд, он увидел оба револьвера индуски, угрожающе поднятые на него. Резким движением головы приказала она чернокожим отступить. Они встали у выхода, с кинжалами в руках.

— Так! Так, молодой лев! — насмешливо произнесла она. — Защищайся, не то коршуны, славные птицы, заживо выклюют тебе глаза. Парсы отдадут коршунам своих мертвецов, чтобы не осквернять землю, воздух, воду и огонь. Вы, христианские собаки, недостойны такого погребения. От ваших мертвых тел будет тошнить коршунов. Они разорвут вас заживо. Вы будете в полном сознании, но от ужаса вам будет делаться дурно. А, молодой сорви-голова, ты думаешь теперь как бы убежать отсюда. Но, ведь, вы же герои и радуетесь смерти. И вы насладитесь ею в полном сознании. Через пять минут вы услышите легкое шипение. Оно будет выходить из труб и из тех отверстий в стене. Вы, увидите, как медленно, но неотступно от стен будет отделяться и наполнять ваш подвал белый газ... одурманивающий газ... Он будет душить вас, парализовать биение вашего сердца, члены ваши отяжелеют... только мозг будет еще работать... Вас вынесут отсюда и оставят на арене... Коршуны начнут летать над вами, вы увидите, как они опускаются... медленно, медленно... Глаза ваши остынут от ужаса... Вы видите шею коршунов, их раскрывающиеся клювы... готовые вонзиться вам в глаза... вспомните тогда Повелительницу Индии и ее мести! Начинаешь ли ты бояться моей любви, великий изследователь? Ведь, ты такой умный... так сумеешь же спастись от наказания женщины, которую ты так презираешь!...

Верндт смотрел на нее не двигаясь.

— Мне не нужно спасаться, потому что ты не посмеешь этого сделать. Со мною умрет и разгадка тайны. Цель твоя, — не моя смерть, а разгадка.

Злобная улыбка исказила ее лицо.

— Ты так думаешь, мудрец? А что, если я без тебя найду эту разгадку? Что, если ты доверил свою тайну женщине, которая выдала ее мне?

Нагель широко открытыми глазами смотрел на Верндта, сердце его перестало биться. Сам Верндт тоже был испуган.

— Такой женщины, которая выдала бы мою тайну, — нет, — твердо произнес он, преодолевая волнение.

— Даже под гипнозом? Если женщину похищают и выспрашивают во сне?

Она снова подняла револьвер. Нагель приготовился к прыжку. Комната закружилась перед ним, он с трудом переводил дыхание.

Она с усмешкой взглянула на свои часы.

— Через пять минут... Ты отверг мою любовь и презрел волю Браммы. Теперь вас уже ничто не спасет. Вспомни обо мне, когда увидишь над собой коршунов!

Железная дверь со звоном захлопнулась. Раздалось эхо... продолжительное, жуткое...

Одним взмахом кинжала разрезал Нагель веревку на левой руке, потом упали на землю и веревки Верндта. Инженер стоял без движений. Все его мысли были направлены к выходу из трудного положения. Нагель ударил по стене.

— Вы думаете, что она исполнит свою угрозу?

— Надеюсь, что нет. Ее цель — метеор, а не я. Она ограбит себя, если убьет меня, даже, если ей известны предыдущие опыты. Она, конечно, все еще надеется, что я ей покорюсь и поэтому...

Он замолчал и прислушался. Через стену прорвалось журчание и послышался легкий треск. Из отверстий в стене, близко от пола, стали

появляться и подниматься кверху маленькие струйки. Потом струи стали гуще и быстро начали наполнять помещение...

— Газ... газ!...—испуганно воскликнул Нагель.—Животное! Взгляните!...

Верндт подскочил к стене. Быстрым движением скинул он лабораторный халат, который все еще был на нем, и, разрывая его на полосы, стал затыкать ими дыры. Нагель торопливо помогал ему. На мгновение приток газа остановился. Потом еще сильнее стал вырываться из других отверстий. Толстые белые полосы тянулись по подвалу. Верндт с ужасом смотрел на них. Он работал молча, с отчаянием... Вопрос шел о жизни... теперь он знал это наверно. Этот газ был ему знаком. Еще несколько минут—и подвал будет заполнен им. Приторный запах быстро распространялся. Уже половина халата была использована, руки лихорадочно действовали. Десятки отверстий были заткнуты, а приток газа не прекращался. Но вот он стал слабее... слабее. Верндт сразу заткнул три, четыре отверстия, и огляделся...

— Помогает! Помогает!—торжествовал Нагель.

И вдруг сильнее прежнего зашипело и затрещало. Десять, пятнадцать комков, сделанных из халата, вылетели с шумом из стен как пробки из бутылок с шампанским... за ними другие... много...

Верндт в отчаянии обернулся. Густые, белые клубы врывались из стен и с потолка. Со всех четырех сторон струился светящийся белый газ. У Нагеля слегка закружилась голова. У него сделался приступ кашля.

— Мы погибли,—задышался он и стал снова инстинктивно разрывать халат. Но руки его опустились... спасения больше не было. Клубы газа начинали душить его. В диком отчаянии тряхнул Нагель халатом.

— Учитель! Не может быть... что настал конец...

Припадок кашля прервал его. Он уронил на пол халат. Из кармана его выпала узкая трубочка и звякнула, покотившись по полу...

Верндт быстро схватил ее.

— Реактивное стекло... метеор...,—сказал он вдруг с железным спокойствием.—Ужасное вещество в первой стадии, в чистом виде...

Он мучительно напряг мысли. Они мчались в мозгу, как в огне, чуя спасение... и должны были найти это спасение... должны были...

— Насмешка! Насмешка!—застонал Нагель. В такую минуту это стекло... это дьявольское вещество... так близко у цели и такой конец...

Верндт прижал к вискам кулаки.

— Одну минуту, великий боже, одну минуту, одну только минуту, чтобы я сообразил... одну минуту!

Слова его звучали, как крик отчаяния. Кашель прервал их и Верндт покачнулся.

— Нагель,—застонал он, борясь с клубами газа.—Подержите минутку стекло!.. Пока я соображу... пока я соображу... я уже начинаю понимать...

Нагель почти не слышал его. Кровь, стуча, прилила к его вискам. Сердце билось громко и болезненно. Его трясло в бурном порыве злости и отчаяния.

— Проклятое вещество!—воскликнул он...—к чорту тебя...

И вдруг с противоположного конца комнаты, из клубов дыма, послышалось радостное восклицание:

— Спасены! Открыть стекло!.. Направить его!.. Ради бога, только открыть...

Нагель уже не понимал слов Верндта. Не владея собой, не сознавая своих поступков, побрел он, покачиваясь, через комнату. Он держал стекло в правой руке и серебристая трубочка безучастно поблещивала. Нагель злобно сорвал платиновый чехол. Он стукнулся об стену.

Собрав последние силы, Нагель вытащил резиновую пробку, потом сделал дикий, звериный прыжок...

Препарат в стекле засиял, как огненная горошина, и от него стали исходить яркие лучи. Трубочка невыносимо накалилась, на пальцах Нагеля вскопили от ожога большие волдыри. С криком боли выпустил он стеклянную трубочку... Она упала на грязные камни, разлетаясь на бесчисленные обломки. Крошечные шарики ртути покатались к стенам, оставляя на полу сверкающие полоски. Быстро поднялся и расплылся зеленоватый, флуоресцирующий туман.. Точно рука, проник он в белые клубы газа. И эта рука стала тянуть к полу узкие полосы газа, крутившиеся и сталкивавшиеся,—тянула их, точно к магниту, к втягивавшему их насосу... Все яснее образовывались ленты газа, похожие на пляшущие лучи. Они постоянно меняли окраску, из белых превращаясь в темные, потом начинали пламенеть и неожиданно вспыхивали зеленым огнем...

Нагель прижал руку к губам. Боль ожогов постепенно утихла. Он теперь заметил странные зеленые звезды исчезавшего газа. Он вопросительно взглянул на Вердта.

Инженер стоял посреди комнаты с выражением радости в глазах, прижав руку к сердцу.

— Это эврика—нигилий... вещество в себе!—произнес он.

— Это спасение?—нерешительно спросил Нагель.

Вердт крепко пожал ему руку.

— Спасение и отгадка! Я нашел ее сейчас!

Он указал на пол, на сверкавшие шарики. Они всасывали в себя газ, точно вампиры, превращались в капли, в сборные молекулы, как хорошенькие мячики, притягивали к земле ядовитые нити газа. Фигуры мужчин поднимались теперь над легкими белыми облаками. Все быстрее и быстрее опускалась к низу завеса. Точно в водомере, сразу, на сантиметры, спадала вниз... Облака опускались от головы к плечам, к бедрам, и ниже—к коленям, к щиколотке.

С невыразимым наслаждением вдохнули пленники свежий воздух, удивительно освежавший легкие. Газ поднимался над землей не выше, чем на сантиметр, и, наконец, распался, как угасающая пыль...

— Сверканье прекратилось,—сказал Вердт.

— Как от выстрела рассеивается порох. Загадкам метеора нет конца.

— Загадок больше нет! Теперь все ясно. Звенья цепи соединены. Я все вижу теперь... я вижу конец...

Нагель ожил.

— Так пусть же приходят теперь эти убийцы и коршуны! Мы должны освободиться во что бы то ни стало!

От стен потянуло свежим воздухом.

— А!—произнес Вердт.—Дело идет к развязке.

— Каким образом?

— Разве вы не чувствуете это дуновение? К нам впускают свежий воздух. Все великолепно устроено. Думают, что мы одурманены и очищают помещение от ядовитого газа. Внизу действует, очевидно, какая-то система насосов. Смотрите, теперь ясно видно, как наверху вливается свежий воздух. Очевидно, к нам скоро войдут... чтобы унести отсюда...

— Пусть войдут!—заскрипел зубами Нагель.—Теперь наши руки свободны и у меня есть кинжал.

Инженер с сомнением покачал головой.

— Опасность слишком велика. Нас или поборят или захлопнут дверь и оставят умирать с голоду.

— Чорт возьми!—заворчал Нагель.—Но что же делать? Нам нужно выбраться во что бы ни стало!

— Надо лечь, притвориться одурманенными, дать себя вынести и, когда я крикну „готово“, вскочить и быстрее бежать, пока носильщикам не придут на помощь.

С быстротой молнии бросились оба на пол. Они сделали это как раз во время. За дверью зазвенел засов. Потом дверь открылась. Торопливо вошла повелительница индусов. Она была одна. Закрыв за собой дверь, она прошла к лежавшим на земле и склонилась над Верндтом. Что-то в нем привело ее в замешательство.

— Он дышет!—удивленно воскликнула она. Быстрым движением разорвала она у него на груди платье, склонила ухо... и вдруг испуганно привскочила. Руки Верндта охватили ее, как железным кольцом, и тянули книзу. Мгновения она боролась, точно пантера, в этих мучительных объятьях, потом упала перед Верндтом с прерывисто дышащей грудью и закрытыми глазами.

— Что делать с этим животным?—серьезно спросил Нагель. Перед его глазами встала отвратительная картина смерти Думаску.— Эта змея не должна жить и губить людей.

Верндт не отвечал.

Индуска вдруг широко открыла глаза. Взгляд жгучей ненависти встретился со взглядом инженера.

— Убей меня!—зашипела она.— Ты в союзе с шайтаном, если еще жив!

Он отвернулся.

— Этот демон останется жив?—вырвалось у Нагеля. Он в первый раз не понимал учителя.

Верндт поднял оружие лежавшей индуски и быстро пошел к выходу.

— Наше время придет еще, Нагель! Идемте.

Точно под ударом хлыста, вскочила индуска.

— Еще минутку, мудрый человек,—резким голосом вскричала она.— Твое высокомерие мне обиднее твоей ненависти. Но оно уже теперь лишнее. Ты все же проиграл, несмотря на всю свою мудрость. Ты думаешь, что вернешься, как ни в чем не бывало, в свой город Верндта, в лабораторию, к твоему последнему обломку метеора?.. Так беги же, торопись! Внизу у Малабар Хиль стоят автомобили, на вокзале ждет скорый поезд. Если тебе посчастливится, ты достанешь и аэроплан. Теперь десять часов. Ты можешь через шесть часов домчаться до Бенареса на самом быстром аэроплане. А через четыре часа, в 2 часа 15 минут, профессор Кахин нажмет в твоей лаборатории на кнопку, управляющую твоими электрическими токами. В 2 часа 15 минут он начнет тот решающий опыт, который ты подготовил до того, как был похищен. Так же точно, как при твоём последнем опыте...

— Вон отсюда!—вырвалось у него.— Вон... пока не поздно!.. Это не должно случиться...

Он с невероятной силой толкнул дверь и выбежал из подвала. Нагель следовала за ним по пятам.

Как гончая, мчался Верндт по лабиринту темных корридоров. Точно инстинкт гнал его по верному пути. Нагель едва поспевал за ним с кинжалом в руке. Дорога вела через просторные подвалы и перед беглецами неожиданно оказались две лестницы. Верндт не долго медлил и большими скачками стал подниматься по правой. Она упиралась в железную дверь. Он толкнул ее и в то же мгновение навстречу ему бросились с криком трое, четверо, пять индусов. Нагель уже увидел их и вонзил свой кинжал в сердце первого из индусов. Он с глухим стоном упал на землю. Верндт быстро выпустил все пули из револьвера индуски и отбросил его в сторону. Он схватил двух темнокожих за горло, точно детей. С невероятной силой, которой Нагель в нем и не подозревал,

душил он обоих, как собак. Лица их посинели, глаза выскакивали из орбит. Он ударил их кулаками в виски. Они лежали, как мертвые. Нагель схватил последнего. Тот умолял его о помиловании. Удар отбросил его назад. Нагель окинул комнату быстрым взглядом. Это, вероятно, было помещение для стражи. Люди играли в кости. На столе лежала пригоршня денег и открытый кошелек. Он схватил кошелек. Это был его собственный, выкраденный у него. Потом Нагель опять помчался вслед за Верндтом. Он уже был далеко за дверями и бежал по мосту. Чернокожий великан преградил ему путь, широко расставив руки. Верндт помедлил только мгновение и побежал на человека, точно тот был тенью. Со всего размаха, как бык, он ударил его головой в живот. Великан закричал, покачнулся и упал с моста в воду. Тремя прыжками Нагель догнал Верндта. Лицо инженера было искажено волнением. Ассистент никогда еще не видел его в таком состоянии. Дикий огонь горел в его глазах. Как сумасшедший, мчался он через парк к городу. На углу стоял пустой автомобиль.

— К аэропланному парку!—коротко крикнул Верндт, прыгая в автомобиль. Он едва дождался Нагеля. Автомобиль летел полным ходом к гавани. На плацу парка стоял еще английский аэроплан. Верндт на ходу высочил из автомобиля и подбежал к нему. Воздушный возница стоял, точно столб, у аэроплана и равнодушно слушал крик Верндта.

— Бенарес? Бенарес?—Невозможно. Я должен в два часа снова быть здесь. У меня есть другие поездки.

— Берите и двигайтесь живее!—в отчаянии крикнул Нагель, протягивая ему кошелек. Но человек отмахнулся и пошел к гавани.

— Раньше четырех не могу. Ни за какие деньги!

Верндт, казалось, готов был задушить его. Не успел человек опомниться, как инженер уже очутился на аэроплане. Мотор зашумел.

— Стой! — закричал пилот и побежал за аэропланом. Но было поздно. Узкая доска, брошенная Нагелем, ударила его по ногам, за ней последовал кошелек. Человек упал с криком, а Нагель вскочил, как кошка, на уже отделявшийся от земли аэроплан. И они помчались над крышами Бомбея.

Верндт сидел у руля, вытянув вперед шею. Он был весь напряжение, железное спокойствие. Только в глазах его застыл крик ужаса...

Аэроплан был новейшего типа и мчался с исключительной быстротой. И все же он был колодой по сравнению с „Соколом“ Верндта, сыном того аэроплана, на котором он и его спутники в течение недель ожидали страшного падения метеора. Измеритель скорости пожирал метры. Верндт считал минуты и все ускорял темп.

— 11 часов 2 минуты,—сказал он, немного спустя. Это было первое слово, произнесенное им. Он заметил вопросительный взгляд друга.

— Будет ужасно, если нам не удастся. Надо сделать все возможное...

Нагель думал, что понимает чувства Верндта и старался найти утешительные слова. На карту была поставлена вся слава решительного опыта. Все было подготовлено, жатва созрела и другие теперь хотели хищнически собрать плоды.

— Кахин не справится с этим,—успокоительно сказал он.—У Верндта не могут так легко похитить славу! Весь мир узнает, что вас обокрали и что разгадку нашли вы.

Верндт поднял бледное лицо. Он смотрел на Нагеля непонимающим взглядом.

— Слава? Разгадка? 59 грамм радия, тория и полония будут напрасно уничтожены. Миллиарды киловат электрической энергии—к его услугам. Весь последний, самый большой осколок метеора—в его

распоряжении. Кахин будет действовать по последнему способу, который узнали во сне от фрау Мабель. Он будет нагревать камень, концентрировать на нем мои токи. Всеми этими силами метеор будет заряжен до последней степени. Сильнейшие эманации радиоактивных элементов повысят страшным образом действие на метеор. Радий, торий, полоний приведут к превращению, к уничтожению. Свет потухнет, жара усилится—его бледное лицо вдруг загорелось,—но на этот раз все не будет происходить так медленно, целые минуты и секунды..! Сила токов, излучение огромного количества радиоактивных веществ дадут такие результаты, что все прежние покажутся детской игрой. Уничтожение—есть разгадка тайны создания. Только тогда удастся из смерти материи вызвать новую жизнь,—в такую же десяти тысячную часть секунды—только тогда удастся последнее: с о з и д а н и е. Чтобы добиться этого, надо было на этот раз поступить обратно тому, как мы действовали до сих пор. Вентилятор в куполе надо закрыть, а не открыть. Жара должна дойти до такой степени, чтобы человек не мог бы переносить ее даже в скафандре и стальном шкафу. Весь опыт должен был производиться не в самой лаборатории, а в расстоянии километров от нее, посредством электрических кабелей. Я как раз хотел вам объяснить принцип измененного метода, когда на нас напали. Повторение прежнего способа немислимо при целом камне и с этим множеством радиоактивных веществ: опыту не хватает самого важного: слияния уничтожения и рождения, соединения актов превращения в одном и том же мгновении...

Глаза Нагеля становились все серьезнее и в них отразился ужас. Страшное предчувствие заставило его сердце безумно забиться.

— А если Кахин всего этого не знает и начнет опыт по старому способу? Тогда...

Инженер склонился над рулем. Он отчеканил, стиснув зубы:

— Тогда „Нигилий“, как я его назвал, в десяти тысячную часть секунды, когда Кахин нажмет рычаг, управляющий токами,—впитает в себя радиосилы многих миллиардов вольт и разнесет на миллиарды тел метеор, лабораторию и все, что в ней есть живого и мертвого. Все наши надежды расплытятся в мировом пространстве...

XII.

Со все усиливавшимся внутренним беспокойством встала Мабель со стула и прошла по комнате. От окна к двери, от двери к окну. Высокие, стоячие часы пробили одиннадцать. Это еще усилило ее страх. Вчера вечером Верндт и ее муж покинули виллу, чтобы начать последний опыт. Инженер, заметивший ее страх, уверил ее, что опыт совершенно безопасен даже в случае неудачи. Но почему же они не возвращались? Она терпеливо ожидала их всю ночь и задремала только к утру, измученная сомнениями и слезами. Она проснулась с криком ужаса. И все же не было причин так беспокоиться. На каждый запрос в горд Верндта получался ответ, что все в порядке. Но почему она так страдала? Муж ее проводил на первую ночь в городе Верндта. И она всегда бывала спокойна. Откуда теперь этот страх? Она ничего не понимала, бранила себя за нервы и брала в руки книгу. Но Мабель не могла уже больше владеть собой. Она решительно взялась за раковину радиотелефона и вызвала лабораторию, не смотря на то, что Верндт не любил этого. Прошло много времени, пока послышался ответ.

— Алло!—услышала она, наконец.— Кто говорит?

Вопрос удивил Мабель. Ведь муж ее знал, что говорить с ним могла только она. Но она была слишком взволнована и сердце ее громко стучало.

- Вернер, это ты?—торопливо спросила она.
Ей показалось, что она слышит шопот.
— Да... в чем дело?—последовал ответ. Голос показался ей чужим.
— Вернер?—спросила она еще раз.
— Да, да,—ответил нетерпеливо голос.—Так говори же... в чем дело?
— У тебя такой странный голос...
— Это в связи с нашим опытом. Я объясню тебе потом.
— Я так беспокоюсь за тебя. Я ждала тебя всю ночь...
Ей опять показалось, что она слышит второй голос.
— Мы только что кончили,—услышала она снова.
Горячая волна радости залила ее сердце.
— Вам удался опыт?
— Совершенно. Пожалуйста, приезжай сейчас. Ты все увидишь.
— Еду!—обрадовалась она.—Послушай, Вернер, скажи только... да?...

Вернер? Алло!... Разъединил!—сказала она разочарованно.

Минуту она стояла в нерешимости. Как изменил аппарат его голос! Это произошло из-за опыта? Удивительно. Не только звук голоса был искаженный, чужой, но произношение, манера говорить, все. Беспокойство вдруг еще сильнее охватило ее.

Мабель поспешно вышла во двор и прошла в ангар. Маленького аэроплана ее мужа там не было. За то впереди стоял новый „Сокол“ Верндта. Она вытащила его из-под навеса. Легкий, точно перышко, аппарат был в ее руках, как игрушка. Прозрачные крылья сверкали в лучах солнца. Они меняли цвет, как хамелеон. В воздухе они были почти невидимы, благодаря своим зеркалам. Точно играя, едва слышно зажужжал мотор, и аэроплан полетел по направлению к городу Верндта.

С жуткой быстротой мчался „Сокол“. Уже несколько минут спустя, Мабель снизилась у главной башни. Аэроплан стоял, трепеща, как прекрасная стрекоза. Мабель со вздохом облегчения убедилась, что среднее строение цело. Очевидно, все было в порядке. Ей даже стало стыдно своего страха. Вернер будет ее бранить. Она уже не спеша поднялась по лестнице в комнату перед лабораторией, где ученые переодевались. При входе она сейчас же увидела дон Эбро. Он стоял перед огромными часами в углу и заводил их, чтобы снова пустить в ход. Она остановилась. Его верное лицо из дубленой кожи было ей приветствием. Оно вернуло ей потерянное спокойствие.

— С добрым утром!—громко сказала она.

Эбро испуганно обернулся. Он только сейчас заметил Мабель. Эбро инстинктивно толкнул гиру прежде, чем спрыгнул со стула.

— С добрым утром, сеппога.

Его большие глаза засияли навстречу госпоже.

— Все в порядке? Да? Где сейчас мой муж?

— Господа должны еще быть в лаборатории. Первая комната все еще заперта. Я здесь уже два часа.

— Гм,—произнесла она недоверчиво.—Во всяком случае, они уже готовы. Я говорила с мужем по радио. Он просил меня приехать.

— Опыт удался?—спросил он с интересом.

Она радостно кивнула.

— Я постучусь к ним.

Она нажала ручку двери в соседнюю комнату. Дверь была заперта. Обеспокоенная, Мабель постучалась. Она услышала шаги и в то же мгновение дверь открылась. Мабель отшатнулась. Перед ней был совершенно незнакомый человек с седой бородой и взъерошенными волосами. За ним стоял второй человек гигантского роста.

— Вам нечего бояться, миссис, если вы будете слушаться,—сказал седой. Она тотчас же узнала голос, говоривший с ней по радиотелефону.

— Кто вы? Что вам нужно?—крикнула она в ответ.

— Убирайся вон!—сказал его черный спутник, отталкивая подскокившего к ней на помощь Эбро. Он запер дверь, ведущую вниз, и быстро спрятал ключ в карман.

Старший смотрел на Мабель взглядом, полным жалости.

— Мне очень жаль, миссис, что я должен вас побеспокоить. Вы позднее узнаете, кто я. Я коллега Верндта. Я говорю с госпожей Негель, не так ли?

Она не обратила внимания на его вопрос.

— Мой муж в лаборатории?

— Ваш муж и доктор Верндт увезены вчера перед опытом в другое место.

Он заметил ее испуг.

— Что хотят с ними сделать? Кто напал на них?

— Мы действуем по поручению свыше. Мне было очень неприятно. Я так ценю Верндта. Я уверен, что они в безопасном месте и что ничего плохого с ними не случится.

— Где они? Я хочу...

— Я искренно сожалею, что не могу исполнить вашего желания. Их увезли на аэроплане. Местопребывание их мне неизвестно. Как только будет окончена моя задача...

Она вздрогнула.

— Что вы хотите сделать?

— Вы видите, миссис, я совершенно откровенен с вами. В 2 часа 15 минут я должен закончить в лаборатории маленький опыт...

— Преступник!—вся вспыхнула она.

Он слегка смутился и опустил глаза.

— Я делаю это, конечно, не из тщеславия. Но Верндт пошел против Повелительницы...

Он вдруг замолчал, точно боясь сказать слишком много.

— Я хочу к мужу!—беспомощно сказала она.

Он с сожалением передернул плечами.

— Мне очень жаль, но это невозможно. Я должен, наоборот, попросить вас не выходить из этой комнаты. И этого человека тоже. В 2 часа 15 минут начнется мой опыт. Он не будет долго продолжаться. Но я не могу вас выпустить, пока он не кончится. Я запру вас обоих в этой комнате...

Он быстрым прыжком бросился к двери. Эбро схватил железный крюк и замахнулся на него. Лицо женщины горело возмущением и злобой.

— Негодяй!—заревел Эбро. Несчастливая жаба, ты смеешь мою госпожу...

В то же мгновение его оттащили назад. Второй из незнакомцев крепко обхватил его и, точно куклу, отбросил в угол комнаты.

Напрасно старался Эбро встать. Он опять со стоном опустился на пол, а черноволосый атлет спокойно взял болт, выпавший из рук Эбро, и легко и небрежно стал балансировать им. Потом согнул железную палку, как хлыстик...

Седой человек снова подошел ближе.

— Вы видите, что сопротивление не ведет ни к чему. Мне было бы жаль употребить силу. Мне приказано не выпускать вас отсюда. До 2 часов 15 минут осталось уже немного времени. После опыта вы будете свободны. Но до тех пор...

Он не договорил последней фразы. Отвесив низкий поклон, он удалился вместе со своим спутником в лабораторию. Мабель услышала, как заперли изнутри дверь.

Мысли путались в голове молодой женщины. Теперь она знала причину своих страхов. Ее муж и Верндт были в большой опасности. Она вспоминала угрожающие письма, вспоминала о похищениях и записках, о которых ей рассказывал Верндт. Не зная, что предпринять, она в отчаянии ломала руки. Бежать было невозможно: двери были заперты, окна закрыты решетками. Взгляд ее упал на Эбро. Он лежал на полу и тихо стонал. Мабель опустилась перед ним на колени и заглянула ему в лицо. Он попробовал улыбнуться.

— Ничего... ничего плохого, сеппога. У меня, верно, сломано ребра два, больше ничего. Это мне немножко мешает, но это ничего.

Собрав всю силу воли, он попробовал выпрямиться. Ему это удалось с трудом, и она поддержала его спину.

— Сядьте!—уговаривала она.—Не имеет смысла так себя мучить.

Он послушно прислонился к стене.

— Наш господин... наш господин!—жалобно бормотал он.

Мабель прошла по комнате. В 2 часа 15 мин. начнут незнакомцы опыт. Тогда она будет свободна. 2 часа 15 мин. Она хотела взглянуть на часы-браслет, но их не оказалось на руке. Она, верно, оставила их дома. В это мгновение большие часы в комнате пробили час. Она удивленно подняла голову. Уже так поздно? Но это очень обрадовало ее. Она скорее будет на свободе. Со вздохом облегчения подошла Мабель к слуге, чтобы как-нибудь помочь ему. Он получил несколько болезненных ушибов и одно ребро, видимо, было сломано в двух местах. Он пересилил боль и сел в кресло. Зубы его были сжаты, кожаное лицо стало неподвижно и непроницаемо, и только глаза вращались в орбитах.

— 2 часа 15,—преследовала Мабель все одна и та же мысль. Время тянулось так мучительно. 1 час. 40 минут, 50 минут... наконец! Она облегченно вздохнула, когда часы пробили два часа. Еще 15 минут. Она подошла к окну. Они были над землей, едва на высоте человеческого роста. Часы громко тикали. Стрелка едва ползла вниз.

— 2 часа 5 минут,—простонала Мабель.—Если бы у нас только была пила! Мы распилили бы решетку и убежали бы!

Эбро ударил себя по лбу.

Ах, ты, осел!—выругал он себя.—У нас нет пилы, за то есть вон тот шкафчик на стене. В нем хранятся сильнейшие кислоты, которые работают быстрее пилы. И без шума.

Он с трудом встал и подошел к шкафику.

— Мне надо научиться ходить,—сказал он,—если я хочу бежать с вами. Дело пошло уже лучше. Он делал болезненные гримасы, но члены уже повиновались ему. Он с особым вниманием выбрал кислоту.

— Вот эта будет годиться,—сказал он.

Мабель осторожно открыла окно. Эбро смочил железо решетки кислотой. Решетка сейчас же покраснела и Эбро дал ей высохнуть. Потом он изо всех сил ударил по ней кулаком. Она разлетелась, точно стеклянная.

— Отлично!—похвалил он дело своих рук.—Но куски железа еще торчат со всех сторон. Нам надо удалить их, иначе мы не пролезем в окно.

Он снова вымазал кислотой остатки решетки.

Мабель бросила взгляд на стенные часы.

— 2 часа 12 минут,—эти двое, там, в лаборатории, начнут сейчас опыт. 2 часа 13 минут...—казалось, что время не движется.

Ей стало невыразимо тяжело при мысли, как поступили с Верндтом. Преступно было преследовать человека, все переносившего ради своего дела, подвергавшегося опасностям, не спавшего ночей. Это останется преступлением даже тогда, если те двое в лаборатории ничего не добьются и не принесут особого вреда. 2 часа 14 минут... Решетка зазвенела.

Она приложила к двери ухо. Ей казалось, что она слышит шум. Голоса и шаги. Стрелка ползла... 30 секунд... 40 секунд... 50... Гонг! Ударил часы... 2 часа 15 минут... наконец-то! Но в лаборатории все было тихо... Она подошла к окну. Эбро закончил свою работу и проверял ширину.

Внутреннее беспокойство за мужа снова охватило ее.

— Скорей, скорей, пока нам не помешали!—Напрягая все силы, по-могла она Эбро выбраться из окна. Вслед за ним выпрыгнула и она. Они добежали до караульни и в нескольких словах рассказали все служащему.

— Нужно будет сейчас-же арестовать этих людей?

Она тороплива соображала.

— Нет, я думаю, будет лучше... да, они заперлись и должны быть заняты сейчас опытом. Может случиться несчастье, если к ним ворвутся люди. Эти излучения, газы...—может произойти взрыв. Мы уже не можем помешать их опыту, а без Верндта они все равно ничего не добьются... Лучше всего будет...

— Мы окружим строение сотней людей. Потом заберем их, как только они выйдут. Сейчас же допросим их, что им там было нужно.

— Хорошо. Хорошо!—согласилась она.—Сделайте так. Самое главное теперь—найти Верндта и моего мужа.

— Можете вполне на меня положиться,—поторопился успокоить ее служащий. Он понимал, что предстоит случай отличиться.—Теперь уж преступники не скроются!

Успокоенная Мабель кивнула головой. Взгляд упал на ожидавший ее аэроплан Верндта—„Сокол“. Не раздумывая, бросилась она к нему.

— Скорей! Скорей!—торопила она. Сокол поднялся, точно гонимый ветром.

— Куда?—спросил Эбро.

Во взгляде ее было беспокойство.

— Куда-нибудь... искать Верндта и моего мужа... мы должны их найти...

XIII.

— Который час?—спросил Верндт, не отрывая глаз от мотора.

— 1 час 5 минут,—ответил Нагель. В руках у него были часы.— Успеем?

— В 10 часов 20 минут мы вылетели из Бомбея. Мы взяли самый прямой путь. Под нами сейчас горы Махадес. Мы уже перелетели Итарси и Хосхангабад. Этот вокзал над нами, наверху, Гадосвара, — половина пути по линии Бомбей-Бенарес. Нам понадобилось на это почти три часа. Большую скорость этот аэроплан не допускает...

Нагель беспомощно опустил часы.

— Другими словами, мы достигнем Бенареса раньше 4 часов.

Инженер мрачно смотрел перед собой.

— Если бы это был мой „Сокол“! Уж он то бы справился с этим расстоянием. Только он...

В его тоне была безнадежность и раздражение.

Наступило молчание. Тишину нарушал только резкий шум мотора. Внизу с грохотом промчался скорый поезд из Бенареса в Бомбей. По временам встречался какой-нибудь аэроплан.

— 1 час 20 минут.—механически произнес Нагель, нарушая молчание. Слова его прозвучали точно удары молота враждебной судьбы. Вдруг он вздрогнул и указал вниз. Далеко внизу появилась сверкающая картина города со множеством мечетей.

— Смотрите, учитель: Бенарес?—он был полон надежд.

Верндт устало покачал головой.

— Джабалпур—четыре шестых пути.

Вдруг Верндта что-то точно толкнуло. Стальные глаза засверкали. Он далеко высунулся и прислушался. Потом прижал руку к дрожащим губам и громко и резко свистнул. Это была трель, становившаяся все резче и выше.

Нагель тоже прислушался. В воздухе раздавалось своеобразное жужжание, точно над головой несясь рой пчел.

— „Сокол“?—спросил он в недоумении.

Верндт еще прислушивался.

— Это он... это он! — икующе вырвалось у него, наконец. — Он услышал меня... он приближается!

Верндт снова засвистел свою трель. И совершенно явственно прозвучал ответ—раз, другой... короткие свистки сирены. Но ничего еще не было видно.

— Его крылья делают его незаметным.

— Только бы они нас заметили.

Нагель выбросил далеко за борт флаг. Ветер развевал его. Проходили секунды—жужжание приближалось. Потом на аэроплан упала тень. Вынырнули узкие, прозрачные крылья, вертящийся пропеллер. Как стрела, подлетел к ним „Сокол“. Из него высывалось взволнованное лицо Мабель. Верндт торопливо замахал ей рукой.

— Снизаться! Снизаться!—заревел он изо всех сил. Аэропланы стрелой помчались вниз. „Сокол“ ждал уже, когда подоспел Верндт. Большими прыжками бросились друзья от своего аэроплана к „Соколу“. Фрау Мабель радостно обняла мужа. У испанца от удовольствия прыгали на лице складки. Верндт уже сидел у руля.

— Едем! Потом!—отвечал он на бурные вопросы Мабель.

„Сокол“ помчался кверху, прорезая воздух.

— Вопрос в секундах!..

Держа левую руку на руле, он протянул правую Мабель.

— Благодарю вас!—произнес он коротко.

Ее мучили вопросы, заботы и страх, но он отклонил ее распросы.

— Мы были в плену... в Бомбее. Потом бежали. Остальное—позднее. Как вы-то попали сюда?

— Прямо из Бенареса. Я хотела искать вас в Нагнуре и в Хайдорабаде. Мне точно что-то подсказывало, куда лететь. Я свернула на лево от Джабалпура. Вдруг услышала свист. Сигнал „Сокола“. А далеко внизу увидела ваш аэроплан...

— Откуда вы узнали, что с нами случилось?

Она рассказала, задыхаясь от волнения.

— Каналья!—возмущенно крикнул Нагель, когда она сообщила про насилия Кахина. Крепкое рукопожатие поблагодарило дон Эбро.

Верндт, повидимому, ждал от фрау Мабель еще какого-то важного сообщения. Она не замечала этого и вздрогнула, когда у него вырвался взволнованный вопрос.

— Вы приказали их сейчас же арестовать?

— Нет. Но главное здание окружено караулом. Те двое, ведь, заперлись. Я решила, что опасно врываться к ним во время опыта...

— Во время какого опыта? Он же начнется только в 2 часа 15 минут. Вы же сами сказали...

— Конечно!—торопливо кивнула она головой.—В 2 часа 15 минут я была еще там, в комнате...

— Как?—весь вспыхнул Верндт.—Сейчас еще только 1 час 40 минут. Так еще можно было...

На ее прекрасных глазах блеснули слезы. Его резкость оскорбляла ее, как несправедливость.

— Я смотрела на стенные часы. В комнате для переодевания. Испанец быстро наклонился вперед.

— Стенные часы, сеппога?—они еще не были поставлены... они стояли, я хотел переставить стрелку, когда вы вошли в комнату...

У Мабель перехватило дыхание.

— Так я могла им помешать, арестовать их!..

Верндт молча и безнадежно кивнул головой. Ему было невыносимо больно. Судьба била его ударами молота. Жестоко и насмешливо. Верндт равнодушно слушал объяснение Нагеля и видел отчаяние Мабель.

— Взорвется? Лаборатория, метеор, все, все?..—крикнула она в ужасе и отчаянии.

— И все это я могла.., Она истерически зарыдала. Нагель гладил ее по голове. Он не находил слов утешения.

— Который час?—спросил Верндт.

— Час 50 минут.

— Мы над Ревой.

Тяжелое молчание царило в аэроплане, одиноко летевшем по воздуху. Верндт невольно вспомнил поездку на „Соколе“. Те же пассажиры—нет только отца Мабель, профессора Картклифа. Верндта вдруг охватила сердечная жалость к неудаче Мабель. Храбрая женщина страдала, как и он, не по своей вине, а от ударов судьбы. Он обернулся и взял ее правую руку.—Не плачьте, Фрау Мабель,—сказал он сердечно.— Вы ни в чем не виноваты. Ваше распоряжение было бы правильным, если бы на самом деле было 2 часа. Вас поразила неожиданность, вы были перепуганы насильем, беспокоились за мужа и думали прежде всего о спасении его. Это было совершенно естественно.

Она с благодарностью взглянула на него сквозь слезы.

— Вы очень добры, учитель. Работа всей вашей жизни поставлена на карту, вопрос идет о том, будет ли разгадана тайна—а вы хотите утешить меня.

Он серьезно ответил.

— Будем мужественны и не надо терять надежды! Ваш муж был в большой опасности. Вы были в плену. Радуйтесь-же, фрау Мабель, что вы снова вместе.

Она крепко пожала ему руку и положила голову на плечо мужа.

Верндт сидел у руля с окаменелым лицом, пристально глядя вперед.

— Время?—громко спросил он.

— 2 часа 3 минуты.

Мускулы его лишь слегка вздрогнули.

— Нам не справиться! До Мирзапура нам надо 10 минут. Даже на „Соколе“. Раньше 2 часов 20 минут нам не быть в Бенаресе. И то будет чудо!..

„Сокол“ мчался дальше. Внизу вынырнул город. По мчавшимся мимо деревьям, хижинам, светлым рельсам железной дороги, можно было судить о жуткой скорости, с которой летел „Сокол“.

Нагель не спускал глаз с циферблата. Он хотел бы задержать биением своего сердца движение стрелок. Но стрелка все опускалась.

— 2 часа 10 минут!—мрачно заявил он.

Пронеслись первые башни Мирзапура Верндт сидел неподвижно.

— „Сокол“ летит божественно. Мы выиграли целые две минуты. И все же этого мало.

— 2 часа 12 минут!—Нагель выкрикивал свои числа, точно жалобы.

— 2 часа 13 минут!

На горизонте вырос сверкающий город с тысячами храмов и странными башнями... Поперек его рассекала блестящая лента реки.

— Ганг!—воскликнула Мабель.—Бенарес!

— 2 часа 14 минут!—послышалось, точно насмешка.

Все ближе и ближе был город, дома мчались им навстречу... 20 секунд... 25... 30 секунд... От Бенареса до города Верндта нужно еще пять минут.

Верндт не двигался. Горящими глазами смотрел он на сверкающие крыши. Первая башня пронеслась, как привидение.

— 40 секунд... 50 секунд...

Картина Бенареса вся точно сжалась, и впереди поднялась угрожающая тень, точно сама неумолимая судьба... Дымный город Верндта, маячивший в лучах солнца.

— 55... 57... 58... 59...

Видна была уже главная башня.

— 2 часа 15 минут!—болезненно воскликнул Верндт. Его глаза были широко открыты. Дрожащей рукой он указывал вдаль... Потом упал в обмороке у руля...

Он не почувствовал, как „Сокол“ точно волной подбросило кверху. Ужасный взрыв сотряс землю. Точно удар молота упал на Бенарес, разбивая вдребезги стекла в окнах...

А там, над городом Верндта, поднялся туман, прорезываемый вспышками молнии. Сверкающая полоса круто поднялась над землей и исчезла в бесконечности неба...

XIV.

Обморок Верндта продолжался всего несколько минут. Он вопросительно и удивленно открыл глаза. Над ним склонялось прекрасное лицо Мабель. Она положила его голову к себе на колени и терла ему виски ароматическим спиртом. Горячие слезы сверкали на ее глазах.

Он медленно поднялся. Жизнь возвращалась к нему, точно вливающийся поток. Взгляд его упал на Нагеля. Тот сидел у руля. Верндт сразу все вспомнил. Сердце его бурно билось. Он молча встал на ноги и крепко пожал руки Нагелю и Мабель. Они поняли, что он хотел им этим сказать. Никто не стыдился слез боли...

Верндт был теперь совершенно спокоен. Все разрешилось и уже не нужно было безумной гонки. Город Верндта лежал перед ним в развалинах. Башня исчезла. Там, где сверкало прежде здание лаборатории, был теперь хаос камней и железа. В земле зияла трещина, точно от землетрясения.

— Надо снизиться,—сказал он спокойно.

„Сокол“ стал бесшумно скользить к земле и быстро приближался к месту разрушения. Среди развалин кишели тысячи людей. Увидев аэроплан, люди бросились ему навстречу с криками и жестами.

Верндт смотрел холодным взглядом на людей и дома. На лице его появилось выражение удивления.

На автомобиле подъехали несколько служащих и сделали доклад. Верндт слушал их молча.

— Много домов осталось в такой же сохранности, как этот?

— Три четверти города Верндта. Совершенно уничтожено только главное здание, лаборатория. Обломки камня и железа, расбросанные по всему городу,—это части башни. Камни и земля, как дождь, стали падать на крыши и среди домов. Это было поразительно!

— Человеческие жизни?

— Убиты развалинами два индуса, четыре европейца и 18 индусов ранено.

— А стража, которой я приказала окружить главное здание? Эти 200 человек?—тревожно опросила Мабель. Техник заметил ее беспокойство.

— Ни один человек не ранен. Строение лаборатории, должно быть, взлетело кверху, как свеча, как гигантский выстрел. Еще сейчас можно ясно различить воздушный столб. Нижнюю часть главного здания разорвало. Вероятно, от обратного удара. Сама же башня взлетела на невероятную высоту, по перпендикулярной линии, и обломки дождем падали на землю.

— А индусы из стражи?

— Люди лежали на животах, шагах в ста. Надо было, чтобы их не заметили из главного здания. Вдруг перед ними взлетел огненный столб. В какую-нибудь десятитысячную часть секунды. Не успели они сообразить в чем дело, как все уже кончилось. Каменный дождь попал на пригород. Они же отделались простым испугом. Это было поразительно!—повторил он снова.

Мабель облегченно вздохнула.

Верндт сделал знак автомобилю. Они поехали на главную площадь. Чем более они приближались, тем нормальнее становился вид улиц. Только на дороге лежали бесчисленные осколки стекол, да и то больше от окон верхних этажей.

Главное здание представляло собой кучу дымящихся камней и железа. Фундамент был разорван, как и лестница, и нижняя часть стены. Верхняя же часть постройки исчезла бесследно. Ни обломка, ничего, ничего не оставалось...

Все почтительно расступились, когда подъехал автомобиль Верндта. Собралось все население города и с говором теснилось вокруг места катастрофы. Впереди стояли европейцы-служащие, индусы залезли на деревья, крыши, и толпились на улицах. Вопросительные, испуганные и сочувственные взгляды встретили хозяина города Верндта, этого чужеземца, бога белых людей.

Инженер не произнес больше ни слова. Бронзовые черты его лица застыли в рамке кожаного шлема. Уверенным шагом поднялся он по сохранившейся части лестницы и стал осматривать состояние фундамента. Потом он кивнул Нагелю и спустился в развалины. От лаборатории остался только цоколь, часть одного из безопасных шкафов и площадка, на которой поднимался кверху осколок метеора. Ничего больше. Верндт с первого же взгляда понял, что все потеряно, все погибло.

— Оставьте меня минутку одного!—тихо попросил он. Нагель сделал знак остальным присутствовавшим и удалился сам. Они прождали долгие минуты на лестнице. Потом послышались шаги. Спокойный и серьезный, поднимался из развалин Верндт. Усталым жестом снял он шлем и провел рукой по лбу.

Вдруг Мабель вскрикнула... Нагель онемел, глубоко потрясенный... У человека, который подходил к ним, были белоснежные кудри...

Верндт сделал знак ассистенту. Тот подбежал к нему.

— Учитель!—учитель!—твердо произнес он, как клятву верности. Верндт кивнул ему головой.

В голосе его не было волнения.

— Приведите восемь носильщиков. Я нашел обоих преступников. Пораженный Нагель отшатнулся.

— Кахина и другого?

Верндт, не отвечая, скрылся в развалинах. Нагель позвал стражу и торопливо последовал за ним.

Инженер стоял возле остатков самого большого безопасного шкафа. Он отодвинул в сторону небольшую кучу мусора. Нагель невольно отшатнулся. На высоте в половину человеческого роста повисло нечто, какие то серые лохмотья—два человеческих тела. Так отвратительна была на этот раз гримаса смерти, что нервы Нагеля не выдерживали. Со-

мнения быть не могло. Это был Кахин и его черный спутник. Седая борода бельгийца сохранилась, но вид тела возбуждал ужас. Кожа походила на полированное черное дерево, мясо под ней было странно прозрачно, точно освещено изнутри. Щеки и губы застеклянились и похожи были на студень. Сукровица вытекала из ртов, окруженных пеной. От корней волос на голове и бороде исходил фосфоресцирующий свет, и из страшно выпученных глаз вырывались флуоресцирующие искорки...

— Отвратительно! Ужасно!—бормотал Нагель.

Инженер не отвечал. Нерешительно и с суеверным страхом пробирались индусы среди развалин. Никакая сила в мире не заставила бы их нести мертвые тела. Они, сломя голову, убежали, обратно в паническом страхе.

— Нам придется самим их вынести,—спокойно сказал Верндт и подставил носилки.

Нагель стал помогать ему, перебарывая чувство физического отвращения. Они подняли черного за ноги и за плечи, чтобы положить его на передние носилки. В то же мгновение они снова опустили его. Вальтер Верндт свистнул. Это было знаком, что его что-то удивило. Растерянный Нагель смотрел на учителя.

— Вес!.. Этот человек.

Лицо инженера посветлело. Точно от какой то надежды. Он склонился над мертвым телом и легко поднял великана. Без всякого напряжения снес он его на носилки.

— Тело весит всего четверть своего веса.

— И этот тоже!—удивился Нагель. Он держал на руках Кахина, точно куклу.

Верндт был сильно взволнован. Лицо его снова было полно энергии.

— Я думал, что нашел разгадку и знаю все, но только теперь познал я последнюю истину.

Нагель смотрел на него почти с сожалением.

— Последнюю истину... и все это напрасно?! Метеор потерян для нас навсегда. А с ним и возможность использовать познание истины.

Верндт спокойно покачал седой головой.

— Метеор на дне моря не потерян для нас.

— Учитель!—воскликнул ликуя Нагель. — Вы это сказали? Но метеор лежит на глубине 10.000 метров! Неужели он доступен?

— Он должен стать доступным. И если не нам, то будущим поколениям. Идемте. Надо снести этих людей наверх.

Паника индусов распространилась по всему городу. Суеверная толпа жалась к домам и бледные лица со страхом смотрели на покойников. Помогали только служащие европейцы.

Инженер задумчиво стоял над носилками Кахина. Вдруг лицо его оживилось, глаза его искали чего-то. Он поднял с земли обломок металла, валявшегося повсюду. Потом быстро прошел к автомобилю и достал из кармана для инструментов простое долото из железа и меди. Он сделал знак окружающим, чтобы отошли в сторону, и приблизился к носилкам. Осторожно и постепенно стал он приближать долото к телу бельгийца. Все ближе и, наконец, дотронулся концом долота до руки Кахина. В то же мгновение все вскрикнули. Присутствующие ясно видели, как мускул руки совершенно отчетливо сократился.

Сотни глаз, не отрываясь, смотрели на тело. Верндт провел инструментом по мертвой руке. Точно за магнитом, следовали мускулы за долотом, явно и сильно сокращались и давали полную картину жизни. Веки Кахина дрогнули, когда Верндт легко провел долотом по его лбу.

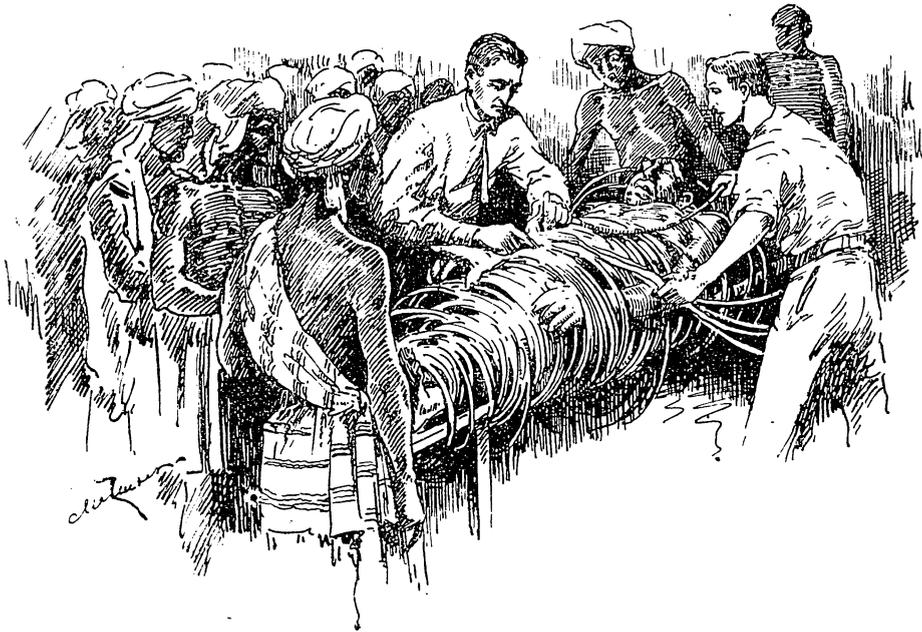
Верндт спокойно выпрямился. Довольная улыбка играла на его губах. Он почти весело кивнул Нагелю.

— Пожалуйста, помогите мне в последнем испытании. Мои электрические токи под главным зданием еще вполне годны для употребления. Кабель разорван только на расстоянии пяти метров. Нам хватает остатка.

Верндт вытащил с помощью Нагеля и европейцев-служащих оборванную часть кабеля и обвил ею тела умерших. Проводка кончалась в ответвлении в соседнем здании. Нагель пошел туда управлять рычагами. Служащие стали лентой от Вальтера Верндта, чтобы исполнять приказания и передавать его распоряжения в соседний дом.

Верндт дал Нагелю точные инструкции. По его знаку, Нагель пустил полный ток, который открыл на соседнем ответвлении. Миллионы вольт прошли через тела умерших.

Окружающие недоверчиво и растерянно смотрели на носилки. В несколько коротких секунд произошло чудо, которого никто не ждал. Точно луч света пронзил темные тела покойников. Кожа цвета черного

Верндт кабелем обвил тела умерших...

дерева стала грязноватой, посинела, потом посерела... стал светлеть, светлеть, в ней появился голубой отсвет, перешедший в белый. Потом она порозовела и окрасилась в желтый цвет здорового, загорелого тела... Мясо ожило и надулось на мышцах. Волосы на голове и бороде перестали светиться и постепенно возвращалась их прежняя окраска... Проступило дыхание жизни...

Индусы не знали в точности, что здесь происходило. Но они были уверены, что волшебнику, который стоял на развалинах, все было возможно. Они боязливо пробирались поближе и напряженно следили за происходившим там, впереди, чудом...

И вдруг из сотен уст раздался крик.. Отчаянный крик суеверного ужаса...

Точно волной сразу подняло всю толпу. Вперед, назад, во все стороны, к домам, через развалины и улицы к пригороду мчались люди, налетая на лошадей и автомобили... широко раскрыв рты... с вылезавшими из орбит глазами... вытянув руки, точно для защиты...

Верндт пустил ток. Конец кабеля со звоном упал на землю. В левой руке его были часы, и он спокойно отсчитывал время...

— 5... 10... 15... 20...

По телам вдруг пробежала дрожь. Носилки покачнулись... почти в то же мгновение покойники открыли глаза и привстали, точно просыпаясь от сна.

Кахин удивленно, дико оглядывался.

— Верндт!—вскричал он в ужасе.

Инженер спрятал часы и выхватил револьвер.

— 25 секунд... Bonjour, господин профессор. Вы—мой пленник.

XV.

Снова стоял Вальтер Верндт на всемирной кафедре, чтобы сделать доклад о своих изысканиях. Бесчисленными огнями горел колоссальный зал клуба—Вальтера Верндта в Мюнхене, чудном городе, давно уже ставшем духовным центром государства. На фронтоне развевались флаги государств всего мира, и народ переполнял улицы, чтобы чествовать человека, бывшего его кумиром.

„Совет Тысячи“,—собрание самых выдающихся умов всего мира,— „Совет Тысячи“, принадлежать к которому было светлой целью для всех,—с благоговением сидел у ног человека, который смелой рукой срывал все покровы, которые извечно скрывали тайну мироздания.

Только тысяча людей лицезрела в этот час оратора, но тысячи радиофонов в стенах и на потолке колоссального зала разносили его голос по всему земному шару и заставляли благоговейно трепетать сердца, пораженные всемирным чудом.

Верндт откинул назад белоснежные кудри, падавшие ему на лоб. Просветленным взглядом пророка окинул он тысячу людей у своих ног. Потом голос его зазвучал для последнего сообщения:

— Итак, я нашел Нигилий, основную материю творения, существование которой так давно уже подозревали сыны земли, но которую им никогда еще не удалось видеть! Вспомним все феномены, появившиеся при исследовании этого неизвестного элемента, вспомним абсолютный мрак и нагревание при первом опыте, вспомним превращение элементов и превращение тел, потерю в весе тела Кахина и его спутника и, наконец, явления на дне моря. Тогда мы поймем, какое место занимает нигилий в системе элементов.

Существует только одна основная материя! Существует только одна основная сила! И сила действует во времени. Но сила, а с нею и основная материя, имеют два полюса. Материя хочет соединяться и разъединяться, сила хочет притягивать и отталкивать. Химические же элементы представляют собою различные формы основной материи, в которой однородные вещества состоят из микрокосмов корпускулярных частей, напряжение сил которых насыщает их. Молекулы элементов—группа одинаковых атомов, молекулы же химических явлений являются conglomerатами различных атомов различных элементов. Мы знаем, что химия придала каждому атому известное число, атомный вес. Эти числа—имеют очень большое значение. Уже Коллин, Рамзай и Содди нашли в двух первых десятилетиях XX века, что радий, уран, торий и другие важнейшие радиоактивные элементы, независимо от времени, отделяют известный процент своих атомов, при чем частицы атома отпадают при известном лучеиспускании, а остаток атома, как новый атом образует новый химический элемент. Потом снова начинает отделяться часть за частью.

После долгих исследований добились, наконец, познания следующей истины. Она гласит: все элементы радиоактивны, только перерождение происходит так медленно, что мы его не замечаем целые тысячелетия. Мертвая материя перестала быть чем-то неподвижным, „все движется“—стало применимо и к ней, и стало оправдываться мнение алхимиков, что материя по природе стремится облагородиться и превратиться в золото, что в царстве камня и металлов есть своя жизнь, развитие и стремление.

Превращение элементов—теперь уже больше не сон. Вы знаете, что мне удалось свинец превратить в золото, употребив мои электрические токи огромной силы для ускорения медленного радиоактивного превращения свинца. Но это был лишь частичный опыт, а не разгадка тайны. Только когда удалось, посредством названных нами—ультрохимических приемов, „принуждать“ атомы, стала возможна надежда создать род атомов и—почему бы нет?!—найти эликсир жизни, посредством действия которого на живые клетки уничтожится умирание протоплазмы и старость отодвинется до бесконечности.

И это строительство атомов должно быть возможно! Иначе соединенная материя, освобождающаяся хотя и в тысячелетнем, но все же в безусловном радиоактивном процессе, распалась бы, наконец, на вещества легчайшего атомного веса и через распадение атомов мы пришли бы к концу мира.

Но это не так! Нигилий сдерживает уничтожение материи. Нигилий стал, благодаря своему положению в царстве элементов, благодаря своим особым качествам, спасителем мира, зародышем материи, эликсиром великой жизни макрокосма, как и жизни атомов и молекул, и принуждает материю все к высшим и бесчисленным видоизменениям, к все большему, славнейшему развитию, чтобы добиться цели всего мира!

Он сделал паузу и дал успокоиться волнению в зале. Потом он спокойно продолжал:

— Мы видели, что материя высокого атомного веса более радиоактивна и легче распадается. Если мы себе представим, что элементы высокого веса становятся все легче и легче после отделения от них гелия и других частиц, то мы уже логически найдем границу. Ведь, это не может идти до бесконечности, если даже граница будет при атомном весе, равном тысячной доле водорода, или даже десятитысячной геокорення, самого легкого из всех известных до сих пор газов.—Почему мы не находим на земле этих веществ, стоящих близко к границе,—вполне понятно. Притягательная сила земли не в состоянии удерживать их на поверхности земли, как и водород не может держаться на поверхности земли, а улетучивается в верхние слои атмосферы. Поэтому то мы и не знали этих веществ, хотя они, конечно, ежечасно во всех местах земли испаряются и улетучиваются в далекие слои атмосферы. Поэтому только метеор, только камень, промчавшийся из далей вселенной через облака газообразного нигилия—мог принести нам с собою весть об этих веществах, неся их в себе.

Нигилий, или, точнее говоря, семья элементов этого класса, представляет группу наименьшего веса периодической системы, атомный вес которой в общей сложности меньше 0.0001 веса водорода, и которая является границей с небытием. Таким образом, нигилий не один элемент, он содержит в себе много элементов, целую плеяду элементов низшего разряда.

А теперь, милостивые государыни и милостивые государи, мы подходим к важнейшему. Если группа нигилия есть предел атома, где разрушительная сила материи сливается с созидательной силой, где, как и во всех критических пунктах химии и физики, происходит сильнейшее вихревое движение веществ, то после отщепления последней частицы

он должен приобретать способность впитывать в себя, не отражая, все виды энергии. Да, эта сила всасывания энергии жадным остатком атома—нигилием—может быть так сильна, что в состоянии вырывать энергию из других, окружающих его элементов, в атомах которых эта энергия заключается, ценою даже разрушения атомов этих элементов. Нигилий действует в критическом состоянии как катализатор радиоактивных воздействий, как собственно возбудитель и носитель радиоактивности, высасывая в известной степени кровь элементов—их энергию,—как бешеный вампир, и говоря образно,—самые кости атомов лишаются своей связи и части атомов распадаются.

Шум голосов, похожий на шум морского прибора, заставил Верндта сделать паузу. Потом все снова стихло. Ученый продолжал совершенно спокойно, но слова его впивались в мозг и сердце слушателей.

— После того, как ниgiliй II,—это состояние ниgiliя после последнего распада ниgiliя I,—набирается на счет соседей огромными запасами энергии, он становится способным синтетично создать семью атомов и из разрушителя превращается в создателя.

Таким образом, найден жизненный путь материи, великий круг, пробегаемый неодоухотворенной природой. Тяжеловесный, легко распадающийся атом радия, под влиянием действующего освобождающе ниgiliя II распадается по очереди на свои предшествующие атомы, нитон... радий В, С, Д, Е, F—полоний, и все дальше со ступени на ступень, о которых мы сегодня еще только догадываемся, но о которых еще ничего не знаем. Он распадается, расщепляется на частицы гелия и остатки атома. Остатки продолжают распадаться пока, наконец, высосанный ниgiliем II остаток не превращается в члена семьи ниgiliй I.—Каждый последний остаток атома каждого основного химического элемента есть сам по себе ниgiliй I. С окончательным усилием разрывается и это последнее кольцо корпускул и, свободные и ненасытные, кружатся отдельные частички ниgiliя II. Но в это же мгновение просыпается их всасывающее стремление. Как вампиры бросаются они на атомы материи, проглатывают свободные и немилосердно всасывают в себя задерживаемые энергии. Они питаются кровью своих кормильцев, жиреют и становятся сильными, причем из больших, жирных, тяжеловесных атомов им легче высасывать эту кровь, атомов же более легкого веса требуют с их стороны большего напряжения. Но вот настает великий момент рождения! И с неожиданностью корпускулярных предыдущих действий соединяются сотни, десятки тысяч, миллионы этих частиц в новый атом нового элемента высокого веса. И в это мгновение снова начинается круговращательное движение. Но из-за ненасытного высасывателя, вездесущего ниgiliя II, гигантский атом скоро начинает распадаться. Вот почему так редки атомы высокого веса. Такие гигантские атомы уже в стадии рождения подвергаются нападению высасывателей. Таким образом гиганты скоро становятся меньше и, наконец, уменьшенные и отвердевшие, делаются крепче и мы узнаем в них атомы известных нам элементов. И снова образуется уран, из урана радий, из радия нитон, радий В, С, Д, Е, F и дальнейшие его части.

Вот биография великой жизни материи, вот мое открытие образования миров.

Прошли минуты, пока Верндт мог продолжать. Зал поднялся, как один человек, раздавались крики радости. Высоко поднимались взволнованные лица, слушатели восторженно махали руками. Он поблагодарил лишь поднятием правой руки. Спокойствие наступало медленно.

— Сделаем легкий обзор уже известных вам событий, которые так затруднили изыскания.—Нигилий, принесенный на землю метеором, находился, очевидно, в сравнительно спокойном, годном для передвижений

состоянии нигилия I. Только при моем насилии над ним он распался при первом опыте на нигилий II, то есть перешел в состояние атома-вампира. Он наполнил зал лаборатории ультраатомным „газом“. Отсюда абсолютный мрак, так как он совершенно поглощал все лучи, проникавшие в окна. И вот почему он стал нагреваться. Он поглотил все тепловые лучи и, будучи холоднее окружающих предметов, высосал из них всю теплоту. Но дойдя до температуры, высшей температуры окружающих предметов, посредством абсолютного поглощения всех тепловых лучей, он не стал ничего отдавать через излучения, но не мог, конечно, помешать согреванию окружающего, так как его атомы „газ“ с невероятной силой колотили и барабанили в стены. Вот почему стало так жарко, почему стали тлеть герметически закупоренные камеры. Но это было заметно только изнутри, потому что красные лучи тлеющей камеры тотчас же поглощались снаружи нигилием. А когда, наконец, температура дошла до критической точки, произошел второй синтетический взрыв и родился, вероятно, неизвестный, тяжелоатомный газ, улетучившийся через открытый вентилятор в крыше.

Также просто объясняются неслыханные феномены моих последних опытов: посветление почерневших тел и восстание мертвецов. Нигилий содержался в метеоре, как вы знаете, в состоянии нигилия I. Вследствие согревания, он должен был, при критической температуре, превратиться в нигилий II. Но на этот раз обстоятельства сложились немного иначе. Невероятные массы энергий стекались со всех сторон благодаря электрическим искрам. Что же случилось? Нигилий распался на нигилий II и так как в этот момент освободилась масса бесконечно большая, чем при первом опыте, то концентрация этого газа в воздухе увеличилась в миллионы раз и она так разрушительно повлияла на все элементы, что почти в то же мгновение произошло их радиоактивное превращение. Произошло разрушение лаборатории посредством распыления на ее корпускулы.

Изменение мертвых тел объясняется также просто. Силой превращения нигилия была разрушена и распылена на корпускулы верхняя часть здания, вследствие давления сверху, в то время, как нижняя часть, на которую меньше влиял едкий, высасывающий газ, развалилась и погребла тела преступников. Тела эти нашли в ужасном состоянии. И все же эта была только стадия незаконченного полного очищения. Нигилий II, действующий так разрушающе на все неодушевленное, очевидно, не имеет такого влияния на живые существа. Он, видимо, проник в молекулы сложных органических соединений, из которых состоит человеческое тело, и изменил их, не отнял у них жизни, но только освободил тело от его тяжести, причем нигилий поглотил силу тяжести, которой притягиваются к земле молекулы человеческого тела. Я понял это и провел через тела ток в 10.000 вольт. Голодные атомы нигилия II, впившиеся, как коршуны, в связанные между собой жизнью молекулы мяса, костей, крови и протоплазмы, могли всосать в себя всего лишь силу тяжести тел. Но они держали молекулы тел в известном напряжении так же точно, как течение воздуха втягивает развевающийся флаг, но не может сорвать его с древка. В то же мгновение, как мой ток проник в тела, жадные частицы поглотили ток и отпустили атомы органических молекул человеческого тела. Эти атомы вернулись в свое нормальное состояние, мясо снова стало мясом, кость—костью, кровь—кровью, и насытившиеся коршуны улетели в высшие сферы, превращаясь в систему гигантских атомов большого веса. Вот, как просто все объясняется! Так же, как освобождение Думаску от гипноза. Когда нигилий появился в первый раз в зале в состоянии нигилия II, жертвой его стали не только потухшие лампы, но и человеческая воля. Всякая сила, разлившаяся в зале, была поглощена им.

— Милостивые государыни и милостивые государи, представители всей Земли! Внизу, в глубинах моря, лежит огромная масса метеора. Под влиянием ли высокого давления, или по какой-либо другой причине, но метеор явно распадается в глубине моря и превращает при этом нигилий I в нигилий II. И этот жадный элемент, как стая чертей, разрушает огромные количества воды и, соединяясь с остатками атомов, образует новые газы. Эти газы поднимаются на поверхность моря в виде маленьких пузырьков и затем улетучиваются к небу. Но при быстроте своего движения они увлекают с собой частицы воды и образуют тот водяной столб, о котором нам говорят моряки и летчики. Вследствие этого перемещения воды, от движения огромных водяных масс, влекомых газами, на дне моря получается дефицит, пустота. На деле этой пустоты, конечно, нет, потому что все время притекает столько же воды, сколько ее убывает. Это прибывание воды является совершенно естественной причиной невероятного морского водоворота, который, точно Харибда, тянет воду все более крутыми и быстрыми спиралями в далекие глубины океана, где кипит метеор. А из бездны, из самого водоворота, поднимается, точно солнечный протуберанц, жемчужный газ и мчит кверху в сумасшедшем потоке кубические километры воды. Пузыри газа, находившиеся на дне под давлением 1.000 атмосфер, увеличиваются в тысячу раз по мере приближения к поверхности моря, вследствие ослабевающего давления, и образуют над центром циклонного водоворота огромную, похожую на колокол, водяную гору и выбрасывают, лопаясь, на воздух частицы воды. Водяная же гора растекается во все стороны и образует антициклонное течение на поверхности моря.

— Вот загадки и вот их разгадки.

Поднялось громкое ликование, но он снова остановил его движением руки.

— Но с этим познанием мы еще не у цели. Мы и не подозреваем того, что можем узнать. Кто станет господином нигилия, будет господствовать над миром. У ног его будет побежденная материя. Сама сила тяготения должна будет покориться его воле. Никакая старость, никакая смерть не будут уже больше угрожать ему. Гибель земли не будет его страшить. Он создаст себе миры на других звездах и вызовет жизнь из мертвых камней. Но кто владеет этим метеором? Мы им не владеем! Злодейским поступком вырван из моих рук результат моих работ, у меня не осталось ни малейшего атома. И все же человечество должно достигнуть последней ступени. Наша надежда лежит теперь на дне моря, на глубине в 10.000 метров, а ведь, это надежда всего человечества! Вы восклицаете: „невозможно“! Вы качаете головами: „немыслимо“! Но это должно стать возможным! На зло всем элементам и самой материи! Вы—сила человечества, вы—прошли под океаном, вы—пробуравили гранит под его дном, вы—выстроили трансатлантический туннель. Измыслите же теперь новое! Призовите человеческий мозг к состязанию, раскройте кошельки, чтобы вооружиться для борьбы. Человек, покоривший Землю и воздух, проникни тысячи атмосфер, пробей себе дорогу и найди свою судьбу! Нигилий стремится вверх и хочет сделать вас повелителями миров, а ваши потомки, если Земле когда-нибудь суждено погибнуть, будут радоваться на далеких солнцах жизни, спасенной вашей любовью... Поднимайтесь же на борьбу, вы, духовные силы человечества! Метеор должен стать нашим!.. Мы должны достигнуть звезд! Цель наша, наша надежда—нигилий! Метеор принес его к нам на землю. Он ждет нас... на дне моря!

(Окончание в следующем, № 8 „Мира Приключений“.)

Рассказ М. ЗУЕВА.

I.

Дюжий фейерверкер, звякнув шпорами, вытянулся в дверях кабинета.

Начальник Сант-Гварайоского артиллерийского полигона, капитан Хуарец Геррара, поднял голову, близоруко склонившуюся над бумагой.

— Что, Даниэль?

— Сенор капитано, там опять пришли эти...

— Кто?

Усы фейерверкера презрительно встопорщились:

— Эти дьяволы из деревни Илькомайо. Хотят видеть вас, сенор.

— Дьяволы!— скрипнул зубами капитан.— Пусти их, Даниэле. А пока я буду с ними говорить, ты стой за дверью.

Четыре поселенина втиснулись в узкие двери кабинета. Один из них был старик, с лицом, сморщенным, как кожа печеного яблока; двое других были помоложе. Четвертый же был юноша, почти мальчик. Сняв грязные соломенные сомбреро, они столпились у двери, не решаясь подойти к столу.

— Здравствуйте, мои друзья. Что нужно вам?— откидываясь на спинку кресла процедил капитан.

Старик выдвинулся чуть вперед:

— Пусть сенор капитано не сердится на несчастных поселян. Мы отрываем сенора от дела. Но у нас нет больше сил терпеть!..

— В чем дело? Яснее и короче, друг мой!

— Сенор сам знает в чем дело. Каждое лето солдаты разворуют нас.

Они крадут для своих лошадей маис с наших полей. При выездах на учебную стрельбу солдаты из озорства везут пушки прямо по посевам маиса и индиго. Это несчастное соседство с вашим полигоном скоро сделает нас совсем нищими. Ведь каждое лето—убытки, пусть капитано сам подумает!

— Ну, а чего же вы хотите от меня?

— Мы надоели сенору своими просьбами, но мы опять, в сотый раз, будем просить одного и того же—возмещения убытков. И сенор должен согласиться, что это не дерзость со стороны бедных поселян, а только законная просьба.

Геррара покрутил задумчиво в воздухе карандашом:

— Хорошо,—я согласен!

Глаза крестьян блеснули скрытой радостью.

— Да, я согласен! Идите в канцелярию, там вам каждому уплатят по пезо.

Старик растерянно зажевал губами и, наконец, собравшись с духом, прохрипел:

— Но, сенор капитано..

— Что такое? Вы недовольны?— нахмурил брови Геррара.

Юноша шагнул вперед, отстранив старика:

— Погоди, дядя Тонио, я буду говорить. Вы, сенор, издеваетесь над нами! Ваши солдаты перепортили и разворовали у нашей деревни маиса и индиго на тысячу золотых пезо, а вы нам предлагаете четыре несчастных пезо! Мало того, на прошлой

неделе в наш общественный кораль грохнула бомба и разорвала в клочья семьдесят овец и столько же переранила. Это тоже четыре пезо, сенор?

Капитан насмешливо пожал плечами:

— Просто случайность, которая происходит не каждый день. Это не наша вина.

Тонкие ноздри юноши задрожали:

— А чья же, сенор? Ваши офицеры и солдаты стреляют так хорошо, что, метаясь в мишень, попадают в овечий кораль. Может виноваты в этом наши овцы?

Капитан побагровел. Схватив громадный кольт, лежавший вместо пресса на кипе бумаг, он грохнул им по столу:

— Молчать, грязный койот! Как ты смеешь оскорблять офицеров федерации?

Смуглые щеки юноши то же гневно запунцовели.

— Не буду молчать, сенор! Мы были в Санта-Велхо, в штабе корпуса. Нам сказали там, что в возмещение наших убытков отпущено 2000 пезо. А вы нам предлагаете четыре пезо. Вы вор, сенор!..

Дрожащая от ярости рука с зажатым в ней кольтом рванулась кверху. Мушка револьвера уставилась прямо в лоб юноши.

— Вон! Все вон! Канальи, убью! — заревел капитан.

Трое поселян испуганно юркнули за дверь. Юноша остался.

— До свиданья, сенор. Мы запомним, что капитан Геррара вместо пезо расплачивается пулями! — и вышел не спеша, спокойно притворив дверь кабинета.

С трудом подавив желание послать ему вдогонку пулю, капитан опустился в кресло, все еще дрожа от злобы. Но тотчас же блеснули его зубы в веселой улыбке.

— Это правда, — подумал капитан, — что из штаба корпуса получено 2000 золотых пезо для уплаты поселянам за убытки. Но ведь мое жалованье начальника Сант-Гварайоского полигона так ничтожно...

А это еще более обидно капитану после той блестящей и хорошо оп-

лачиваемой должности, которую он совсем недавно занимал в главном штабе. Но после очередного пронунциаменто ¹⁾ все его покровители из военного министерства отправились прямехонько в крепость. А он, сдав свою должность очередному баловню судьбы, выброшенному наверх переворотом, очутился здесь, в Санта-Гварайос, на должности начальника глухого артиллерийского полигона. А кроме всего этого на носу выгодная женитьба капитана на дочери богатого гаудиендеро. Свадебные расходы потребуют не одну сотню пезо. Конечно, отдать эти две тысячи грязным животным было бы непростительною глупостью!..

Капитан хлопнул в ладоши. Длинный фейерверкер вырос на пороге.

— Даниэле, передай в кордегардию, — как только эти грязные койоты появятся снова около моего дома, гнать их в шею. А в случае сопротивления избить прикладами...

II.

Когда дом капитана скрылся за пригорком, все четверо, словно угорившись, остановились.

— Ну? — нетерпеливо бросил юноша.

Старик грустно покачал головой:

— Плохо наше дело. Остается жаловаться кустосу ²⁾.

Юноша раздраженно вскинул голову:

— Га! Нашего кустоса можно купить за квинталь маиса. А за два пезо он продаст родную мать.

Старик в раздумьи переступил с ноги на ногу:

— Тогда пойдете в столицу, к самому президенту!

Юноша улыбнулся.

— Дядя Тонио, ты уже много лет прожил на свете. А видел ли ты когда-нибудь, чтобы хила ³⁾ нападал на хилу? Ведь нет? Хила нападает только на животных и людей. Так неужели ты думаешь, что все эти знатные сеноры будут ссориться из-

¹⁾ Переворота, восстания.

²⁾ Судье.

³⁾ Ядовитая ящерица.

за нас, грязных поселян? Нет, дядя Тонио, здесь не то нужно!

— А что же, сын мой?

Юноша тревожно оглянулся и бросил что-то быстрым шепотом.

Старик схватил его испуганно за руку:—Молчи Диас, ты молод, а потому глуп и горяч. Ты хочешь, чтобы всем нам раздавили позвонки на гарроте!

— Да нет-же, дядя Тонио. А если мы не уничтожим эту собаку, то он разорит всех нас. Слушайте, у меня есть план. Каждый вечер капитано

темно, что вы сломаете себе шею Подождите луны.

Вкрадчиво-ласково ответил из темноты голос невидимого капитана:—

— А вы боитесь за меня? Вам-будет жаль меня, если я разобьюсь? Не бойтесь, я знаю каждый камешек на дороге. Спокойной ночи, сеньорита!

— Зажгите хотя фонарь, Хуарец!

Но в ответ зашуршала лишь земля под велосипедом. И все смолкло...

Геррара летел мягким „трюмпом“, проселком, между двумя стенами тихо шепчущего маиса. Влажный пассат, вечный гуляка, вырвавшись с недалекого океана, бил в лицо теп-

Дрожащая от ярости рука с зажатым в ней кольцом целилась в лоб юноши...

ездит на велосипеде на гициенду Ла-Риохо, к своей невесте, дочери гициендеро. Возвращается он ночью. А ночи теперь...

Четыре головы сблизилась, чуть не касаясь друг друга лбами. А горячий, гневный шепот, звучащий угрозой для кого-то, слышал один дикий кактус, уродливым идиолом вылезший из земли.

III.

Капитан осторожно свел велосипед со ступенек веранды. И сразу стал невидимым. Тьма словно проглотила его.

Сеньорита Арпалича, опершись о перила, крикнула вниз:—Хуарец, так

лыми, ласковыми крыльями. Капитан жадно ловил крепкий аромат океана, отдаленно напоминающий запах иода, к которому примешивался сладкий, кружащий голову запах цветущей белой акации. Тьма была такая, что казалось ее можно было хватать, щупать, раздирать на части. Капитан не видел даже переднего колеса велосипеда. Несмотря на это, Геррара уверенно свернул с „трюмпа“ на прямую как стрела аллею, искусственно обсаженную кустами белых акаций и кокетливыми метелочками карликовых пальм. Аллея эта прорезала по диагонали весь полигон и, пробегая мимо орудийного парка, упиралась прямо в ворота дома капитана.

Здесь, в этом душном коридоре, было еще темнее. Но чувствуя твердую, утрамбованную почву, усыпанную гравием, по которой легко скользил велосипед, капитан не уменьшил хода.

По мелькнувшим вдали слева-двум огонькам капитан понял, что он уже пролетел оружейный парк. До дому оставалось не более мили. Предвкусная двойное удовольствие, ждавшее его дома,—аромат крепкой маниллы и жгучую ласку пахучего английского виски, капитан нажал на педали. Велосипед, словно лошадь под ударом хлыста, рванулся вперед. Гравий зашвырянул под шинами, а мелкие камешки, с треском вылетая из под колес, пулями зашелкали по кустам и раме велосипеда. Пассат не обвевал уже нежно лица, а сердито рвал с головы кепи.

Вдруг от страшного удара обо что-то твердое велосипед моментально остановил свой бешеный бег, как взбесившаяся лошадь поднялся на дыбы и опрокинулся назад, прямо на лежавшего уже на земле капитана. Капитан ногой спихнул его с себя и, поднявшись на локте, набрал воздуха, чтобы крикнуть на помощь. Но в ушах его вдруг зазвенели тысячи

• От страшного удара велосипед остановил свой бешеный бег. Капитан упал...

колоколов и колокольчиков, сверкнул хоровод ярких разноцветных искр и все пропало, провалилось в какую-то темную, гудящую бездну...

Через полчаса выползла лениво луна. Лучи ее, продравшись с трудом сквозь ветви акаций и пальм, остановились испуганно на двух громадных камнях, положенных поперек аллеи. Рядом, как раненое животное, лежал велосипед, исковерканное переднее колесо которого казалось, при обманчивом свете луны, каким-то безобразным, спутанным мотком стальной проволоки.

IV.

Капитану показалось, что он крепко спал и вдруг проснулся. И первым его ощущением была тупая боль в голове. Как будто эта боль спала и теперь проснулась вместе с ним.

Морщась от боли, он открыл глаза и тотчас прищурил их. Яркие лучи солнца резанули ножами. Прямо перед ним, далеко-далеко, сверкающим бриллиантом играла на солнце тупая вершина гиганта Менаос.

Капитан удивленно перевел взгляд вправо. Сердце испуганно сжалось. В нескольких саженьях от него мрачно топорщились знакомые очертания искусственного форта. А за фортом желтели шапки двух блиндажей. А левее,—безобразные дощатые щиты, отдаленно напоминающие скачущую кавалерию.

— Да ведь я же на полигоне!.. Среди артиллерийских мишеней!..

Геррара испуганно рванулся вперед и со стоном повис на впившихся в тело веревках.

— Привязан!

Взглянул вправо, влево, тут-же, около себя, и почувствовал как ледяная струйка смертельного ужаса пробежала по спине. Да, привязан и привязан к одному из столбов, шеренга которых изображала наступающую цепь неприятельской пехоты. Вправо и влево от него уходили ряды столбов. Глубокие царапины, выбоины, расщепины на столбах и изрытая вокруг них, словно в оспе, земля доказывали, что артиллеристы

федерации могли иногда стрелять очень метко. Высокая трава окутала столбы так, что лишь одна голова капитана высилась над этой зеленой чащей. Веревки опутывали капитана только до пояса, ноги же его были совершенно свободны.

Упершись в землю носками, капитан из всех сил рванулся вперед. Столб подался, но не слишком. Пересохшая, твердая как камень, земля крепко держала столб.

Упираясь в землю попеременно то носками, то каблуками, Гerratра начал дергать столб то вперед, то назад. От каждого его толчка столб качался все сильнее и сильнее.

Пот едкими ручьями катился по лицу, застила глаза. Гerratра поднял глаза на солнце, нестерпимо палившее обнаженную голову, и увидел его над самой вершиной Менаос.

— Уже семь часов!—удивленно подумал он. И тотчас-же страшная мысль словно в кулак стиснула его сердце;—Семь! Начало стрельбы!

Рискуя сломать позвонки шеи, он повернул голову круто назад и, благодаря удивительной прозрачности воздуха, ясно разглядел на главном флагштоке полигона красный вымпел, предостерегающий знак начала стрельбы.

Как безумный, с глухим воплем рванулся капитан вперед. Столб нагнулся под тупым углом, но не вылез из земли. И тотчас-же в отдалении послышался глухой треск, затем приближающийся свист чего-то летящего со страшной быстротой и, наконец, звенящий рев разрыва.

Широко раскрытыми глазами смотрел Гerratра, как граната невдалеке перед ним взметнула вверх темнорыжий фонтан пыли и дыма. Ноздри защекотал приторно-сладкий запах сгоревшего тротила.

После рева разрыва снова стало тихо-тихо. Лишь где-то близко в траве сладострастно стрекотала бесстрашная цикада.

Капитан, смертельно бледный, висел на веревках. Его привел в себя второй выстрел и свист летящего снаряда. Но разрыва он не увидел, потому что граната рывкнула где-то

Капитан рванул столб. От натуги у него хлынула кровь.

сзади. Лишь осколки, сердито фырча на лету, пронеслись над его головой.

Гerratра не даром был артиллеристом. Он понял, что батарея избрала мишенью именно те столбы, к одному из которых он был привязан. Он понял также, какую страшную игру вела с ним ничего не подозревавшая батарея. По двум первым, одиночным выстрелам, батарея определила перелет и недолет по цели, захватив цель, а следовательно, и капитана, в так называемую прицельную вилку: Теперь-же, взяв прицел средней между перелетом и недолетом, батарея ударит уже залпом и попадет прямо по цели.

Кроме того капитан знал, что единственное средство спастись от гранат—это лечь на землю. Стоять-же так, как стоит он, это значит быть наверняка растерзанным в куски.

Капитан понял, что третий выстрел, если ничто не изменится, будет для него концом. И время этого третьего выстрела пришло. Батарея колыхнула воздух давящим залпом всех своих четырех орудий.

Гerratра, с глазами, вылезшими из орбит, собрав остаток сил, рванул столб. От натуги у него хлынула носом кровь. Столб затрепетал и рухнул на землю, увлекая капитана.

Оглушенный падением, он не услышал разрывов и лишь по комьям земли, засыпавшим его, понял, что самое страшное уже миновало.

Лежа на траве, Гертара засмеялся беззвучным, истерическим смехом.

Уставшее солнце окунулось в океан. Вершина Менаос потухла и белела смутно и нежно, как девичье плечо.

Тотчас же, без всяких сумерек, с запада примчалась ночь. Слизнула нежную белизну Менаос и заботливо укутала равнину тьмой.

Полигонная команда, пришедшая ночью с фонарями устанавливать вместо разбитых новые мишени, наткнулась на капитана. Он был без памяти и выкрикивал в бреду одни и те же слова:

— Солнце над Менаос!.. Начало стрельбы!.. Развяжите—я отдам две тысячи пезо!..

На спине у него болтался привязанный мишенный столб.

Только через три дня он пришел в себя. Написал длинейший рапорт и, спешно сдав дела, уехал в Санта-Велхо, захватив с собой невесту. Своему заместителю он сказал:— Сенор, не забудьте моей просьбы передать альяду деревни Иьлкомайо две тысячи золотых пезо. Вот они.

И прибавил странную фразу:

— Если вы не желаете увидеть солнце над вершиной Менаос, находясь среди полигонных мишеней, то не ссорьтесь с окрестными поселянами. Это дьяволы, а не люди!

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ.

Вторичное решение задачи № 9. Прислали: Волков, Коваленко, Агафонцев, Рогожкина, Подпрятава, Мрочкевич, Степанов.

Все 3 превращения были правильны лишь у Л. И. Мрочкевич, но и в этом ответе было слишком много (26) промежуточных слов (максимум—22).

Решение задачи № 14 (Вербификация). Прислали: Волков, Коваленко, Галионко, Агафонцев, Турчинский, Берендсон, Маслова, Камаров, Ардагов, Николайчук, Бромберг, Антокольский, Смыслов, Константинова, Липков, Штрайхман, Снитко, Дзель, Копытов, Цукерман, Мочан, Ендовицкий, Наградов, Бекман, Джелепов, Правдин, Алексеев-Попов, Суходольский, Корнев, Дегтерев, Рогожкина, Ахметьев, Каютов, Васов, Черкасова, Бурыгин, Линдквист, Замберг, Насыпайко, Арженикова, Федорова, Бедненко, Холенков, Аксельруд, Михайлов, Мазманишвили, Брахман, Кегуровский, Эрикссон, Попова, Жуковецкий, Болонкин, Подпрятава, Порецкий, Андреев, Княшко, Кулик.

У многих лиц имелись в перечне слова, неизвестные даже энциклопедии—эти слова зачеркнуты. Кроме того было помещено много слов с повторяющимися буквами, в слове „перестановка“ же не повторяющимися. Эти слова также были вычеркнуты. После исправлений победителями оказались: Н. Снитко (Иваново-Вознесенск), М. Правдин (Белгород)—приславшие по 49 слов и Г. Дегтерев (Москва)—52 слова.

Решение задачи № 15. После слова „...тысяча...“ надо поставить двоеточие. Решили: Андреев, Порецкий, Жуковецкий, Бедненко, Замберг, Каютов, Корнев, Цукерман, Бромберг, Маслова, Агафонцев, Шмидт, Локтионов, Гринберг, Иващенко, Хавкин и Хлавно, Рогозинская, Биркин, Кочетов.

Список решивших задачи №№ 3 и 4.

№ 3 (Ответ в „Мире Прикл.“ № 4/1926 г.) К. П. Корнев, Л. И. Мрочкевич, Е. В. Муратов. (Остальные ответы неверны).

№ 4 (Ответ в „Мире Прикл.“ № 5/1926 г.) Биркин —, Локтионов —, Мрочкевич 5, Линдквист —, Каютов —, Ахметьев 2, Бекман —, Совер —, Ардагов —, Дольский —, Ястребова 140, Коваленко 500, Ушаков —, Фридрих 127, Андреев —, Бедненко 15—20 (среднее 17,5), Семенов —, Зубков 255, Кузнецов —, Русаков 111, Горская —, Рогожкина —, Голант 353, Черткова —. Всего по № 4—24 ответа.

Премии получают: по № 3—все трое решивших, по № 4—Мрочкевич, Ахметьев и Бедненко.

Почтовый ящик отдела задач.

Е. Муратову—Москва. Просьба сообщить нам адрес для высылки Вам премии.

Г. Гринбергу—Москва. Задачи не подходят.

В. Полубояринову—Бухтарма. Решение запоздало.

В. Алтаеву—Одесса. Задержка в печатании ответов произошла из-за болезни редактора отдела задач.

М. Г. Смыслову—Москва.—О порядке высылки премий по „Переплетенным словам“ см. „Мир Прикл.“ за 1926 г. № 2.

В. Вайвару—Воронеж. Вы не получите премии, т. к. другие составили больше слов.

Л. И. Мрочкевич—Курск.—См. „Мир Прикл.“ за 1926 г. № 5,—фамилии решивших и премированных. Вам премия будет выслана по задаче № 3.

БИОТРАНСФОРМАТОР

Рассказ ГР. ЯМСКОГО.

Я—молод, полон надежд и энергии. Я еду в Москву. Это цель моих юношеских мечтаний. Она близка, я—счастлив.

Правда, еще четыре дня пути, пересадка, но это для меня—уже скоро, уже—сейчас...

Мой друг, Евгений Рихтер, написал мне, что мое поступление в авиационную школу обеспечено. Он сам сейчас в командировке, но мы встретимся на моей пересадке. Число и даже час обусловлены им в письме. Расписание поездов согласовано. Никто еще не позволил бы себе усумниться в точности Рихтера. Я спокоен—мы встретимся.

Со своей станции я один в купе мягкого вагона—это обещает скуку.

Но и тут мне везет.

На второй или третьей остановке, почти на ходу поезда, ко мне в купе входит спутник. Он невысокого роста, наружность его такжеординарна, как и моя, и он также молод.

Он коротко, но пытливо оглядывает меня и отворачивается к свободному дивану устраиваться на ночь.

— Быть может отдернуть штору фонаря?—спрашиваю я спутника.

— Благодарю вас,—говорит он, не оборачиваясь,— я отлично вижу и в полумраке. У меня прекрасное зрение!

Должно быть он говорит правду: при первой беглой встрече наших взглядов меня уже поразило что-то в выражении его глаз. Какая то неуловимая особенность. Я не смог в густом, сиреневом сумраке купе определить—что именно привлекло мое внимание, но что то острое, холодное, тревожное...

Я засыпаю с этим тревожным ощущением. И сны мои тяжелы и неприятны.

... Я выдержал все испытания для поступления в авиационную школу. Остается медицинский осмотр. И он

сходит благополучно вначале. Но вот один из врачей смотрит в мои глаза и говорит:

— Он не может быть пилотом... У него нет пространственного взгляда! У него—серые, земные глаза...

— Да,—он не может видеть в темноте,—подтверждает кто-то,—он не может быть пилотом!..

Я плачу во сне, скрежещу зубами от отчаяния и, просыпаясь, вижу параболлический потолок вагона, сиреневую штору на электрическом фонаре, успокаиваюсь и снова засыпаю.

... Пройдена теоретическая подготовка и вот мой первый полет без инструктора. Аппарат плавно взмывает кверху. Все идет благополучно. И вдруг мотор начинает давать перебои. На смену ровного, мощного гуденья врывается новый тяжелый ритм: тук-та-та; тук-та-та!.. Надо снижаться. Но я волнуюсь. Я забыл назначение рычагов. Впопыхах я хватаюсь за один, другой и, наконец, неожиданно для себя, нажимаю руль глубины. Аппарат неуклюже накрывается и ныряет, а я лечу вниз...

Просыпаюсь я на полу вагона с окостеневшим от ужаса лицом и перебоями в сердце.

Поезд бешено мчится по уклону, мимо окна мелькают каскады искр, впереди гулко вздыхает паровоз, вагон швыряет из стороны в сторону, а колеса глухо и дробно стучат: тук-та-та, тук-та-та, тук-та-та!..

Конфузливо влезая на диван, я замечаю, что сосед мой не спит и внимательно наблюдает фантастические узоры паровозных искр, мгновенно вышивающих в законной тьме эфемерные и причудливые узоры.

Просыпаюсь я поздно, с головной болью. Я стыжусь соседа и поэтому зол на него. Так или иначе я не заговорю с ним сам. А он также угрюм

и молчалив. Что меня поразило в нем? Глаза?..

Но они при дневном свете кажутся усталыми и тусклыми. Впрочем, я не могу рассмотреть этого хорошо—он прячет их в газету. На первой же станции я, в свою очередь, вооружаюсь ворохом журналов и мелких книженок и мы проводим день в нелюдимом молчании.

Мы читаем, не обращая друг на друга никакого внимания, хотя порой, украдкой, я все таки наблюдаю его. Мне кажется, что он делает то же самое. Чувство тревоги, легкой, бессознательной, не оставляет меня все время.

Вторая ночь проходит спокойно, если не считать посещения контроля. Зевая и раздражаясь, я отыскиваю билет, предъявляю его и в то же время отмечаю, что спутник мой не спит.

Он даже не ложился. Он сидит и преспокойно читает один из моих журналов. Он извиняется передо мной за самовольный захват журнала.

— Нет! Я ничего не имею против. Пожалуйста...

Теперь он мне не кажется неприятным. У него спокойное, открытое лицо и голос ясный и звучный. А утром мы обмениваемся приветствиями и вместе идем к умывальнику. После совместного обеда в вагоне-ресторане, он знает обо мне все:—и мои мечты о пилотаже, и близость их осуществления. Он даже читает письмо Евгения, которое я тут же вынимаю из бумажника с документами.

В свою очередь я узнаю, что он инженер-химик, изобретатель, и значительно старше меня, хотя его молодой вид, на первый взгляд, противоречит этому. Он едет также в Москву со своим новым изобретением.

Его молодость наводит нас в разговоре на тему о последних достижениях омолаживания.

Мы сидим в своем купе. Поезд быстро мчится мимо каких то будок, полей и однообразных деревень.

Сгущаются сумерки. В вагоне вспыхивает электричество. Поля и деревеньки сразу исчезают во мгле, а по насыпи, рядом с вагонами, бегут яркие, искаженные прямоугольники на-

ших окон и в их свете призрачно мелькают длинными белыми привидениями телеграфные столбы.

— Омоложение...—лениво говорит он,—конечно, Штейнах и наш Воронов много сделали в этом направлении, но они подходят к задаче не с того конца и потому вряд ли скоро добьются ее полного разрешения...

— То-есть?—говорю я, задетый за живое,—почему—„не с того конца“?.. Насколько мне известно, последние опыты Воронова... И в Москве...

— Ах, милый юноша,—(он снисходительно величает меня юношей и это, при его молодом виде, звучит странно)—милый юноша! В том то и дело, что „последние опыты“ мало отличаются от „первых опытов“. Что делают Вороновы?.. Они берут престарелую особь и путем прививок, пересадок и иных манипуляций, чаще всего хирургических, продлевают ее старость...

— Почему же—старость?—перебиваю я,—наоборот,—старость в их опытах утрачивает свои основные черты: у особи появляется бодрость, исчезает седина, возрождается производительность...

— Положим,—соглашается инженер,—это так! Но что же из этого? Ведь этим не возвращается молодость—лучшее время жизни. Этим, как я уже говорил, продлевается старость,—тот период, который предшествует одряхлению, старческому маразму... Продлевается склон лет, отцветание жизни, но не расцвет! А вот вы лично—какой бы период желали продлить в своей жизни: двадцатипяти или пятидесятилетний? То-то!..

И он мягко смеется.

Странно, когда он смеется, глаза его остаются холодными, глубокими и неподвижными. И в сумерках мне снова чудится в них какая-то непонятная жуть, тревога...

— Да и насколько дается эта отсрочка одряхления? Опыты еще не выяснили этого овершенно, ну,—скажем,—на пять-десять лет... Как это ничтожно мало!

— Ну, уж и мало,—смущенно возражаю я, чувствуя в его доводах

жестокую логику,—это „мало“—для начала очень много. Мы не имели и этого!

— Только—пять—десять лет,—продолжает он,—да из них треть выкинуть на сон, этого рокового врага человека, этого вора его жизни. И что же остается?.. Нет, биологи не разрешат задачи продления жизни человека! Эту задачу призвана выполнить химия!

— Химия,—говорю я растерянно,—химия?.. Гм!.. Какое же она может иметь отношение?.. Вы, мне кажется, преувеличиваете могущество предмета вашей специальности!

Мне хочется думать, что он шутит.

Но он внезапно оживляется и говорит с энтузиазмом:

— Да, химия! И только она! Границы ее могущества — бесконечны, возможности — неисчерпаемы! Наряду с прочими чудесами, она может продлить и жизнь человека и не на каких-нибудь жалких пять—десять лет, а на двадцать и даже тридцать!.. Да она уже и разрешила эту задачу,—добавляет он совершенно неожиданно и, встретив мой изумленный взгляд, разражается смехом.

Я тоже смеюсь.

— Я понимаю вас, — говорю я, — вы имеете в виду медицину, собственно лекарственный отдел ее — фармакопею?..

— Нет, говорит он, снова становясь серьезным, — нет! Я имел в виду вот это...

Он вытаскивает из внутреннего кармана аптекарскую склянку, встряхивает ее, и на свете фонаря в ней вскипает пузырьками зеленоватая прозрачная жидкость.

Я перевожу глаза со склянки на моего спутника и обратно. Вероятно, на моем лице написано изумление, потому что он смеется и говорит:

— Это мое последнее изобретение. Это — биотрансформатор! Знаете, как в электромеханике. Препарат, трансформирующий сновидные волны и позволяющий продлить жизнь человека минимум на двадцать лет!..

Я молчу, я жду объяснений. Что можно сказать?..

— Оставим это пока, — говорит он,

читая вопрос в моих глазах, и прячет склянку в карман. — Подойдем к вопросу систематически. Посмотрим, прежде всего, — какое место в жизни человека занимает сон? Взрослый нормальный человек спит восемь часов в сутки. Эту цифру и можно взять средней. Следовательно, на сон вы тратите треть всей своей жизни. Если взять продолжительность жизни в 60 лет, то на сон из них уходит двадцать лет! Но можно ли назвать сон жизнью? Нет, — это не то сознательное отношение к окружающему, которое, собственно, и важно для нас, которое наполняет нашу жизнь и дает ей содержание.. Сон на двадцать лет выводит нас из строя сознательно живущих существ!..

Тема становится интересной. Я слушаю его со вниманием. Но куда он клонит? К чему это рассуждение?.. Ага, я, кажется, начинаю понимать!

— Представьте себе, — продолжает мой спутник, — что имеется возможность устранить влияние сна в жизни человека. Это при шестидесятилетней жизни даст вам плюсом двадцать лет бодрственного, сознательного отношения к окружающему. Это не омолодит вас под старость, а равномерно удлинит вашу жизнь во всех периодах. Подумайте! — за 20 лет сколько вы могли бы пережить, передумать, испытать наслаждений, получить мудрого опыта!.. Итак, вы понимаете мою мысль: — устранение влияния сна в жизни человека разрешило бы задачу продления жизни более плодотворно и удачно, чем при помощи метода, избранного биологами...

— Но, — возражаю я, и мне кажется очень удачно, — во-первых, вопрос о сне — есть вопрос также биологический, а во-вторых сон устранить невозможно! Но если бы даже это и удалось, то удлинения жизни мы все-таки не получим. Скорее наоборот: организм, лишенный биологически необходимого ему сна, износился бы во много раз быстрее, чем при нормальных условиях!

Я доволен отповедью. Если химик хотел подшутить надо мной, то теперь он видит, что мистифицировать меня не так то легко.

Но он невозмутимо отвечает:

— Зачем же лишать сна? Это и не нужно и, как вы совершенно справедливо заметили, только бы повредило задаче... Я только хотел обратить ваше внимание на то, что сон распределен в жизни человека так, что благодаря ему вы лишаетесь трети своей жизни... Тут дело не в устраниении, а в перераспределении промежутков сна и бодрствования. Сон в жизни нужно перераспределить так, чтобы он не мешал человеку бодрствовать всю жизнь...

— Но это немыслимо!—воскливаю я.

Он опять смеется. Я знаю:—это над моим растерянным лицом.

— Совершенно мыслимо,—говорит он,—просто вы не думали, как следует, над этим вопросом! Вещства, влияющие именно на сон, давно уже известны медицине. Хлороформ, например, всегда усыпляющее, тогда как кокаин—наоборот—лишает сна... Да мало-ли!.. Но не в этом дело. Рассмотрим вопрос внимательно. В сутки вы спите восемь часов подряд. Этот срок нужен вашему организму. Но представьте себе, что вы могли бы спать в течение суток так: час—сна, два часа—бодрствования, и снова—час сна, два часа бодрствования, и так далее... При таком порядке вещей, в общей сложности, вы спали бы в сутки те же восемь часов,—ваш организм получил бы то, что ему нужно! А теперь дальше—представьте себе возможность спать по секундам: секунду спите, две—нет, секунду спите, две—нет, и так далее... И при таком порядке ваш организм в сутки получил бы все те же 8 часов сна полностью! А для постороннего наблюдателя вы представляли бы любопытное зрелище: все 24 часа он видел бы вас бодрствующим, так как секунды сна ступеньками бы передвигались вдвое большими промежутками бодрствования! Но секунда все-таки изрядный промежуток времени и вряд ли вас можно было бы назвать и бодрствующим. Были бы заметны перебой в вашем сознании. Этакое мелькание, как на экране киноматографа, когда лента пущена недостаточно быстро. Вы знаете,—для того, чтобы глаз не

заметил этого мелькания, необходимо, чтобы смена картин происходила быстрее десяти в секунду...

Противник блестяще разбил меня на всех позициях. Я ошеломлен этой теорией, этой строго логической последовательностью его мысли. Я начинаю приходить в возбуждение от открывающихся перед моим воображением горизонтов. Какая чудовищная, смелая и заманчивая идея! Как жаль, что она неосуществима!

— И я уныло говорю только:

— Ну, со сном дальше секунды куда же идти!..

Но человек с серыми, пустыми глазами продолжает:

— Секунда также имеет деления—она содержит в себе 60 терций. И при сне в одну терцию через две, вы будете жизнерадостным и подвижным и всю жизнь сознательным и бодрствующим для самого скептического и наблюдательного глаза. Нужно было только найти управление этими терциями—регулятор!.. И после долгих опытов он найден мной и заключен в эту склянку!..

Перед моими глазами снова зеленая жидкость. Я смотрю на нее с восторгом.

— Биотрансформатор,—шепчу я.

— Да, Биотрансформатор—претворитель и распорядитель снотворных волн! Действие его абсолютно безболезненно и безукоризненно. Лучшая ему рекомендация та, что он непрерывно испытывается мною на самом себе в течение ряда последних лет. Да, вот мы с вами провели сегодня неразлучно двенадцать часов. За это время, для суток, я уже наполовину выспался. В общей сложности 4 часа полного и глубокого сна и, однако, вы меня видели все время бодрствующим!.. Один глоток действует в течение недели...

— Значит... Значит и в эти ночи?..

— Ну, конечно, и эти две ночи я не спал, как и всегда!

Я вскакиваю и бегаю по купе в величайшем возбуждении. Голова моя пылает, множество различных чувств обуревают меня. Не в силах выразить их словами, я беспорядочно выкрикиваю:

— Вы—гений!.. Вам не было и нет равного в человечестве!.. Ваше открытие переворачивает жизнь и приближает нас к Сверхчеловеку!.. Омоложение—ерунда по сравнению с вашим открытием!

Трясущимися руками я поворачиваю перед глазами пузырек с необыкновенной жидкостью, и ее зеленый цвет опьяняет меня и наполняет неслыханным восторгом.

Мой спутник разражается смехом. Вероятно, я смешон со своим патетическими восклицаниями. Я смущенно умолкаю и сажусь на диван. Собеседник наблюдает меня.

— Вы—энтузиаст,—говорит он,— мне кажется, вы преувеличиваете значение моего элексира... Ну, чтобы вы с ним сделали, будь он в ваших руках?..

Я снова загораюсь. Без запинки я начинаю перечислять:

— В первую очередь я снабдил бы им всех выдающихся людей, чья жизнь дорога,— общественных, политических деятелей, писателей, художников, мыслителей, ученых... Да, мало-ли!.. Есть многие специальности труда,—представители которых не смогли бы обходиться без биотрансформатора, таковы, например...

И снова длинный ряд наименований потек с моего языка.

— Ну, а себя вы забыли?...—перебивает меня спутник,—или вам лично это не интересно?..

Себя?.. в моем мозгу мелькает мысль о ближайшей неделе: Москва, экзамены... Полных 24 часа бодрствования в сутки были бы как нельзя более кстати...

— Просто я не смел думать... А вы позволите?—почти с мольбой смотрю я на него.

Пустые глаза приближаются ко мне. Рука протягивает зеленую бутылочку.

На одну долю секунды, на неуловимо короткое мгновение, мне становится холодно и страшно. Но я подавляю это ощущение. Я беру бутылочку и делаю глоток...

Едкая жидкость на минуту захватывает дыхание...

— Вот будет сюрприз Евгению,—мелькает у меня в голове.

Как сквозь туман, я слышу голос спутника:

— Ну, что? Ощущаете его действие?..

— Да, ощущаю... Мне кажется, что я... воспринимаю окружающее... медленнее... я вас смутно... различаю... в чем...

Сумрак сгущается и душит меня.

Сиреневое купе вспыхивает багровым светом... Я теряю сознание...

Я прихожу в себя только утром. Диван моего спутника пуст.

— Кому пересадка на Москву, приготовьтесь!—подъезжаем к станции,—слышится в коридоре голос проводника.

— Проклятый химик одурачил меня,

—думаю я, корчась от стыда за свое легковерие.

Голова у меня мутная, в глазах—туман, во рту отвратительный привкус металла. Дрожащими руками собираю вещи и направляюсь к выходу.

Поезд уже стоит у дебаркадера. У дверей пассажиров выпускают медленно. Там стоит агент и допрашивает проводника:

— Кто садился в N?

Он называет станцию, на которой сел мой спутник.

— Из тех мест только два пассажира были... Один вышел ночью, да вот они...—проводник указывает на меня.

— Я сел на две станции раньше,—говорю я.

— А это мы сейчас увидим,—вме-

Регулятор сна найден мною и заключен в эту склянку.

шивается агент, предъявите ваш билетик!..

Я ищу билет и не нахожу его.

— Вероятно, потерял в суматохе...

— Так!.. Тогда документы ваши позвольте, гражданин.

Я охотно лезу в карман. Но что это?.. Бумажника нет. Я бесплодно шарю по карманам и, наконец, заявляю

дрожащим от негодования голосом:

— У меня похитили бумажник с документами...

— Так, — говорит агент, — тогда я вас, гражданин, задержу!..

— На каком основании? — гневно говорю я. Я раздражен и в мои расчеты не входило быть так глупо и некстати арестованным. Я делаю движение, пытаюсь пройти вперед.

Но агент мигает кому то сзади меня и говорит:

— Бери!

Несколько дюжих лап мертвой хваткой берут меня за руки и за воротник пальто и толкают вперед.

— Сумасшедшего поймали — слышу я голоса в толпе.

Мне начинает казаться, что я вижу скверный сон или действительно схожу съума.

В дежурной комнате накурено, душно.

— Привели? — спрашивает кто-то в фуражке с малиновым околышем.

Он смотрит на меня. Смотрит в лежащий перед ним телеграфный бланк. На лице его удовлетворение.

— В чем меня обвиняют? — с раздражением спрашиваю я его.

— Успокойтесь, — ласково говорит он, — здесь вас не будут обижать. Сейчас мы с вами поедem в гости... Успокойтесь!..

— К чорту — гости! — кричу я, — идите к дьяволу с гостями!.. Мне нужно в Москву. Я еду в авиошколу!..

Агент потребовал мой билет...

— Вот мы вместе и поедem на летчиков учиться, — говорит он с противным смехом, — вот я сейчас позвоню!

Он крутит ручку аппарата.

— Губздрав?..

Да, да!.. Пришлите машину за больным по телеграмме ноль семь семьдесят...

Да, да!.. Уже — у нас это бы-

стро... Мы сей-

час поедem к вам в гости... то бишь в авиошколу!..

На лице его снова противная улыбка...

Я вдруг отчетливо сознаю весь ужас и безнадежность моего положения. Ясно — по непонятным для меня причинам — меня считают умалишенным. Значит, на платформе я слышал правду... Стараясь быть возможно более спокойным, я говорю:

— Это ошибка. Я не сумасшедший: я еду в Москву в авиационную школу на экзамены...

— Дорогой мой, да кто же говорит — сумасшедший?.. Вы просто заболели дорогой и наша обязанность помочь вам... Вот вам и доктор то же самое скажет...

Тут я замечаю еще личность в пенсне. Вероятно, это доктор.

— Доктор, — бросаюсь я к нему, — объясните им пожалуйста...

— Спокойствие, — говорит доктор, — не волнуйтесь! Соберитесь с мыслями. Мы сейчас все уладим... Какое сегодня число?..

Вопрос внезапно, неожиданно задан.. У меня гудит в голове от снотворного зелья. Я расстроен, несчастен... Я не могу вспомнить числа и вожу глазами по стенам, в надежде увидеть календарь.

— Хорошо, — говорит доктор, — не надо... Посмотрите мне в глаза...

Пенсне приближается к моему носу. В отражении чистых, блестящих сте-

кол я вижу свои глаза и не узнаю их... Они тусклы, мутны, зрачки расплылись, безформенны — это два провала... И я вижу значительное выражение на лице доктора. Я чувствую, что погибаю и пытаюсь объясниться путанно, бессвязно...

— Это действие биотрансформатора, — говорю я.

— Биотрансформатора?!..

— Да, — выпрямителя жизни... Дело, видите-ли, вот в чем...

— Хорошо, хорошо, довольно... больше не нужно, вы все это объясните потом!.. Да, сомнений нет, — говорит доктор, обращаясь к малиновой фуражке, — это он... Можно взять!

Напрасно я кричу, бьюсь и вырываюсь.

Дюжие детины в шинелях сжимают меня как в тисках и выводят на платформу. От ужаса, тоски и отчаяния мое сознание в самом деле начинает мутиться. Беспорядочными и расплывчатыми силуэтами мелькают мимо пассажиры со вновь прибывшего поезда.

На длинном синем вагоне я читаю надпись: Беспересадочное сообщение Ростов-Москва. С этим поездом была обусловлена моя встреча с Евгением. А теперь?

Спасительная мысль прорезывает мое сознание: Евгений здесь, в этой толпе пассажиров... Я вырываюсь из цепких рук и кричу с силой отчая-

ния: — Евгений! Евгений Рихтер!.. Ко мне, спаси меня!..

Провожатые схватывают меня, мнут, зажимают рот. Но гаснущим сознанием я улавливаю спокойный, металлический голос моего друга:

— В чем дело?.. Куда вы его ведете?..

Черный провал крутит меня в водовороте тьмы и безразличия...

Через полчаса в той же дежурной комнате все выясняется. Мой рассказ выслушан с большим вниманием и покрыт гомерическим смехом. Такого смеха я еще не слышал в своей жизни!.. Смеется даже Евгений.

Но агент все таки смущен. Он говорит извиняющимся тоном:

— Кто-ж его знал?.. У вас был

такой странный вид... Да и телеграмма к тому же... прочтите-ка ее сами...

Желтый листок прыгает у меня перед глазами. С трудом я разбираю следующее:

Срочно. По линии. Из N, взломав аптеку заведения, бежал умалишенный, захватив часть медикаментов. 25 лет, блондин, среднего роста. Мания — отрицание сна, может не спать ряд ночей... необходимо задержание...

— Но зачем же ему понадобилось меня мистифицировать и усыплять?

— А ваши документы-то, — говорит агент, — но теперь он с ними далеко не ускачет!..

Такого смеха я еще не слышал в своей жизни...

АМЕРИКАНСКИЕ „ЧАСЫ ДОСУГА“

В погоне за долларами.

Когда мы слышим об Америке и американцах, нашему воображению представляются гигантские небоскребы и мосты, невиданная доселе машинная техника, и деловито-озабоченные и вечно спешащие куда-то люди, мозг которых наполнен мыслями о делах и долларах...

Но не все же время человек может думать только о деле. Ведь есть же и у американца, среднего делового американца, часы, когда он в туфлях удобно усаживается в кресло и дает своим мыслям иное направление.

Кроме биржевых бюллетеней и отчетов акционерных компаний он, наверно, читает что-нибудь более легкое? — Конечно! Для этого существуют десятки журналов, удовлетворяющие умственные запросы деловых и средних американцев т. е. того именно класса, который в настоящее время определяет строй жизни в Америке.

Взглянем в эти журналы, оставив в стороне литературные „магазины“, как там называются ежемесячные сборники беллетристических произведений. Огромной популярностью пользуется журнал, где имеется всего понемногу; — и литературные вещицы, — главным образом детективные, — кое что из последних, — конечно, наиболее сенсационных, достижений и, — главное — новинки техники. По этому последнему отделу можно составить себе некоторое представление о том, какую роль техника играет в жизни и быту С. Американских Соединенных Штатов. Конечно, на первом плане описания грандиозных сооружений — мостов, зданий, туннелей, затем — радио. Радио же посвящены и десятки популярных газет и журналов. — Да это и не мудрено: в Америке сейчас насчитываются сотни посылающих станций и около трех миллионов любительских установок...

Затем в журналах много места уделено „технике домашнего быта“.

Как сделать жизнь удобнее и приятнее при помощи возможно простых приспособлений — вот задача этого отдела. И чего здесь нет: безопасный закуриватель, машинка для чистки обуви, простой способ деревянных построек, нож для чистки овощей, усовершенствованная кухонная посуда, бесчисленные мелкие изобретения по автомобильному делу (не надо забывать, что в Америке свыше 17 миллионов авто!) — все трудно и перечислить.

Наконец — отдел спорта. Техническая изощренность вносит каждый год что-нибудь новое в прежние виды спорта. Тут гребля, коньки, мотоциклетки сухопутные и водяные, авиация, автомобилизм, игры в мяч, футбол, бега и десятки других игр, где может себя проявить сила и ловкость... Спорт принимает, однако, очень часто извращенные корыстолюбием формы.

Большинство журналов развлекает читателя — конкурсами на тысячи долларов. Укажите неправильности в ряде рисунков, специально komponуемых так, и получите щедрую премию. И в часы отдыха не забывайте о долларах! Таков девиз журналов, таковы требования читателей.

Сейчас вся Америка увлекается обыкновенными зажигательными спичками. Всюду пестрят объявления: **!!! 5000 долларов премии за лучшее спичечное изделие!!!**

Десятки ценных призов и наград!!! И пол-Америки начинает склеивать из спичек, казалось бы, совершенно невозможные вещи, тратя к вящему удовольствию спичечных компаний (не они ли и выдумали эту затею?) тысячи ящиков спичек. Мы приводим здесь фотографии из нескольких американских журналов.

Можно бы продлить до нескольких сот эти весьма сложные сооружения, потребовавшие от своих творцов бездну времени, усидчивого труда и терпения.

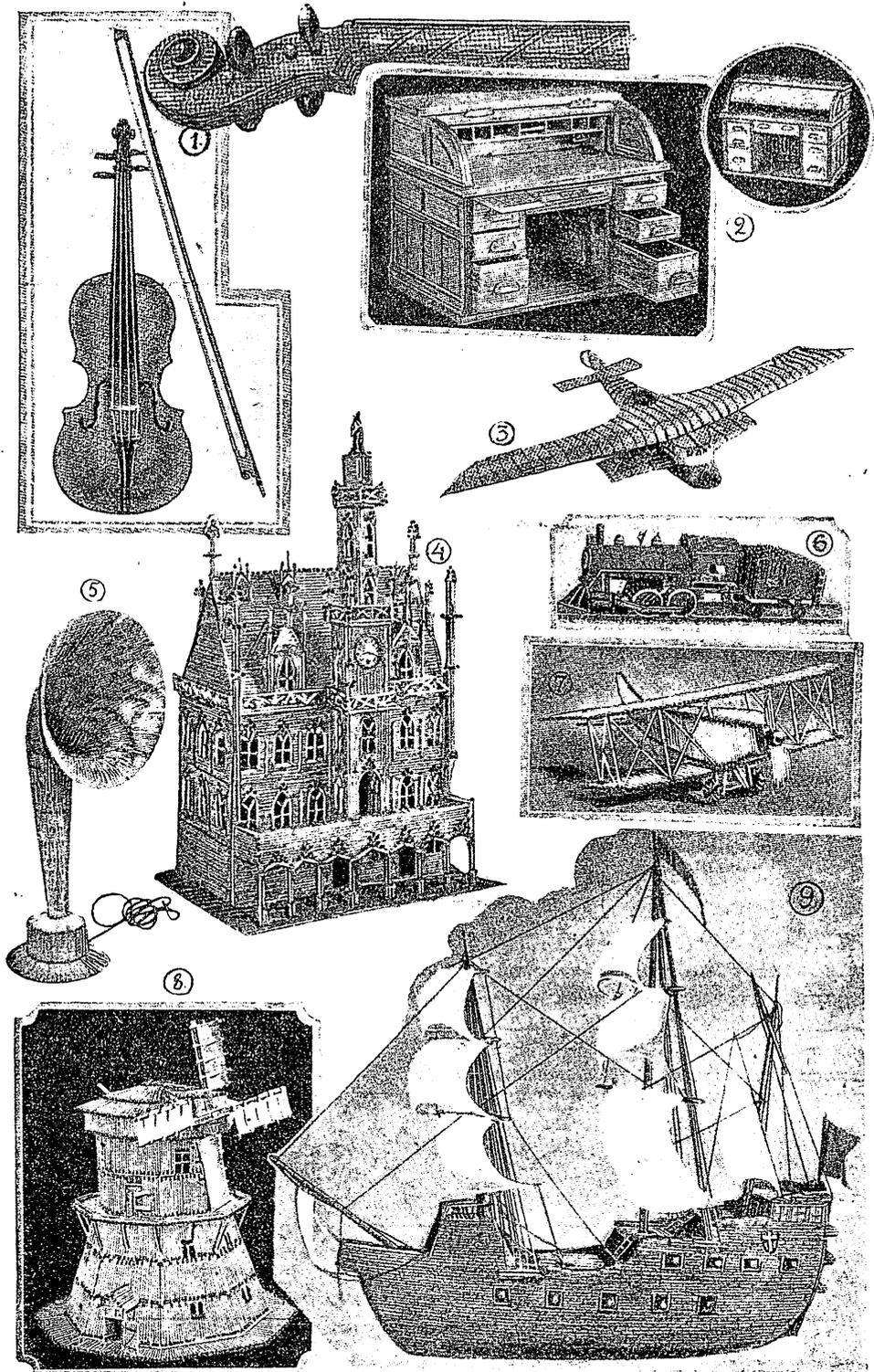

Рис. 1) Получившая первую премию скрипка, где все до мельчайших деталей из клеевых спичек. У скрипки не плохой тон; 2) Модель американского бюро с сотней ящичков; 3) Аэроплан; 4) Замок с башнями; 5) Громкоговоритель для радио; 6) Паровоз; 7) Еще аэроплан; 8) Ветряная мельница; 9) Парусный корабль.

Тайна Цейского ледника

Рассказ В. М. ГАМАЛЕЯ.

Илико и Лыча спускались по крутой, каменистой тропе в долину Цейдона.

Первые блики зари играли на отвесах, точно отлакированных утренней росой. Снизу несся бешеный рев Цейдона и наполнял своим грохотом ущелье. Беснуясь в каменистом ложе, перебрасываясь через лежащие на пути обломки скал и дробя свои воды в бесчисленные брызги, блестящие розоватыми алмазами, река уносилась клубящейся пеной в темную даль ущелья.

За плечами у парней болталось по винтовке, а поясные сумки были наполнены патронами. Они собрались на охоту за туром, который водился на неприступных высотах Цейского ледника.

Путь их лежал мимо приюта Уастарджи, что по осетински значит „Святой Георгий“. Это место называлось Реком и здесь, у елового сруба, напоминающего русскую крестьянскую избу, на обширной зеленой площадке из года в год осетины устраивают пиршество и игры. Сюда же молодые охотники приносят свои первые трофеи в виде рогов убитых на неприступных высотах туров и диких козлов. Этих приношений вокруг Рекома накопилось неисчислимое количество.

Вступив на площадку Рекома, Илико и Лыча сняли войлочные осетинки и прошли с обнаженными головами, вознося молитву, чтобы Уастарджи послал им удачную охоту. От площадки, по узкому карнизу, вздымавшемуся над пенными водами Цейдона, углублялись они в густой лес, преодолевали ручьи и

потoki, с грохотом ниспадавшие в темную бездну, и подымались все выше и выше.

Солнце выкатило свой огненный шар и залило розоватым блеском вершины гор. Воздух был влажен, прозрачен, но чувствовалось холодное дыхание ледников. Лес закончился и его сменили резко выделяющиеся пятна ярко-изумрудной травы альпийских лугов.

Еще четверть часа ходьбы и сразу из-за поворота бросается в глаза широкое ущелье, по дну которого террасами, уступами и беспорядочно всдыбленными глыбами уходит вниз ледяной Цей. Тропа закончилась.

— Разойдемся,—говорит Илико.

Он взбирается вверх, на неприступные высоты ледника. Лыча, по каменному бордюру, цепляясь руками и чувяками за малейшие выступы, крадется параллельно движению своего товарища.

Так нужно!—Обойденный на неприступных высотах тур бросается в стремнину и тут больше шансов убить животное на лету или в тот момент, когда он, упав на стальные рога, не успел еще встать на ноги.

Трудно Лыче.—Нужно родиться в горах, чтобы прокладывать себе путь там, где только горный козел да тур находят дорогу. По каменному бордюру ледника, с уступа на уступ, с карниза на карниз прыгает он, как кошка, то трет спиной серый гранит, то становится на четвереньки, то балансирует, держа в руке винтовку. Самый опасный путь пройден. Правый склон более покат и ниже себя Лыча видит разноцветные стада аулов Верхнего и Нижнего Цей, раз-

бросанные по ярко-зеленому лугу склона.

— Где же Илико? — думает он, садится на камень, вынимает кожаный кисет и с наслаждением закуривает самодельную трубку.

Солнце вздымается к зениту, воздух прохладен, но лучи солнца еще более жгучи, чем в долинах.

Вдруг громкий свист рассек разреженный воздух. Прихурясь, Лыча глянул на верх и на темном массиве, свисавшем над пропастью, увидел Илико, делающего призывные жесты.

— Убьем! — с молодой самоуверенностью воскликнул Лыча. — Старый Басиев за прошлое лето взял три тура.

— Так то Басиев, он на всю Осетию известен...

Вытряхнув трубки, они спустились с каменистого сидения. Перед ними необозримой, зеленовато-белой россыпью лежал ледник, изрезанный трещинами, расселинами и провалами. Всюду слышался тонкий звон и лепет бесчисленных струек воды, в которые превращается лед под

На легком бегу появился круторогий красавец тур...

— Туры ушли в тот край! — закричал Илико, когда Лыча, запыхавшись, одолевал последнюю разделяющую их преграду.

Лыча взобрался на скалу и подсел к Илико на камень. Перед ним развевались искрящиеся вершины снежных гор, синеватыми, неясными очертаниями уплывали вдаль хитросплетенные каменистые кряжи.

— Лыча, — сказал Илико, — старик Басиев сказал мне, что когда я убью пять туров, он отдаст за меня свою Урчула.

Лыча присвистнул: — Легко сказать — пять туров! Пока мы с тобой еще ни одного не убили...

знойными лучами летнего солнца. Отсюда берет начало и бурный Цейдон. Легкой поступью они шли в своих мягких чувяках, почти не отрывая глаз из-под ног, где на каждом шагу стерегла их опасность провалиться в бесдонную, скользкую пропасть ледника. Пустяки перепрыгнуть расщелину, но жутко итти по колеблющимся столбам тающего льда, вот-вот готового обрушиться и увлечь за собою.

— Туры! — шепнул Лыча, мотая головой в нежно-зеленоватое пространство льда.

Сделав козырек из ладони левой руки, Илико долго всматривался

Дудила зурна, трывкали сазандари... Урчулэ пыла в танце.

пока определил сторожих животных. Они пошептались и начали обходить туров с противоположных сторон. Сначала шли, приседая и стараясь слиться с ледяными глыбами, потом легли и бесшумной змеей, отталкиваясь руками и ногами, скользили к зверю. Уже Илико были видны горделивые облики обитателей неприступных вершин, когда самец тур насторожился в противоположную сторону, откуда полз Лыча. Припав к льдине, Илико замер. Сердце билось тяжело и тревожно, а рука проверяла боевой взвод винтовки.

Через несколько мгновений, едва он успел вскинуть ружье к плечу, как в шагах шестидесяти от него на легком бегу появился круторогий красавец. Раздался выстрел. Самка ринулась в сторону, а самец пал на передние колена, попытался вскочить и с жалобным блеянием конвульсивно задергался, обагрив лед кровью.

Сколько усилий понадобилось, чтобы стащить добычу с недоступных горных высот в долину. Скромный Илико сделался героем дня и центром внимания всего аула.

Дудила зурна, трывкали сазандари, круговую ходила азарпеша с терпким вином, и почетным гостем си-

дел под развесистой чинарой старый Басиев. Потом танцовали наурскую, и Илико в бешеной пляске пожирал глазами пльвшую вокруг него Урчулэ.

— Славная будет пара,—говорили старики.

— Пусть хоть пять туров убьет,—говорил хмельной старик Басиев и добавил:—я на своем веку семьдесят три тура ухлопал, а в такие лета уже десяток за собой имел. Иначе, как за охотника, не отдам...

Не везло Илико. В это лето удалось убить еще только одного, хотя и принес он рога первой добычи в Реком к приюту Уастарджи и почтительно просил покровителя охотников дать ему удачу.

Пришла тоскливая для Илико зима. Поблекли горные склоны, оголились леса и кустарники, выли снежные ураганы в каменистом ущелье, а Урчулэ ходила грустная, кляня прихоть отца.

Долгожданная весна одела изумрудом поля, склоны гор, расцвела пестрые азалии, выкинула на рододендронах и магнолиях восковые тонко-ароматные цветы.

— Будем к осени свадьбу играть? спросила Урчулэ, выбегая тайком на свидание к Илико.

— Будем, будем,—сказал Илико, мрачно потирая переносицу, и зачистил опять в заоблачные вершины в погоне за турами.

— Осталось убить одного, радостно говорил Илико к концу лета, отправляясь с неизменным спутником Лычей в Цейский ледник.

Им повезло. Взобравшись на вершину, еще курившуюся синими змейками тумана, они уловили смутные силуэты животных. Лыча пополз в обход, а Илико засел за глыбой бледно-зеленого льда. Медленно движутся животные, не чуя опасности. Вот они забирают влево. „Уйдут“,—мелькает в голове Илико. Затаив дыхание, бесшумно ползет он наперерез. Кажется неодолимым пространство, дрожит от нетерпения и азарта, перекидывается через расщелины, балансирует на зыбких ледя-

ных столбах. Туман уже растаял под яркими лучами солнца, ослепляет глаза свет, отраженный ледяным хаосом.

Журчит вода в темных расщелинах, пошла полоса предательских столбов, но Илико не замечает опасности. Вдруг провалились колени, тщетно цепляются и скользят руки... В грохоте, диком реве и брызгах он летит в бесконечно темное и холодное...

— Устарджи, покровитель наш!— вскрикнул Лыча, заслышав грохот обвала.

Долго искристая пыль алмазов носилась в воздухе, вторило горное эхо грозному рокоту и сколько ни всматривался Лыча в зеленовато-белый хаос льдин, Илико не было видно.

Где Илико—это тайна Цейского ледника.

ПЕРЕШЛЕПЕННЫЕ СЛОВА

Решение задачи № 5.

Б	А	Н	А	Н	С	О	Л	О	М	А	Р	О	С	Т	О	В	Ф	Р	А	З	А					
А		О	Е								Р	О				О	Л				Т					
Н		А	Р	Е	Н	А					Б	И	Р	Ж	А		У	Р	М	И	Я	О				
М	И	Н	О	Г	А		О	Л	Ь	В	И	Я		А	Р	Б	У	З	Ы		Т	Р	А	В	М	А
О		А					Ь				Н				К		Б				М					Л
Р	Н	О	В	А			М				Т	А	Й	Н	А		Е				С	У	М	А		Ь
С	О	Н		Л	Р	А	Р	А	Р	А	Т		Р	А			С	К	Е	Л	Е	Т		Б	О	Т
		О		К							О	В	Ц	А			В	О	Л	Ы		Р		Р		
Р	А	К		В	А	М	П	И	Р			Б	Ы			Р	Е	З	И	Н	А		И	Н	Д	
О	И	Т	О	Н			З				М	Ы	Ш	К	А		Л				А	Р	Е	С	У	
М			Й				И				А				З		Е				Г				М	
Б	О	Р	О	Н	А		О	Д	Е	Я	Л	О		Д	О	Л	И	Н	А		С	О	Н	Е	Т	Ы
Р		А	Н	Г	Р	А		О	П	Л	О	Т		А	Н	Т	О	Н			У					У
Е			О	Д				Ы			Г				Н	У					Ш					Ш
Х	О	Л	О	Д		А	Р	О	М	А	Т		И	В	О	Л	Г	А		С	Е	Ч	К	А		А

НЕСЛЫХАННАЯ КРЫСОЛОВКА

Рассказ КЛОДА ФАРРЕРА.

Внезапно послышался шум и из люка выскочил канонир, размахивая за кончик хвоста пойманной крысой.

— Ах ты, сволочь! Не будешь больше жрать моих фуфаек. Где боцман? Имею право на двойную.

Во все времена на кораблях всех морских сил охотники за крысами получают „двойную“, — двойную порцию вина: две четверти литра — вместо одной. Почтенная традиция эта ведет свое начало с первого, всем известного адмирала Ноя.

И боцман подтвердил:

— Ладно! если заслужил, — то и получай. Ступай в баталер-камеру, сын мой, и скажи там, что надо...

Старый командир видел эту сцену.

— В мое время, — пробормотал он презрительно, — для того, чтобы заслужить двойной рацион, одной крысы было мало...

Он расставил ноги, чтоб пропустить налетевший вал, и заговорил с нами с высоты тридцати лет, проведенных на море.

— Господа, в 69-м году я был мичманом на борту „Цереры“, парусного фрегата, обращенного в транспортник для каторжников. Мы ходили в Новую Каледонию, держа курс на Мыс Доброй Надежды туда, и через Магелланов пролив обратно... Вот это так были плавания, уже можете мне поверить!.. А надо вам сказать, что „Церера“ была просто старой кадкой, разломанной до шпангоутов, а крысы так просто кишели на ней. Представьте себе только, что ни одна дверь складочной каюты не запиралась и что все переборки походили на шумовки. В один прекрасный день в ящике с хронометром оказалось вдруг целое гнездо крыс.

Тогда второй офицер немедленно пришел в ярость:

— Завтра, — приказал он, целый день, с утренней уборки до вечерней — охота! И двойной рацион каждому, кто принесет шесть трупов боцману.

— Шесть, эге! — заметьте. — А знаете ли, сколько штук было помечено на таблице в тот вечер? — Шестьсот семьдесят две! — Совершенно верно. Шестьсот семьдесят две крысы, убитые с восхода солнца до заката! Сто двенадцать полудюжин! Это стоило 28 литров вина правительству.

Второй офицер встревожился:

— Двадцать восемь литров! — повторял он, — двадцать восемь литров!.. Да эти негодяи опустошат нам всю камбузу!.. И вероятно там осталось вдвое больше крыс, чем было убито... Но дайте срок! Я наведу порядок. Завтра опять охота, как и сегодня, но для того, чтобы иметь право на двойную, надо будет принести двенадцать крыс вместо шести...

Он думал перехитрить их. Да не тут то было! На следующий день вечером перед ним выложили на юте более тысячи крыс. На этот раз он ругался не хуже покойного Жана Барта.

— Ах они, анафемы, да будь они трижды прокляты! да это же невозможно! Да они нарочно разводят своих крыс, у них, должно быть, их целые склады, парки, заводы! Нет, так это не пройдет... Во-первых все это пьянство надоело мне: я не желаю иметь экипаж, пьяный со дня нового года до дня св. Сильвестра¹⁾. Поэтому, отныне надо будет выложить мне не шесть, не двенадцать, — не восемнадцать и даже не двадцать четыре, — а тридцать шесть крыс. — Вот тогда мы и посмотрим!..

¹⁾ Празднуется 1 Января.

— Тридцать шесть крыс! господа... не найдете в ящике с мукой!.. ни даже в нескольких усовершенствованных крысоловках! Впрочем, вы знаете, как охотятся наши матросы: ударами веревки или сапога,... приемом крайне примитивным.

Тридцать шесть крыс... Двойную порцию за следующим ужином выпили только пять человек. А на следующий вечер только двое. Крысы становились недоверчивыми: три следующие одна за другой гекатомбы вселили везде террор.—Коротко говоря, на после-завтра явился только один победитель, чтобы получить признание—Шуф,—трюмовщик. Он принес тридцать шесть крыс, аккуратно прикрепленных за хвосты вокруг старого обруча от бочки, выпил не без триумфа и вернулся обратно в трюм, чтобы появиться оттуда через двадцать четыре часа с тем же обручем в руках и таким же образом разукрашенным.

Но с этого времени приключение принимает эпический характер.

— Господа, в течение шести недель Шуф-трюмовщик ежедневно ловил по три дюжины крыс и не пропустил ни одного дня. Сознаюсь,— это факт неправдоподобный, но он верен: я сам был тому свидетелем, вероятно, еще более изумленным, чем вы...

Шуф-трюмовщик был самым обыкновенным парнем: невелик ростом, но и не мал, ни глуп—ни хитер; причем, безусловно честный малый, пунктуальный, дисциплинированный, чистоплотный, но... в нем решительно ничего не было героического, напоминающего Эксмелина или Фенимора Купера. И все-таки этот парень, похожий на многих других, этот рыбак сардин, родом из Плугастеля и Конкарни, совершал семь раз в неделю безостановочно и неизменно подвиг, которым мог бы гордиться „Кожаный Чулок“. Это превосходило самое пылкое воображение.

Однажды утром „Церера“ бросила якорь у острова св. Елены. Как раз в это время я был занят подсчетом, что если один литр вина давали на четыре двойные порции, и если одна двойная порция—стоила 36 крыс,—

Шуф—трюмовщик был самым обыкновенным парнем...

то Шуф, по истечении года, выпил бы почти гектолитр вина и убил-бы тысяча девяносто пятую дюжину крыс; математически выходило так... Но как раз в это время, когда стклянки на борту пробили три двойных удара одиннадцати часов, на мое имя пришел приказ собирать вещи и, без дальнейших проволочек, перебраться до полудня на „Юнону“, находившуюся случайно в гавани.

Все было скоро уложено. Я уже ступил одной ногой в шлюпку моего нового фрегата, как вдруг ударил себя по лбу,—и быстро полез обратно по трапу „Цереры“. Шуф и его крысы слишком заинтересовали меня, я не хотел покинуть Шуфа и его крыс без того, чтобы они не открыли мне своей тайны.

И так, я провалился в глубину трюма. Шуф, сидя на бухте шкота, жевал табак.

— Шуф,—сказал я,—я выгружаюсь. Ведь мы оба были друзьями, не правда-ли? Ну, так, Шуф, скажите мне, прежде чем я уйду с борта „Цереры“,—скажите мне, каким образом вы ловите ваших крыс?

Лицо Шуфа расплылось, как полная луна, и торжествующая улыбка раздвинула его щеки до ушей.

— Это, лейтенант,—произнес он,—это уже моя тайна! Тайна Шуфа!

— И вы мне не скажете ее, Шуф? Мне? Мне, вашему лейтенанту? Подумайте только, ведь я сейчас уношу ноги на эту грязную „Юнону“, между тем как вы будете сладко поживать на борту нашей белоручки „Цереры“.

Он умилился.

— Чорта с два, да будь она проклята! А ведь это верно, что вы говорите, лейтенант... Ну, так слушайте-ка... нет... честное слово, не могу я вам сказать!.. ей-ей—никак, то есть сегодняшней день, не могу... А вот, если попозже когда увидимся с вами опять, я да вы, лукавый его знает где... честное слово Шуфа, лейтенант, я вам тогда скажу.

И, торжественно подняв руку, он выплюнул черную слюну: ведь он жевал табак, Шуф.

Я говорил вам, господа, что все это происходило в 69-м году. Истории этой исполнилось теперь ровно 38 лет. Прошлой зимой, 25 декабря, мы пришли в Брест. Вечером, около пяти часов, когда мы отшвартовались, я поехал на берег и вдруг около Турвильских ворот встретил группу ветеранов, возвращавшихся подобно мне с работы.

И вот, один из этих ветеранов буквально бросается ко мне с раскритыми объятиями:

— Командир, командир... это вы, все-таки, значит вы! Ах ты мать, пресвятая дева... Это я—Шуф.

Я сразу вспомнил его:

— Ты, Шуф... Чорт возьми!.. Шуф с „Цереры“!—(Вы знаете, как они любят, когда с ними говорят о прошлом)—Шуф, с „Цереры“... Шуф, который ловил крыс...

Он расцвел.

— Да, командир, а у вас чертовски хорошая память, однако... Вы даже помните и о крысах тоже... Ну, так послушайте-ка, командир, я вам скажу, как я их ловил-то, этих самых свинских крыс...

Меня охватило снова былое любопытство мичмана, точно старая „Церера“ была еще на свете и стояла на якоре за молом с распущенными как флаги большими парусами.

— Посмотрим, Расскажи-ка Шуф!

— Есть, командир. Можно сказать,

что это была знатная выдумка. Никто ничего подобного еще не придумывал, уж поверьте. На „Церере“, кок ¹⁾ всегда клал в суп соленое сало... немного староватое, немного заплесневелое... но все-таки не скверное, вы помните это тоже?.. За ужином я, Шуф, не ел моего сала, а так что я прятал его в сундучок... Для крыс, вы меня понимаете?..

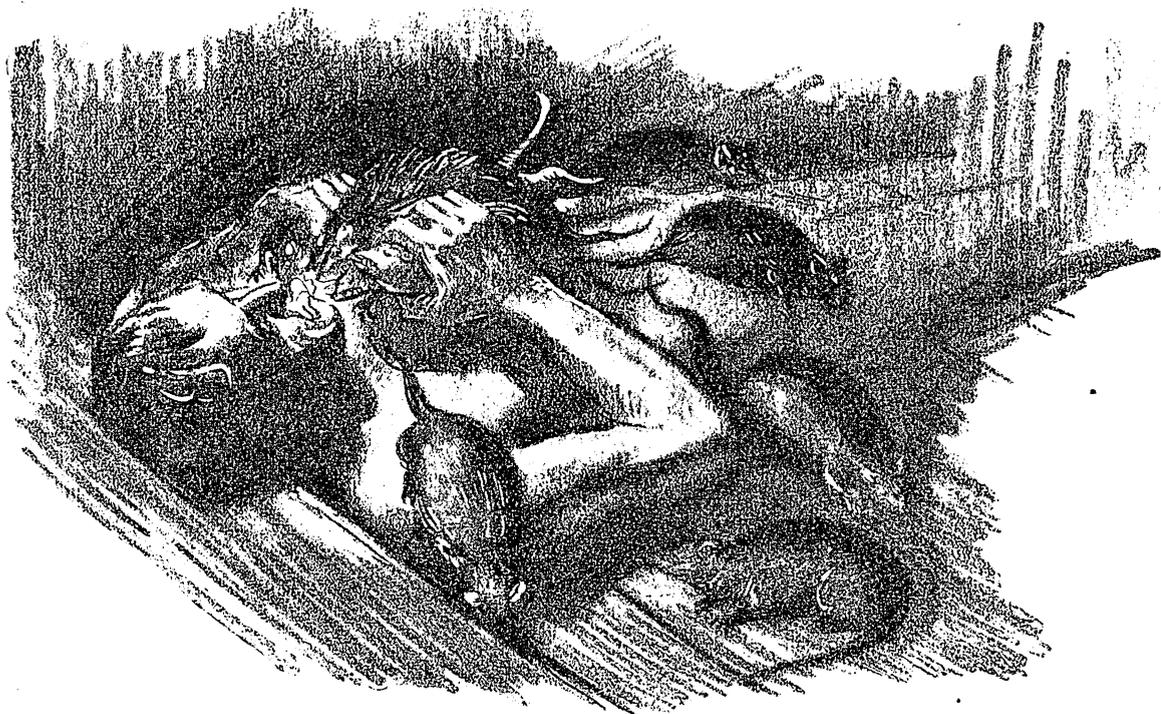
— Значит, ты ставил ловушки?

— Ловушки? Нет, никогда... Дайте сказать. Ночью, после уборки, я первый вешал свой гамак, и, когда все засыпали, удирал, с вашего позволения, совсем голый... в складочную каюту для сухарей... туда вела дверь, которая плохо запиралась.

— Э, да, плотники ее еще постоянно чинили.

— Совершенно верно, командир... А знаете ли, что я делал в этой каюте? Я затыкал себе сало промеж зубов, а потом растягивался плашмя на спину... не двигая ни рукой, ни ногой... Разумеется, крысы не заставляли себя долго ждать. Хорошее старое сало, да которое еще здорово воняло, было им очень по вкусу. Едва успевал я отчитать: а, б, в, г,—их было уже две,—... а, б, в, г,—их было уже четыре. Я чувствовал, как целые полки грязных лап царапали мне руки, ноги, живот и все остальное... Потому что каюта, как и полагается, была совершенно темная, такая темная, что можно было подумать, что находишься на самом дне ада для неумытых чертей. И тотчас же крысы лезли мне на нос, на глаза... И они вцеплялись в сало... Я не двигался, я ждал пока их не набиралось по крайней мере штук шесть, этаких удобно рассеявшихся прожор... И тогда—кряк! Я хватал по три каждой рукой... И случилось, пять или шесть раз, что эти гнусные гады кусали меня, да! отхватывали куски тела. Но это ничего не значило: я хватал по три штуки каждой рукой,—итого шесть. Задушив эти шесть штук, я опять ложился на спину и ожидал следующих. Они обязательно являлись из-за сала...

¹⁾ Повар.

... Крысы лезли мне на глаза, на нос... И они вцеплялись в сало.

Никогда не случилось, чтобы я дал осечку с моими тремя дюжинами!..

Командир Фералед прервал вдруг свой рассказ, взял бинокль и внимательно стал всматриваться в туман.

Волны бушевали, сверкая на горизонте белыми точками, очень похожими на паруса.

Внизу трапа он вдруг повернулся к нам лицом.

— Господа... представляете ли вы себе ясно этого Шуфа, голого, как червяк, и в темной каюте. Как он прикидывается мертвым, не шевелясь и даже не моргнув глазом, и чувствует на всем своем теле ужасное царапанье когтистых лап, жаркое дыханье липких морд и всю эту отвратительную массу голодных ртов, слюнявых и вонючих!..

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Старинная народная задача.

Задача № 29.

Чорт пришел однажды к воротам рая и начал жаловаться на то, что даже самые заблудшие души лезут в рай, и ему, чорту, есть нечего. Тогда привратник Петр сказал ему:

„Ладно, мы тебе уступим несколько душ. Есть тут у нас купцы, торговцы и разносчики: такую торговлю в рай подняли, что—хоть самого себя вон выноси. Только даром не отдадим: у нас замок на райских воро-

тах испортился, и слесарь за починку рубль требует“.

Покопался чорт в карманах, достал рубль и говорит: „А почем за душу брать будете?“.

Петр отвечает: „За купца—по пятаку, за торговца—по 3 копейки, а разносчиков на копейку десяток дадим“.

И получил чорт на свой рубль 100 душ, всех трех сортов. Спрашивается:—сколько душ каждого сорта было?

Рассказ П. ОРЛОВЦА

Иллюстрации М. МИЗЕРНЮКА

— В настоящее время я, Кузьма Никандрович Чумко, вот уже более десятка лет работаю в Ленинграде, на фабрике „Красный Треугольник“, что на Обводном канале.

А вы знаете, что это за фабрика?

Нет? Ну, так я вам скажу:—это одна из самых крупных в мире фабрик, потому что в течение нескольких лет она в состоянии нарядить в галоши чуть не все народонаселение СССР, включая грудных младенцев.

И заметьте, это при условии, что у нас, на всем необозримом пространстве СССР, не произрастает ни одного миллиграмма каучукового дерева, а из наших сосен и елей если и возможно получать смолу, то, во всяком случае, годную лишь для скипидара и канифоли, а никак не для галош.

Положим, резновая армия более чем на половину состоит из жен и будущих жен, владеющих совсем не красноармейским оружием (нельзя же назвать военным оружием хорошенькие глазки, скалку, ухват и пронзительный голос!) но в деле завоевания мира резиной—она неотразима.

Судьбою я доволен. Я—мастер галошного отделения. В моем владении обширная территория галошного отделения, от одного обхода которой к вечеру ноют ноги, а воздух в ней напоминает далекую Бразилию и берега реки Амазонки, откуда нам в СССР доставляли каучук.

Я часто удивляюсь просвещенным европейцам и европейкам, так оставшим в галошном отношении от диких индейцев.

Я не вру. Древние индейцы, знавшие огонь, умели добывать каучук. Они делали на каучуковых деревьях надрезы, снимали кору полосками до древесины и, когда сок стекал через порезы, собирали его в сосуды, делали по ногам колодки из дерева и просто макали их по несколько раз в нагретый до жидкого состояния каучук. Затем вынимали колодки, а примитивные галоши натягивали на совершенно голые ноги.

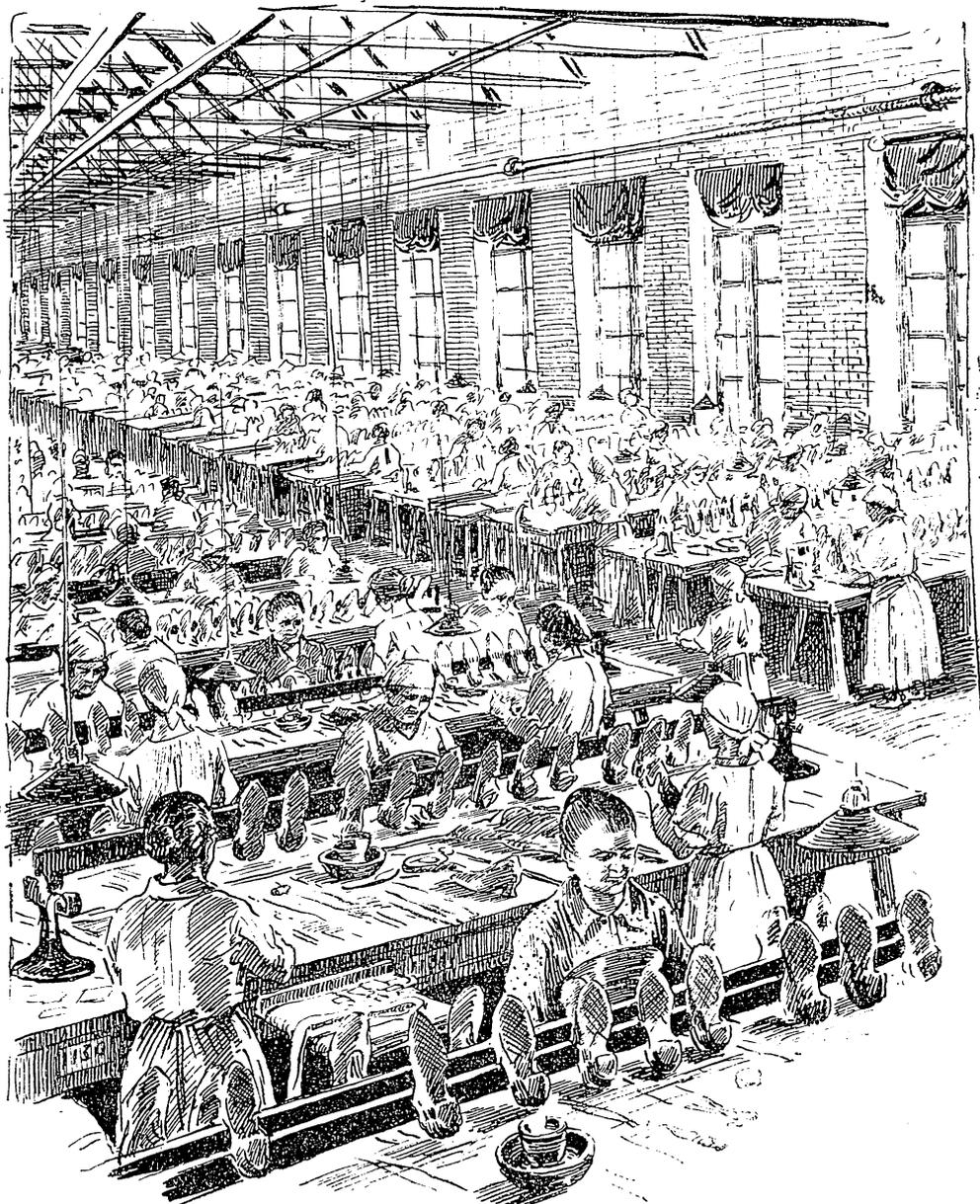
Однако, я отклонился от страшного рассказа и теперь возвращаюсь к нему. Я возвращаюсь к тому времени, когда, до поступления на фабрику „Треугольник“, я работал в Чи-

каго, на галошной фабрике „Резинового производства Браудер и Ко“.

Я работал в качестве младшего мастера в отделении сухой вулканизации, где, знаете, как и у нас, на „Красном Треугольнике“, вулканизируют разные соски, мячи, игрушки и прочее.

Рядом с нашим отделением находилась камера для горячей вулкани-

зации, тоже такая же, как у нас: железная темная печь, без окон, похожая на темную комнату сажени четыре в длину, три в ширину и высотой в обыкновенную комнату. Через дверь в нее вели две пары рельс для вкатывания и выкатывания вагонеток с галошами. Нагревалась она снаружи до 110—120° С. Для вулканизации в нее вкатывали вагонетки

Галошное отделение „Красного Треугольника“.

с галошами и, продержав их там часов пять, заменяли другими.

Какowo работать человеку, стоящему у этой печи! Он должен вкатывать, размещать и выкатывать вагонетки, иначе говоря—работать в температуре кипения воды. На первый взгляд это непонятно, но на деле проще. При каждом входе он пробывает в печи какую-нибудь минуту-две и не успевает пропечься, как пирог с капустой.

Я думаю, сам сатана, любящий пекло, не усидел бы там долго. И вот, в один прекрасный день, за старшего к этой печи приставили Джемса Уайта, рослого, здорового американца, из штата Массачусет.

Джемс был общительный, дружелюбный парень лет тридцати. Но в глазах его отражалась какая-то странная тоска и порою они тревожно бегали, словно отыскивая кого-то. Настроение его часто менялось:—то разговорчив и даже весел, то вдруг делается задумчивым, тревожным. В такие минуты он ни с кем не разговаривал, часто озирался, словно ожидая удара сзади, и впадал в мрачную задумчивость.

Мы все работали механически, но он, повидимому, обдумывал каждое движение. Раньше он работал в отделении, где каучук превращается в резину. Работа тут сложная.

Первобытные индейцы изготовляют галоши.

Загляните когда-нибудь на наш „Красный Треугольник“. Чуть не губернский город вмещается в этих огромных корпусах, тянущихся вдоль Обводного канала и вглубь дворов. Но здесь не слышно ни грохота огромных лебедок, ни свистков паровозов, ни тяжеловесных ударов гигантских паровых молотов. Даже в прокатном, вальцовочном отделении, почти бесшумно работают десятки вальцевых машин.

Настоящий муравейник, где тихо, бесшумно копошатся тысячи муравьев, каждый делаая свое дело, раздавливая и переминая сотни раз каучук и резину. Это удавы, спокойно делающие свое дело. Наши стены не дрожат от грохота сотен машин. На улицах и то больше шума. Наши стальные коллендеры, так сказать, пережевывают резиновую пищу, переваривают ее между горячими валами.

Вы знаете, в каком виде мы получаем каучук? Нет? Ну, так я скажу вам, что слитки каучука напоминают немного буханки черного хлеба. Эти буханки сначала погружают в специальные ямы с водой, где их выдерживают несколько дней, после чего пропускают несколько раз через вальцы коллендера, превращающие их в твердые пластины. Это—так называемая фальцованная резина. На следующем ряде вальцевых машин фальцованная резина размягчается, потом к ней прибавляют химические примеси: серу, глет, окись цинка и сажу, после чего резина становится мягкой и эластичной.

Тут-то и прокатывают из нее разные сорта, в виде широких лент: для подошв, задников, передов и подкладок, одни—толще, другие—тоньше. Прокладки, стельки и другие внутренние слои делают из прорезиненной материи, наводя на матерью слой жидкой резиновой массы посредством пропускания материи через горячие коллендеры с этой массой. А масса эта представляет собою попросту раствор ре-

зины в бензине. Дальше начинается уже самая выработка галош, но о ней потом.

Все шло хорошо, но вот однажды один из подкатчиков шепнул мне:

— Ты ничего не замечаешь в Джемсе?

— Кажется ничего, кроме того, что он пьет очень мало виски,—ответил я.

— Он очень странный человек, заметил Том.—Сегодня он принес с собой за пазухой кошку, и, когда я выкатил из печи последнюю вагонетку, запер кошку в печи.

— И ты ничего не спросил его? Я не допускаю, чтобы он ел тушеных кошек и ради этого пользовался вулканизационной печью.

— Он сказал, что делает это ради опыта. Повидимому, он хочет вулканизировать кошку.

Я сам видел, как вынув спустя пять часов из печи вареную кошку, он внимательно осмотрел ее, завернул в бумагу и сунул за пазуху, пробормотав:

— Нет, ее организм недостаточно крепок!

При выходе, как и у нас здесь, у ворот фабрики рабочих обыскивают. Обыскивающий сторож очень обрадовался, нащупав у Джемса за пазухой большой пакет.

— Ага!—воскликнул он.—Покажи-ка, что там у тебя!

— Мертвая кошка,—невозмутимо ответил Джемс, развертывая пакет.

Сторож в ужасе отскочил от него, и толпа разразилась дружным хохотом. Тут было над чем посмеяться, чорт возьми!

Однако с этого времени некоторые из рабочих стали следить за Джемсом. Вскоре по фабрике распространился еще более нелепый слух:

— Джемс—колдун.

Этот слух особенно охотно подхватили женщины. Весть о кошке пронеслась по всей фабрике и, переходя из уст в уста, принимала все более и более невероятные размеры.

Говорили, что Джемс питается кошками и копит деньги, другие утверждали, что он приго-

товляет из жареных кошек волшебные снадобья и, наконец, нашлась такая, которая сама видела ночью Джемса, взвившегося к облакам на дохлой кошке.

Однажды я зашел в галошное отделение... Вы можете посмотреть это отделение и на „Красном Треугольнике“. Здесь оно состоит из целого ряда огромных помещений, где каждая из женщин армии труда делает свое отдельное дело.

В одном месте ручным—резным штампом из черных резиновых лент вырубается перед, задники, подошвы, подкладки и стельки, в другом—стельки смачиваются бензином, в третьем—прорезинивается подкладочная ткань, в четвертом—работницы ловко накладывают на деревянные колодки сначала стельку и подкладку и, смазав их резиновым клеем (резиной, распущенной в бензине), натягивают поверх перед и задники, а в последнем—тем же клеем прикрепляют подошвы.

Оттуда я прошел, по делу, в красильню, где накладывают на уже готовые галоши краску. В этих отделениях всегда очень дурной, тяжелый воздух, пропитанный запахом бензина, резины, красок и разных

— Мертвая кошка,—невозмутимо ответил Джемс...

химических деликатесов. Проходя оттуда в свое отделение, я был поражен необыкновенным для меня зрелищем.

Около вулканизационной печи стоял Джемс и занимался чрезвычайно странным делом. Перед ним был стакан с жидкостью для холодной вулканизации, в которую он, с необыкновенно серьезным видом, погружал живую мышь, держа ее за конец хвоста. Повидимому, мыши не очень нравилась хитрая операция. Она чихала, разевала рот и извивалась как угорь, положенный живьем на сковороду.

— П о с л у ш а й т е, Джемс, вы, кажется, собираетесь нарядить мышь в резиновый наряд?—спросил я.

— Слишком слабый организм и вообще к живым организмам холодная вулканизация, повидимому, не подходит. Если бы мне удалось вулканизировать ее, она была бы обеспечена от всяких наружных болезней и жила бы в десять раз дольше, — невозмутимо ответил он.

Спустя несколько дней на фабрике произошло большое несчастье. В отделении сухой вулканизации произошел страшный взрыв. Воздух тут весь наполнен бензиновыми парами. Достаточно малейшей искры, чтобы пустить на воздух все отделение.

Помните случай на „Треугольнике“? Какой-то идиот рабочий, вопреки здравому смыслу и строгому запрещению, вздумал закурить. Но не успел он чиркнуть спичкой, как раздался такой взрыв, что все огромное здание дрогнуло, как лист. И когда люди сбежались в отделение, они нашли лишь груды мусора, обвалившиеся стены и несколько десятков исковерканных трупов.

Так вот, то же самое случилось и тогда, в Америке. Кто был виновником взрыва,—так и не выяснилось, потому что он погиб вместе с другими, но нашлись люди, подозревавшие в этом козни Джемса. Только это вздор. Разумеется, Джемс погиб бы сам, если бы сделал это...

Всего около вулканизационной печи работает человека четыре. Так было и на этот раз, когда Джемс дал себя знать с проклятыми опытами.

В этот страшный день он был настроен необыкновенно нервно. Несколько раз он входил сам в печь и

на губах его играла странная улыбка. Я заметил ее сразу и не могу сказать, чтобы она мне понравилась.

Бессознательно, я то и дело поглядывал на него, подходя к двери нашего отделения.

Когда он думал, что никто за ним не наблюдает, он как то ехидно потирал руки, улыбался и чуть не приплясывал.

Мне зачем то понадобилось в лакировочное отделение, куда поступали уже вулканизированные галоши для наводки последней красоты — лака. Сотни людей с кистями в руках наводили лак на все еще находящиеся на колодках галоши.

Сделав свое дело, я вернулся на место и подошел к двери. К печи подъезжали одни за другими вагонетки, и Джемс громко распоряжался: где и какую ставить. Печь вмещала в себе тысячу пятьсот пар.

Поставив вагонетки, люди один за другим выходили из печи и расходились по местам. В этом не было ничего особенного. И не знаю почему, на этот раз все мое внимание было приковано к этой печи.

— Раз... два... три...—считал я выходявших.

Я уже досчитал до десяти, как

Джемс вулканизировал живую мышь..

вдруг Джемс повернулся в мою сторону. Он повернулся на мгновение, но и этого было достаточно, чтобы я заметил торжество на его лице и какой-то безумный блеск глаз.

— Двенадцать, тринадцать, четырнадцать...

Вдруг Джемс словно тигр подскочил к двери печи и быстро захлопнул ее.

— Пятнадцатый—мелькнуло у меня в уме.

Да, для меня не было сомнения, что 15-й остался запертым в печи.

Прежде, чем Джемс успел запереть дверь на ключ, я бросился к нему.— Пятнадцатый! Он там!—крикнул я.

Но Джемс с такой силой ударил меня, что я полетел на пол. Я слышал, как щелкнул ключ, как взвыл от бешеного удара один из рабочих при печке, как покатился кубарем другой, а сам Джемс бросился к выходному коридору.

Момент—и я бросился к нему под ноги. Он тяжело рухнул на пол, споткнувшись о меня, но в ту же секунду оправился. Но и я уже был на ногах. С рычанием, как звери, мы

кинулись друг на друга и около раскаленной печи завязался отчаянный бой.

Все рабочих, не понимая в чем дело и напуганные происшествием с тупым недоумением смотрели перед собой, не зная, что делать. А мы катались по полу, разрывая друг на друге одежду, царапались, пускали в ход зубы. Раза два он хватал меня за горло, но мне удавалось освободиться. Теперь я уже ясно видел прямо перед собой глаза, сверкающие безумием.

— Ребята!.. помогите... убийца...—хрипел я, барахтаясь.

Я уже задыхался и слабел.

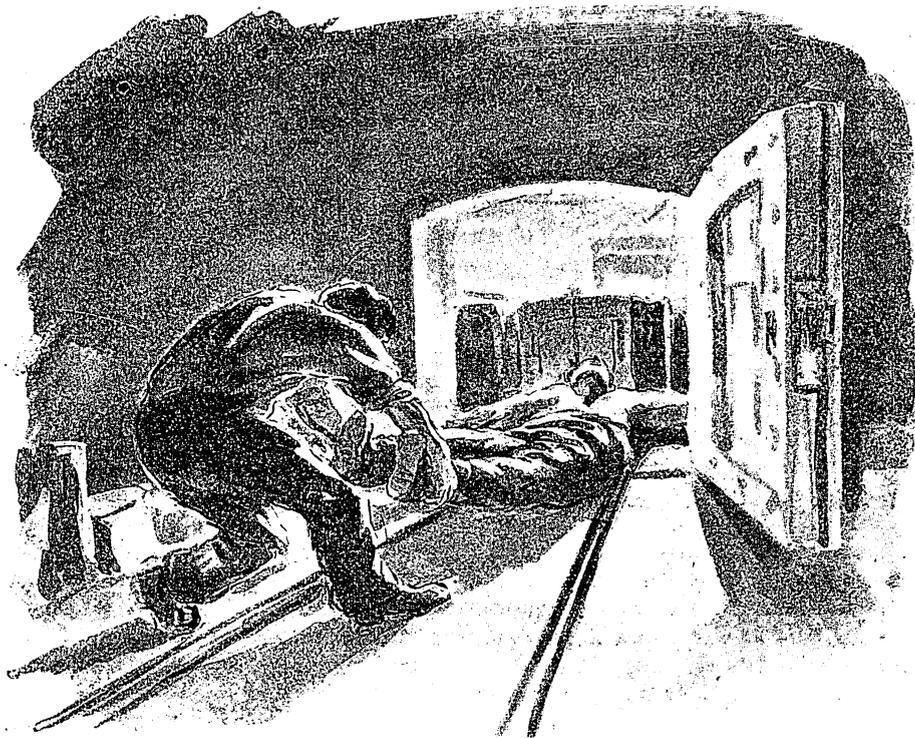
Еще минута и у Джемса будет вторая жертва. Но в своем безумии он не рассчитал приема. На мгновение моя правая рука освободилась. Я напряг последние силы и нанес страшный удар безумцу в живот. Джемс разжал руки и покатился в сторону.

— Человек в печи! Спасите... Джемс—безумный!—крикнул я.

И прежде, чем Джемс опомнился, я снова кинулся на него,

С рычанием, как звери, мы кинулись друг на друга...

Я схватил человека за ноги и вытащил из печи.

Теперь и рабочие поняли. Втроем мы налегли на сумасшедшего и скрутили его ременными поясами.

Он пришел в себя и, глядя на нас горящими глазами, рычал, как зверь:

— Вы не имеете права! Он вулканизируется! Я—гений!

Чорт возьми, мне некогда было думать о гениях! Я выхватил из кармана Джемса ключ, быстро отпер дверь и чуть не покотился через лежавшего на полу человека. Он был без сознания. Схватить его за ноги и вытащить из печи—было делом нескольких секунд.

— Воды!—крикнул я,—и доктора!

Привлеченная шумом толпа рабочих окружала нас.

— На голову!.. Поливайте тело,—командовал я.

— Я не позволю! Вулканизация человечества! Всех, всех! — рычал безумный Джемс.

— Молчи, сумасшедший дурак! Мы тебе не кошки!—крикнул Том.

В это время прибежал доктор. В трех словах ему рассказали все.

— Выживет,—объявил он, осмотрев больного.—Он еще не пропекся достаточно, и, обратясь к суевившемуся тут же фельдшеру, добавил:

— Вызовите карету и надо будет убраться молодчика в сумасшедший дом. Он сам слишком сильно вулканизирован.

Так вот какие случаи бывают на свете, друзья мои!

Целый месяц залечивал я раны и царапины, пока мое тело не приняло приличный вид.

На счастье, в нашем „Красном Треугольнике“ таких случаев не бывало, но все же не мешает осмотреть фабрику, чтобы нарисовать себе ясно картину.

Да и любопытно посмотреть на эти красные здания, в которых работает шестнадцатитысячная армия, здание, изрыгающее столько галаш, шин, буферов, сосок, игрушек и бесчисленное множество изделий из каучука.

Ферма с приманкой

Рассказ Р. ЭЛИОТ из канадских нравов.

Золотоискатель Шорти остановился на дороге и, прежде чем заговорить, оправил котомку на спине.

— Вон там, должно быть, ферма Макнаба, в которой мы делали передышку на пути сюда.

Это были первые слова за много часов пути. Путешествие по неровной дороге с пудовой котомкой за плечами не особенно-то располагает к болтовне. Спутник Шорти, Джэк, так ничего и не ответил на эти слова и только взглянул по указанному направлению.

То, что он увидел, был — кусок вспаханной земли, при ней дом, фруктовый сад и несколько сараев в обычной рамке сосен и скал. На заднем плане — неизменные, неизбежные горы. Джэк очень хорошо помнил эту ферму и ее хозяина и не прочь был бы снова посетить их, но сам еще не знал на что ему решиться — итти-ли дальше или остаться передохнуть.

— Не зайти ли нам выпить чаю? — предложил Шорти. — Хозяин, верно, ничего не будет иметь против.

Шорти всегда приходили в голову хорошие мысли.

— Что-ж, зайдем, — пробормотал Джэк и путники пошли к ферме.

К западу от Канадского горного хребта есть еще до сих пор некоторые области, в которых свободно могут работать золотоискатели. И эти места, обычно, привлекают людей склада Шорти и Джэка. Оба проработали все лето в одном руднике и теперь возвращались домой, к морю.

Владелец фермы Макнаб жил здесь уже тридцать лет и как нельзя лучше подходил к окружающей обстановке.

Он приветливо встретил путников.

— Алло, Шорти, Джэк, — рад вас видеть! Все еще золото ищите? Да, говорит, там уж все золото обо-

брали? Вот, кабы вы нашли золото у меня на ферме!

Джэк не ответил. Он открыл было рот, но промолчал, точно сочтя за лучшее ничего не говорить.

Путники вошли в дом и сели отдохнуть.

Шорти хотел уже просить фермера разрешения сварить себе у него чаю, как ему, по обыкновению, пришла в голову блестящая мысль. Великие мысли и изобретения рождаются часто благодаря случайным, внешним обстоятельствам. На этот раз Шорти был вдохновлен стадом индюшек, которое он увидел из окна. В голове его моментально стали выработываться подробности плана.

— За какую цену вы бы продали вашу ферму? — спросил он Макнаба.

Этот был поражен таким неожиданным вопросом. Но он был подозрителен по природе и сейчас же насторожился. Может быть, эти молодцы надеялись найти на его земле золото?

— Не знаю, — ответил он. — Привыкаешь к такой старой ферме... Но если бы мне за нее выложили 10.000 долларов... понятно, чистоганом... так я, может быть, еще и подумал-бы...

— Отлично. А если вам кто-нибудь предложит в течение ближайших трех недель 20.000 долларов? Что вы на это скажете?

Макнаб сделал равнодушное лицо.

— Что я на это скажу? Гм... я скажу, что это никому и в голову не придет.

— Так вот... дайте мне 10% с продажной стоимости и я вам отвечаю за то, что такой покупатель найдется. Но нам придется сейчас же заключить договор, так как покупатель не будет знать, что его сюда присылаю я.

Он вообразит, что сам сделал такую находку. Когда же он заметит свою ошибку, тогда он один и будет за нее расплачиваться. Впрочем, я сейчас еще не знаю имени этого покупателя. Может быть, в течение трех недель найдется дюжина покупателей на вашу ферму...

— Что-ж это, все с ума сойдут, что ли? — проворчал Макнаб. — Как же вы это сделаете?

— Да уж я вам все объясню, — ответил Шорти, — только сначала, — если вы ничего не имеете против, — заключим договор.

Фермер принес чернил, перо и бумагу, Шорти написал договор, Макнаб подписал его и Джэк Невиль расписался свидетелем. В бумаге значилось, что Макнаб обязуется уплатить Шорти 2.000 долларов, если он, Макнаб, в течение трех недель продаст свою ферму за 20.000 долларов.

Покончив с договором, Шорти вытащил из кармана маленький полотняный мешочек. Такие стягивающиеся веревочкой мешочки часто употребляются в Западной Канаде вместо кошельков. Шорти насыпал из мешочка на стол кучку матово-желтых металлических шариков. Некоторые были величиной с пшеничное зерно, другие же — еще крупнее. Это было золото.

— Вот корм для ваших индюшек, Макнаб, — совершенно серьезно сказал Шорти. При этом он небрежно подвинул кучку Макнабу, как будто бы она имела для него не больше цены, чем пригоршня зерен.

Макнаб протянул к золоту свои грязные пальцы.

— Давайте, давайте, — сказал он, — я не откажусь. Только индюшек я этим кормить не стану.

— Так мне придется это делать за вас, — сказал Шорти и стал всыпать обратно в кошелек золотые зерна в то время, как Макнаб разочарованно следил за его движениями.

— Я смешаю золото с кормом и впихну им в горло насосом, — продолжал Шорти. — Золото должно попасть к ним в зоб прежде, чем их свезут на рождественский рынок. Когда хозяйка начнет потрошить свою

индюшку, она найдет у нее в зобу золота долларов на пять. Многие делают такие находки, будут про них рассказывать, напишут в газетах, и ловкачи станут добиваться, с какого двора эти индюшки. Он должен быть вымощен золотом, — скажут они себе. А когда узнают, что индюшки ваши, так к вам так побежит народ, что по дороге пыль столбом встанет. Они притащут вам мешки с деньгами и заплатят любую цену за вашу землю. Поняли вы теперь, Макнаб?

Тот, очевидно, понял, потому что подмигнул глазом и кивнул головой. Потом налил себе стакан виски и залпом выпил его. Гостей он не принуждал наполнять стаканы, но Шорти сам без стеснения тянулся за бутылкой и наливал себе.

— Что касается договора, — продолжал Шорти, — то я, конечно, лишуюсь комиссии, если ферма не будет продана в течение трех недель.

— Такой неудачи вам трудно ждать, — сочувственно сказал Макнаб, но глаза его при этом так загорелись, точно и ему пришла в голову блестящая мысль.

— Если так случится, — заметил Шорти, — то вы и совсем не продадите вашу ферму. Дело в том, что если вы не покончите ни с одним из покупателей в течение трех недель, так уж „Колониальная Газета“ здорово посмеется над историей с индюшками, набитыми золотом.

Шорти хотел довести до конца деловой разговор и, чтобы вперед не было никаких недоразумений, обратился к Джэку. Он объявил ему, что они хоть и были всегда компаньонами, но на этот раз это его личное маленькое предприятие.

Джэк улыбнулся. Это была широкая, добродушная улыбка.

— Можешь быть спокоен, Шорти, — сказал он. — Меня несколько не занимают твои выдумки.

Он встал, потянулся и медленно направился к двери. На пороге он минутку задержался и вышел потом во двор.

Как только Джэк убрался, Шорти снова с увлечением стал разрабатывать свой план. Они с Макнабом

сначала опустошили бутылку с виски, а потом отправились загонять индюшек в сарай. Тут Шорти собственноручно накормил каждую птицу из на-

соса. Макнаб поднял при этом крик, что грешно давать птицам так много золота, но Шорти стоял на своем, что нужно хорошенько накормить

Шорти собственноручно накормил каждую индюшку золотом.

бедняжек, так как, ведь, это их последняя еда перед тем, как им свернут головы.

Когда был закончен первый акт торговой сделки и каждая индюшка получила свою порцию золотых зерен, позвали работника, который по-прежнему работал на ферме. Он должен был помочь бить птицу. Было решено, что эту ночь Шорти переночует на ферме.

— Спи себе спокойно у меня, голубчик,—сказал Макнаб,—завтра рано утром мы вместе поедим на лошади в город. По правде говоря, еще немножко рано для рождественского базара, ну, да птицу покупают частенько и заранее.

Когда Шорти и Макнаб вернулись в сумерки домой, нигде не было видно ни Джэка, ни его котомки.

— Он, верно, будет ночевать на постоялом дворе у Сима,—сказал фермер,—мы можем захватить за ним завтра утром.

На следующий день, в довольно поздний, уже предобеденный час, Макнаб и Шорти отправились в город, нагрузив телегу птицей.

Товар без затруднений разошелся среди торговцев. Шорти остался в городе, чтобы следить за ходом дела, Макнаб же поехал обратно на ферму.

Фитиль был зажжен и не пришлось долго ждать, пока в „Колониальной Газете“ появилось в „почтовом ящике“ первое письмо. Некая мистрис Р. Грин с Уольстрит, 291, сообщила, что нашла в зобу своей рождественской индюшки золотых зерен на несколько долларов. За этим письмом последовало второе от какой-то дамы с Длинной Аллеи которая тоже нашла в зобу своей птицы золотых зерен на сумму, превышающую стоимость индюшки.

Теперь шар был пущен и весело покатился дальше.

Торговцев, конечно, радовало, что птица их раскупалась теперь нарасхват, но они за то, положительно, не имели покоя от публики, которая „из-простого любопытства“ осаждала их, расспрашивая, откуда привезены эти индюшки. Шорти внимательно следил за всем происходившим и за-

ботился о том, чтобы любопытство публики было удовлетворено, рассказывая под величайшим секретом самым известным в городе сплетникам, что индюшки привезены в город с фермы Макнаба.

Посеянное семя тотчас же стало приносить плод.

Однажды утром, когда Макнаб ходил по двору фермы, к воротам подъехал на автомобиле некий мистер Х., член общества, занимавшегося продажей участков земли, и сообщил Макнабу, что у него часто спрашивают доходные участки. Ему будет очень приятно, если Макнаб поручит им продажу своей фермы.

Некоторое время спустя, появился Том Кассиди, агент общества „Счастливая золотоносная жила“. Затем стало ездить множество народу. Все сообщали Макнабу, что хотят купить ферму и спрашивали его, не знает ли он подходящей. Но дни шли, а дело все еще стояло на той же точке. Макнаб спокойно выслушивал все предложения и отвечал, что подумает.

Шорти в это время терпеливо выжидал. Каждую минуту могло появиться сенсационное известие о продаже удивительного участка земли.

— Продажа фермы старого местного жителя за 20.000 долларов!

Шорти каждый день искал в газете известия в этом роде. Он уже собрался сам поехать к Макнабу и узнать у него о всех подробностях дела, как вдруг, проходя по городу, увидел, что в земельную регистрацию входили Макнаб и мистер Кассиди.

То обстоятельство, что Макнаб и Кассиди были вместе, странно разволновало Шорти. Это волнение еще усилилось, когда он заметил, что Макнаб его избегает. Было ясно, что тут нечего терять время. Шорти решительно подошел к Макнабу и преградил ему дорогу. Кассиди презрительно кивнул Макнабу и пошел дальше, оставляя вдвоем Шорти и Макнаба.

— Добрый день, мистер Макнаб,—сказал Шорти,—вы, верно, шли платить налог?

Макнаб смущенно засмеялся.

— Мне это уже больше не придется делать, — ответил он. — Я продал свою ферму мистеру Кассиди.

Его манера говорить и держаться не понравилась Шорти. А тут еще прямо к ним направлялся через улицу его приятель Джэк. Это было неприятно Шорти, так как отношения их за последнее время испортились. Шорти приписывал это зависти Джэка к его удачной выдумке.

— Эй, Шорти, — крикнул Джэк, подходя, — я только что узнал, что Макнаб продал ферму. Теперь ты, верно, получишь свою комиссию?

Шорти вопросительно взглянул на Макнаба.

— Видите-ли, мистер Джэк, — начал Макнаб, которому, очевидно, было не по себе. — Договор Шорти не имеет ничего общего с этой продажей. Я получил за ферму всего 19.000 долларов. В контракте же значится 20.000.

Джэк громко рассмеялся.

— Обманщик, — закричал Шорти, пылая гневом, — я разоблачу ваши проделки... я расскажу, как вы обманом продали вашу землю...

Джэк успокоительно поднял руку, точно сдерживая широкой ладонью волнение Шорти:

— Успокойся, голубчик... не теряй напрасно слов! — сказал он. — Тут и речи не может быть об обмане. Землю эту купил я сам, зная, что я делаю. Мы с Кассиди сложились и купили ферму Макнаба. Я был уверен, что Макнаб не даст тебе комиссии, чтобы сберечь этим 1.000 долларов. Вот почему мы ему и предложили 19.000 долларов. Он сохранил, таким образом, 1.000 долларов и мы тоже, а твоя комиссия провалилась. Понимаешь? Это одно. Но я хочу объяснить тебе и еще кое-что. Когда мы в первый раз зашли к Макнабу, я как-то почувствовал, что его земля стоит дороже, чем простая пахотная. На обратном пути я окончательно убедился в этом. Я сообщил бы тебе о своих наблюдениях, но ты чертовски поторопился заявить, что мы компаньоны не во всем. Дело-то в том, что через весь участок Макнаба проходит золотая жила. Земля, очевидно, стоит 20.000 долларов. Во всяком случае, мы с Кассиди рассчитываем добыть из нее состояние.

Шорти устремил взгляд наверх, к вершинам гор. Губы его беззвучно шевелились. Но губы эти не шептали молитву...

ПЕРЕПЛЕТЕННЫЕ СЛОВА

Задача № 6.

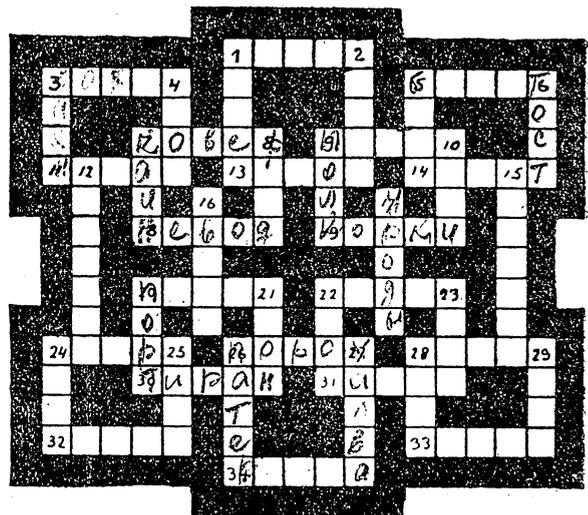
(Из сборника П. В. Мелентьева — „Переплетенные слова“ *).

Значение слов:

Горизонтальных: 1. Сознание, 3. Цветы, 5. Надежная опора, 7. Покрытие, 9. Движение, 11. Призыв, 13. Горемыка, 14. Невнятная речь, 18. Сеть, 19. Огрызки, 20. Змея, 22. Сад, 24. Начало, 26. Взрывчатое вещество, 28. Наставление, 30. Деспот, 31. Отверженец, 32. Муха, 33. Одежда, 34. Линейка.

Вертикальных: 1. Оперетта, 2. Газ, 3. Музыкальный инструмент, 4. Сладость, 5. Город СССР, 6. Заздравная речь, 7. Первый убийца, 8. Положительный полюс, 9. Войсковая часть, 10. Темнота, 12. Житель Индо-Китая, 15. Самостоятельная величина, 16. Сопровождающие, 17. Некрасивые существа, 20. Гавань, 21. Газ, 22. Связка, 23. Борта, 24. Азиатское государство, 25. Плесень, 26. Священник, 27. Сладость, 28. Поле, 29. Сигнал.

Правила решения и премирования — см. „Мир Приключений“ № 2 за 1926 г.

* 1 задач. цена 20 к., с перес. 30 к. Склад при конторе жур. „Мир Прикл.“.

ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ

Откровения науки и чудеса техники.

ЧУДЕСА ОКЕАНА

Статья проф. П. Ю. ШМИДТА.

Океан, на первый взгляд,—безбрежная водная пустыня. Когда плывешь по нему день, другой, неделю, и не видишь ничего кроме водной поверхности, над которой лишь изредка мелькнет крыло чайки или альбатроса,—он может показаться мертвым, безжизненным. На самом же деле он гуще населен, чем суша в местностях, наиболее обильных жизнью.

Не легко только заметить эту жизнь,—она отличается сильно от той, которая нас окружает. Надо уметь найти ее, уловить, рассмотреть и, если это удастся, можно с уверенностью сказать, что натолкнешься на чудо. Океан полон чудес, гораздо более увлекательных, чем те, с которыми мы знакомимся на суше!

Не замечательное ли чудо вся разнообразная фауна, населяющая огромные глубины океана? На глубине трех, семи и даже десяти километров под морскою поверхностью мы находим еще обильную жизнь. Между тем там давление в 300, 700 и 900 атмосфер, т. е. на каждый квадратный сантиметр

поверхности тела окружающая вода давит так, как давила бы тяжесть в 300, 700 или 900 килограммов. Поверхность в 1 кв. сант.,—это примерно поверхность ногтя указательного пальца. Представьте себе, что на ваш ноготь давит тяжесть в 900 кг (56 пудов), и вы поймете тогда, какое давление испытывают обитатели глубин.

Кроме того, на такую глубину не достигает ни один луч света,—там царит абсолютная темнота. Она прерывается лишь свечением самих глубоководных животных,—из них многие снабжены настоящими фонарями, даже блестящими рефлекторами, отражающими свет, и с выпуклыми, прозрачными передними стенками, концентрирующими лучи, как стеклянные линзы. Фонари эти иногда разноцветны и представляют, вероятно, красивое зрелище.

Каждая глубоководная экспедиция извлекает из глубины океана все новые и новые чудеса, одно невероятнее другого, и рассказы о находках ученых читаются, как сказка. Одну из новейших истинных, не выдуман-

Рис. 1. Линофрина с глубины 600 метров.

Атлантический океан. На верхней челюсти придаток со светящимся органом, на подбородке ветвистый придаток, служащий также, вероятно, для приманивания добычи.

достигает ни один луч света,—там царит абсолютная темнота. Она прерывается лишь свечением самих глубоководных животных,—из них многие снабжены настоящими фонарями, даже блестящими рефлекторами, отражающими

свет, и с выпуклыми, прозрачными передними стенками, концентрирующими лучи, как стеклянные линзы. Фонари эти иногда разноцветны и представляют, вероятно, красивое зрелище.

ных сказок природы, мы и хотим здесь рассказать.

Последняя глубоководная датская экспедиция на судне „Дана“, в Атлантическом океане, привезла большое количество своеобразных рыб из семейства цератид, водящихся на больших глубинах. Они и ранее обращали на себя внимание ученых, но то, что удалось у них открыть английскому ихтиологу, д-ру Тэт-Ригану, изучавшему коллекцию „Дана“, все же никому не приходило в голову. Они обнаружили особенности, совершенно новые для позвоночных.

Рыбы эти уже по внешности представляют собою замечательные формы. У них огромная голова, колоссальная пасть, усаженная длинными и острыми зубами, и на голове сидит длинный придаток, несущий светящийся фонарь. Иногда и под головой находятся ветвистые придатки (рис. 1), а фонари сидят нередко и под глазами, что для этих обитателей мрачных глубин, надо думать, не так неприятно, как для некоторых обитателей суши.

Рыбы эти, как видно уже по их пасти и по страшным зубам, свирепые хищники, караулящие на глубинах добычу,—других рыб, головоногих и раков. Можно предположить, что светящиеся фонари служат им не столько для нахождения дороги, сколько для привлечения добычи, идущей на свет. Хищник стоит в воде неподвижно и помахивает своим отростком, снабженным светящимся органом. На движущуюся светящую точку подманивается и приплывает добыча, которая и попадает в его пасть.

Замечательнее всего, однако, что некоторые виды цератид, повиди-

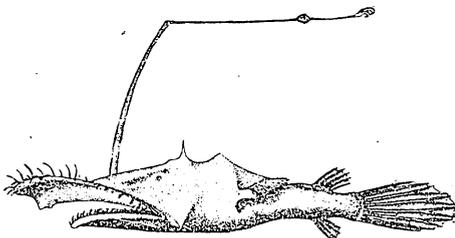

Рис. 2. Лазиогнат из Караибского моря с глубины 4000 мтр.

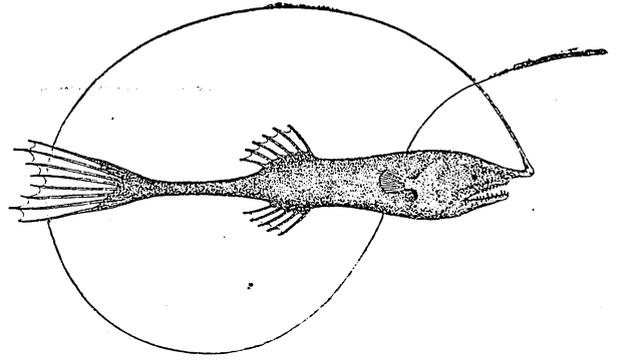

Рис. 3. Гигантактис с глубины 5000 мтр Атлантического океана.

мому, пользуются для ловли добычи удочкою,—напрасно человек воображает, что это он выдумал удочку для ловли рыб,—рыбы сами придумали ее еще раньше для той же цели,—вернее, ее для них изобрела природа! Она научила рыб удить рыбу!

Действительно, у целого ряда видов цератид мы встречаем на голове настоящую удочку из твердого, костного луча, подвижно прикрепленного к голове и изображающего удилище, и из длинного тонкого придатка, представляющего собою лесу, иногда со светящимся органом на конце, а иногда и с настоящими крючками, прикрепленными на конце лесы, за светящимся органом.

Таково строение лазиогната, настоящей рыбы-удильщика (рис. 2), водящейся в Караибском море на глубине 4 километров. Удочка ее почти длиною с тело и вооружена двумя острыми крючками. Правда, лазиогнат не насаживает на них червей,—он, вероятно, просто машет этой удочкой с прикрепленным к ней в виде поплавка маленьким светящимся органом. И горе рыбке, которая заинтересуется светящейся точкою и подплывет поближе. Как опытный удильщик, лазиогнат имеет при себе и сачек на всякий случай,—вдруг сорвется. Сачком ему служит верхняя челюсть, имеющая вид плоского копака, которым можно легко прихлопнуть жертву сверху. Острые и при том подвижно прикрепленные зубы служат дополнительным при-

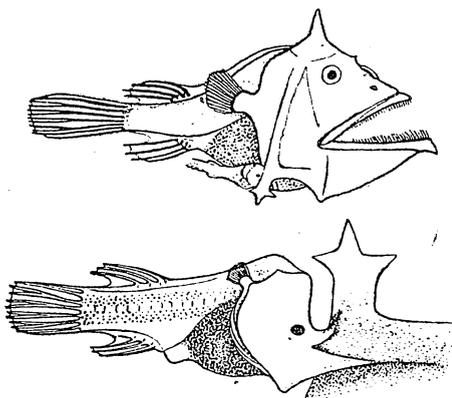

Рис. 4. Самка здроирихна с паразитическим самцом, сидящим под жаберной крышкой. Внизу тот же самец, сильно увеличенный.

способлением, чтобы добыча не вырвалась.

Имеются, однако, рыбы-удильщицы и с еще более замечательным приспособлением для лова. У гигантактиса (рис. 3), водящегося на глубине 5 километров в Атлантическом океане, на самом конце рыла прикреплена удочка, которая в 4 раза длиннее тела рыбы. Странным образом, однако, она без крючков и снабжена только небольшим органом свечения.

При более подробном исследовании цератиид обнаружилась еще более замечательная особенность их, придающая этому семейству исключительный интерес.

Давно уже обращало на себя внимание то обстоятельство, что все пойманные цератииды—самки, среди них не было ни одного самца. Экспедиции судна „Дана“ удалось поймать несколько самцов, но... они оказались паразитами самок!

Оказалось, что у этих рыб самцы имеют форму тела, сходную с формой самки, но в несколько раз меньше самки,—иногда по длине они составляют $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{12}$ длины самки, а по объему и еще меньше (рис. 4). При том самец,—иногда даже не один, а два их—сидит на теле самки, на голове ее, или на носу даже, или на брюхе, плотно прикрепившись своим передним концом (рис. 5). Кожа головы самца непосредственно переходит в кожу самки, внутри же

рот срастается с выростом тела самки, вдающимся внутрь, при том срастается так тесно, что получается связь между кровеносными сосудами, и кровь самки переходит в тело самца. Получается полное подобие тех отношений, которые существуют между матерью и утробным младенцем человека. Там ведь также существует особый орган,—детское место или плацента,—в котором получается соединение сосудов плода с сосудами материнского организма.

В соответствии с таким удивительным способом питания, самцы цератиид не только не имеют ротового отверстия, но и кишечник у них отсутствует. У них, однако, имеется все же сердце и жабры, в которых кровь окисляется. Вся же остальная полость тела заполнена развитыми семенными железами—молоками. Таким образом самец, пользуясь от самки питанием, передвижением, защитой, не оказывается для нее все же вредным паразитом, а выполняет свое настоящее назначение.

Чем объясняются эти замечательные условия, единственные среди всех позвоночных животных? На этот вопрос не трудно ответить, если вспомнить что цератииды живут на глубинах, совершенно лишенных света. При таких условиях найти друг друга представителям двух полов трудно, тем более, что рыбы эти как хищники, питающиеся случайной добычей, сильно рассеяны в море и не держатся густыми стаями. Надо думать, что прикрепляются

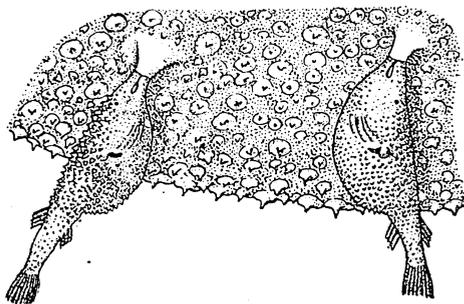

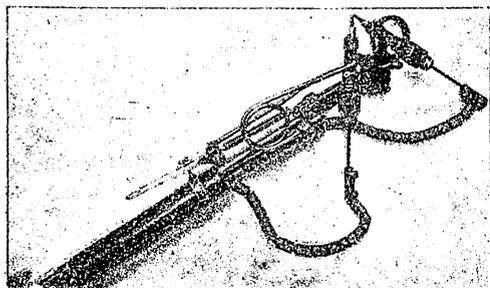
Рис. 5. Часть брюха самки цератиаса с сидящими на нем двумя приспособившимися самцами-паразитами.

самцы к самкам на самых ранних стадиях развития, еще в виде личинок. Тэт-Риган высказывает даже предположение, что может быть они прикрепляются друг к другу еще в то время, когда пол не обозначился, и тогда те молодые рыбки, которые прикрепились, развиваются в самцов, а другие—в самок.

Карликовых самцов-паразитов мы

знаем у некоторых червей и у рачков (которые в большинстве случаев сами являются паразитами), но трудно было ожидать, чтобы такие экстравагантные условия встретились у позвоночных с их высокой организацией.

Такое чудо мог дать лишь Океан с его неисчерпаемым разнообразием жизни.

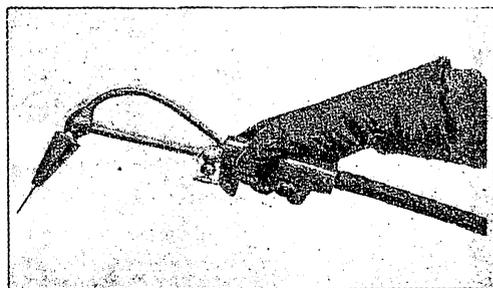

Самое горячее пламя.

До сих пор самым горячим пламенем считалось пламя водорода, сгорающее в струе кислорода и развивающее температуру около 2000 градусов. Еще выше бывает лишь температура вольтовой дуги, образующейся между двумя кусками угля при пропускании через них сильного электрического тока. Температура вольтовой дуги достигает до 3000° и в ней плавятся самые огнеупорные металлы и камни.

Вольтовой дугой и пламенем водорода пользуются очень часто для т. наз. «автогенной сварки» металлов, играющей большую роль в современной машиностроительной технике. Лангмюру, известному американскому ученому, много поработавшему в области усовершенствования электрических лампочек, удалось подметить одно весьма интересное явление. При пропускании вольтовой дуги между вольфрамовыми электродами (вольфрам чрезвычайно тугоплавкий металл), в атмосфере водорода молекулы последнего разлагаются на атомы, которые тут же вновь соединяются в молекулы, выделяя при этом большое количество тепла. Температура такого атомического пламени достигает 3750°. Кроме того, водородное пламя препятствует образованию металлических окислов. Эти ценные свойства быстро завоевали новому способу сварки самое широкое распространение в различных областях техники.

На левом рисунке изображена такая горелка для автогенной сварки атомическим

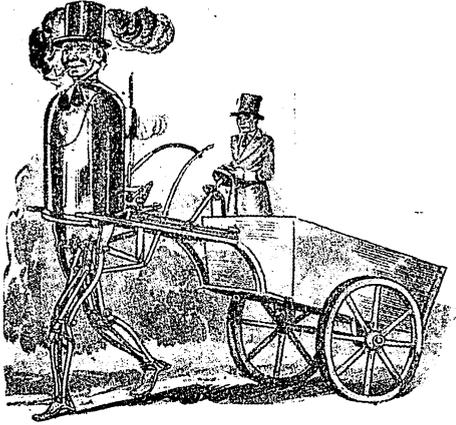
водородом. Вольфрамовые электроды расположены под углом и вставлены в изолирующие трубки. Ток к ним поступает по проводам, изолированным стеклянными бусами. (так как от жара всякая другая изоляция очень быстро сгорела-бы), а водород идет через полую внутри ручку прибора. В. Н.

Огонь под водой.

Пламенем газовой сильной горелки часто пользуются для разрезывания больших металлических частей машин, идущих в лом для переплавки. Способ этот дает огромную экономию, так как, например, для разрезывания толстой железной броневой плиты надо затратить времени в несколько раз меньше, чем при пользовании обыкновенной закаленной стальной пилой.

Недавно был найден способ производить такую огненную резку не только на воздухе, но и под водой, что сильно удешевило работы по извлечению со дна моря затонувших судов и пароходов.

Достигнуто это было очень простым способом: наконечник газовой горелки был окружен другой трубой и в образовавшееся кольцеобразное пространство нагнетался свежий воздух. Воздух этот как-бы окутывает горячее пламя непроницаемой для воды оболочкой и дает ему возможность гореть даже на большой глубине. Общий вид такого подводного факела изображен на правом рисунке.

Прадед трактора

Иногда бывает очень поучительно порыться и в старых патентах: — там можно, подчас, встретить чрезвычайно интересные мысли и прообразы тех изобретений, которые в настоящее время достигли высокой степени совершенства и прочно вошли в нашу жизнь.

Один американский журнал приводит на своих страницах любопытную справку о том, в каком направлении техническая мысль когда-то пыталась разрешить вопрос о создании механической повозки. Попытки подобного рода неоднократно делались и раньше — достаточно вспомнить хотя-бы о первом паровом тракторе Кюнью, построенном в 1772 г., и разбившемся о стену во время своей пробной поездки. Не мало таких экипажей строилось впоследствии многочисленными изобретателями, но вследствие слабости машин и тяжеловестности конструкции, дело дальше опытов не шло.

Один американец, Дидерик Грассе, в 1868 году подошел к задаче совершенно оригинальным путем — он пытался построить шагающую машину-человека, изображенную здесь на рисунке. Трактор Грассе — двухколесная тележка, в оглобли которой впряжен человекообразный механизм. Туловище его — котел, а ноги — стальные сочленения, приводимые в движение тягами от маленькой паровой машины, укрепленной на спине котла.

Механизм этот, повидимому, не оправдал возлагавшихся на него надежд, но он останется лишним доказательством того, что слепое подражание природе не всегда есть лучший путь при разрешении новых задач, стоящих перед нашей техникой.

Седьмая часть света.

Еще очень недавно большой интерес возбуждал вопрос о существовавшей когда-то Атлантиде (смотри № 6 „Мира Приключений“

за 1925 год, статья об Атлантиде проф. Г. Генкеля и научная фантазия Р. Девиня об этой загадочной стране), теперь же начинают говорить о Тихоокеании, (Пасифиде), включавшей в свой состав всю нынешнюю Полинезию.

Действительно, если существовала Атлантида, то почему-же не могла быть и Тихоокеания? Вполне допустимо, что Полинезийские острова, подобно островам Канарским, Азорским и Антильским, представляют собою также остатки исчезнувшего когда-то материка. Так, по крайней мере, полагают некоторые английские и французские географы, этнографы и геологи.

В помещенной в журнале „Mercure de France“ статье французский писатель Жан Дорсен рассматривает эти теории.

Прежде всего бросается в глаза, что в наше время Полинезийская цивилизация совершенно одинакова на всем Тихом океане, на протяжении тысячи километров с одного края до другого. Нравы, обычаи, искусства, политическое и социальное устройство всюду одни и те-же, начиная с острова Пасхи и кончая Новой Зеландией. Нельзя-ли предположить, что мы имеем дело с остатками одного великого народа, находившегося в течении тысячелетий под одним владычеством? От этого громадного Полинезийского государства, обладавшего несомненно довольно высокой цивилизацией, остались между прочим наглядные следы на Каролинских островах и на острове Пасхи.

На одном из островов Каролинского архипелага, а именно на острове Понапе, который называют Венецией Тихого океана найдены громадные, аккуратно обтесанные базальтовые глыбы. Глыбы эти намечают расположение какого-то большого города, который, вероятно, являлся столицей великого государства.

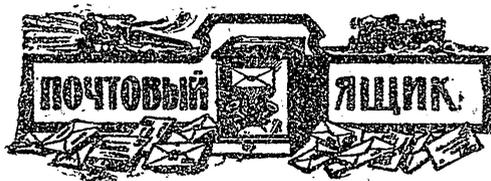
Что-же касается до острова Пасхи, то там нашли колоссальные статуи. Один английский ученый в недавно вышедшем труде утверждает, что эти статуи представляют собою надгробные памятники умершим вождям.

По всей вероятности, остров Пасхи, как находившийся в центре исчезнувшего материка, служил обширным кладбищем для всего государства и на нем находились целые аллеи таких колоссальных статуй.

Повидимому, катаклизм, повлекший за собою исчезновение материка, случился как раз в то время, когда производились работы на острове Пасхи, так как там находят разбросанные повсюду орудия.

До сих пор, однако, никакой летописец не поведал нам о былой славе и величии Тихоокеании и не рассказал об ее исчезновении, подобно тому, как это сделал относительно Атлантиды знаменитый Платон.

Почтов. адрес:
ЛЕНИНГРАД
Стремянная, 8

Телегр. адрес:
ЛЕНИНГРАД
Издатсойкин

Телефон № 58-02.

Авторам.—Редакция просит присылать рукописи, предпочтительно напечатанные на машинке, или же достаточно четко написанные. Произведения, написанные карандашом, не будут приняты и подлежат уничтожению.

П. О. (Ленинград).—Тема Вашего «Шлена» устарела, а написано хорошо и психология подмечена правильно.

? (*Не разобрали фамилии*). (Ленинград).—Как неудачно подобрали имена (он, — в русской-то деревне—Вилли, она—Дуна), так и все сделали неудачно. На какой это «дрезине» ездят по проселочным дорогам?

Ю. М. (Москва).—Мы не имеем основания сомневаться, что в основе Вашего рассказа лежит факт, но читатель недоверчивее нас. Нужно, чтобы он сам поверил в истину, а у Вас много неправдоподобного в деталях. Значит не сумели рассказать.

Б. Б. К.-К. (Москва).—«Губная помада, молоко и гололедица» («Солидный случай из времен гражданской войны»),—картинка, а не рассказ. Тема—не ко времени и язык фелетона. «Из-за»—эпизод, каких было много. Сухо рассказан. Отсутствует необходимый элемент беллетристического произведения: художественное переломление правды.

К. Д. (Ярославль).—«Покинутая церковь» написана в совершенно невозможных романтических тонах. Последите за современным литературным языком. Вы отстали на 80 лет.

Л. К. (Ставрополь).—Пьес мы вообще не печатаем. Исполняя Ваше желание, прочитали Вашу «Роковую встречу» и даем просимый отзыв. Язык пьесы искусственный, книжный. Быт не отразился в нем. Ходульные фигуры. Сценические ситуации нелепы. Построение действия неудачно.

Джэку Лондону. (Славянск, Петровский пер., 8, кв. 20).—Разве можно присваивать себе чужие прославленные имена?

Н. М. М. (Тамбов).—Не живые фигуры, а схемы в Вашем рассказе «За честь товарищей».

В. А. (Таганрог).—Нашествие мышей—тема для очерка подходящая и сильная сама по себе, но не следует фантазировать. Читателю нужно дать правдивую картину «за работой».

Б. Б. (Колывань).—Очерк о шамане литературен и интересен, но в нем есть элемент мистики. Напечатать не можем.

А. А. М. (Нижний-Новгород).—Рассказ «Гарри Сильос» не подходит. Не стоит писать такие банальные вещи.

Л. Е. (Харьков).—Подождите писать для печати. Рано еще! И не делайте попыток сочинять рассказы из быта тех стран, о которых знаете только по наслышке. Нужно самому видеть, иначе все будет мертво и искусственно.

Г. и Е. (Харьков).—Милые юноши! Вам также еще рано писать. Рассказ Ваш очень наивен и свидетельствует только, что Вы читались плохих «сынципких» повествований. Нужно самим прочувствовать и продумать жизнь, тогда только живая жизнь и может воплотиться в художественном произведении.

С. Т. (Новороссийск).—В Вашем рассказе ряд несообразностей физиологических и бытовых, несообразностей вопиющих...

А. Р. (Мелекес).—«Мгновение»—литературно изложенный факт из «хроники происшествий», но не рассказ.

Т. П. Е. (Ст. Володарская).—Вы мало знаете о гипнозе, потому и рассказ не мог удасться Вам.

Г. И. В. (Старобельск).—Воздушные пираты, падение с самолета в море и т. д., и т. д. Где происходит действие Вашего рассказа? То русский-профессор Оренбургский, то—Гарри (англичанин), то—Фридрих (немец), то—Жюль (француз), и все они в одном «захолустном городишке...» Учитесь и читайте больше!

Всем подписавшимся на журнал «Мир Приключений» с приложением «Новейшего Энциклопедического Словаря» рассылается при этом номере книга первая Словаря—Бунза А.

Подписка на журнал «Мир Приключений» с приложением «Новейшего Энциклопедического Словаря» продолжается:

12 кн. журнала «Мир Приключений» с дост. и перес. 5 рублей—с приложением 12 кн. «Новейшего Энциклопедического Словаря» 11 руб.

Главная Контора и Редакция журнала «Мир Приключений»:
Ленинград,—Стремянная, 8.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИК ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

- В № 8-м журнала «Мир Приключений» предполагается поместить:
- «НИГИЛИЙ» (окончание), научно-фантастический роман Р. Эйхакера, с 7 иллюстрациями М. Я. Мизерюка.
  - «СЕРГЕЙ—ПУТИЛОВЕЦ»,—рассказ П. Орловца, с 5 иллюстрациями с натуры И. А. Владимирова.
  - «СКАЗКИ МУЛЛЫ ИРАМЭ»,—П. Дудорова, с 12 иллюстрациями В. В. Гельмерсена.
  - «ГЛАЗ АЛЛАХА»,—новейший исторический рассказ Редиарда Кинлинга, с 5 иллюстрациями Матаниа.
  - «СЪЕМКА С НАТУРЫ»,—кинематографический рассказ А. В. Бобришева-Пушкина, с 4 иллюстрациями.
  - «ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ Д-РА ХЭКЕНСОУ.—ПУТЕШЕСТВИЕ В 3.000 ГОД»,—рассказ Фезандие, с 4 иллюстрациями.
  - «РИЦТРАТ»,—рассказ М. А. Есипова, с 3 иллюстрациями.
  - «САМОЕ СТРАШНОЕ»,—рассказ М. Джигана, с 6 иллюстрациями.
  - «АТЛАНТИДА и ТЕОРИЯ ВЕГЕНЕРА»,—очерк Н. Левицкого, с 5 рисунками.
  - «ЧУДЕСА ФАКИРОВ»,—очерк Е. Г., с 5 фотографиями с натуры.—ФАКИРЫ и ГИПНОЗ,—статья д-ра В. Н. Финне.

Кроме того, множество небольших заметок с иллюстрациями, отражающих новейшие завоевания науки и успехи техники.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ „МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ ПРОДОЛЖАЕТСЯ:

Подписная цена на год 5 руб. с пересылкой.

Главная Контора и Редакция журнала „Мир Приключений“:
Ленинград, Стремянная, 8.

Я. И. Перельман.

ЗАГАДКИ и ДИКОВИНКИ В МИРЕ ЧИСЕЛ.

Изд. 2-ое, дополнен. 148 стр.

Цена 1 р. 25 к.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

I. Старое и новое о цифрах и нумерации. II. Наши притяжения Пифагоровой таблицы. III. Потомок древнего абака. IV. Немного истории. V. Не-десятичные системы счисления. VI. Галерея числовых диковинок. VII. Фокусы без обмана: Искусство индусского цыра. — Не вскрывал конвертов, угадать число спичек в коробке. — Чтение мыслей по спичкам. — Идеальный разговор. — Продолжать сумму написанных чисел. — Предугадать результат ряда действий. — Мгновенное деление. — Еще отгадывание. — Любимая цифра. — Угадать день рождения. — Одно из „утешных действий“ Магницкого. VIII. Быстрый счет и вечный календарь. IX. Числовые исполнины: X. Числовые миллипуты. XI. Арифметические путешествия. Все главы. Арифметические курьезы.

Выписывающие из Центрального Книжного Склада при Изд-ве „П. П. Сойкин“:
Ленинград, Стремянная, 8, за пересылку не платят.

Ленинградский Гублит № 23369.

Тираж 30000 экз.

Литография арендованная В. Д. Горюновым, Ленинград, Ковенский 14.